

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

41 2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (644) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Якоб Людвиг Карл Гримм* (1785–1863) — немецкий филолог-германист, языковед, историк права и собиратель фольклора, один из основателей германской филологии как самостоятельной научной дисциплины. Именно Якобу принадлежит первенство в научной части их общего дела, тогда как его младший брат Вильгельм в большей степени отвечал за литературную обработку текстов.

Якоб Гримм родился 4 января 1785 года в городе Ханау. В семье было шестеро детей; Вильгельм, родившийся в 1786 году, стал не только братом, но и ближайшим соратником Якоба на всю жизнь. В 1791 году семья переехала в Штайнау, где отец получил новое назначение, однако в 1796 году он умер, и материальное положение семьи резко ухудшилось. В 1798 году Якоба и Вильгельма отправили к тетке в Кассель, где они поступили в привилегированный лицей.

В 1802 году Якоб начал изучать право в Марбургском университете. Решающее влияние на его научные интересы оказал Фридрих Карл фон Савиньи, крупнейший правовед эпохи, под руководством которого Гримм приобщился к работе с историческими источниками и к сравнительно-историческому методу. В 1805 году Савиньи привлек его к разбору рукописей в Париже, что положило начало многолетним архивным изысканиям. В 1806–1807 годах Гримм служил в гессенском военном ведомстве, а в 1808 году получил место библиотекаря при личной библиотеке Жерома Бонапарта в Касселе, что дало ему доступ к книжным собраниям и время для собственных занятий.

Научная деятельность Гримма развивалась в нескольких направлениях одновременно. Вместе с Вильгельмом он выпустил сборник «Детские и домашние сказки», а затем «Немецкие предания». Сам Якоб сосредоточился на языке и праве: в 1819 году вышел первый том «Немецкой грамматики», в 1828 году — «Древности немецкого права», в 1835 году — «Немецкая мифология». В 1822 году во втором издании грамматики он сформулировал закономерность, известную как закон Гримма (первое германское передвижение согласных), — одно из ключевых открытий сравнительно-исторического языкознания.

В 1829 году Якоб Гримм получил приглашение в Гёттингенский университет, где с 1830 года занимал должность профессора и заведовал библиотекой. В 1837 году он вместе с Вильгельмом вошел в так называемую «Гёттингенскую семерку» — семь профессоров, протестовавших

против отмены конституции ганноверским королем Эрнстом Августом. За это всех семерых уволили, а Якоба как одного из тех, кто не был уроженцем Ганновера, обязали покинуть страну. Братья вернулись в Кассель, а в 1840 году по приглашению прусского короля Фридриха Вильгельма IV переехали в Берлин, где были избраны членами Прусской академии наук и получили право читать лекции в Берлинском университете без обязательной нагрузки.

Братья Гримм прожили вместе почти всю жизнь, вели общее хозяйство и работали в одной комнате за двумя столами, обращенными друг к другу. Вильгельм женился в 1825 году, Якоб так и остался холостяком.

В 1848 году Якоб Гримм был избран депутатом Франкфуртского национального собрания, однако вскоре сложил полномочия, сославшись на занятость научной работой.

В 1838 году братья начали работу над «Немецким словарем» — фундаментальным историческим словарем немецкого языка. Первый том вышел в 1854 году; Якоб успел довести дело лишь до буквы F, а завершен словарь был только в XX веке.

После увольнения Якоб опубликовал брошюру «О моем увольнении» (1838), где изложил обстоятельства конфликта с ганноверским правительством; она быстро разошлась по Германии.

Гримм считается одним из первых германских филологов, читавших лекции на немецком языке, а не на латыни.

Современники описывали Якоба как человека сурового и замкнутого, всецело погруженного в работу; его личная библиотека и рукописи были завещаны Прусской государственной библиотеке.

Умер Якоб Гримм 20 сентября 1863 года в Берлине, продолжая диктовать материалы для словаря; он похоронен на кладбище Святого Матфея рядом с братом, который скончался в 1859 году от паралича легких.

Труды Якоба Гримма выходят далеко за рамки фольклористики: он заложил основы исторической грамматики германских языков, разработал методику сравнительного изучения памятников письменности и ввел в научный оборот огромный корпус текстов. Собранные братьями сказки, несмотря на строго научный замысел собирателей, стали одним из самых известных памятников мировой литературы.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ершова Л. Д.

Системность правового обеспечения информационной безопасности в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации..... 353

Ершова Л. Д.

Проблема противодействия кибертерроризму в России и в мире 355

Ефименко Д. С.

Актуальные вопросы защиты прав миноритарных акционеров 357

Ефимова В. Н.

Корпоративный конфликт: позитивные правовые последствия 359

Ибрагимова С. Р.

Роль суда и сторон в процессе доказывания по уголовному делу 362

Калин-оол Е. А.

Понятие, сущность и юридическая природа права на жизнь в современной правовой доктрине..... 364

Карнаухова Д. А.

Роль органов внутренних дел в охране общественного порядка и общественной безопасности 366

Королева В. Ю.

Особенности проведения предъявления лица для опознания при расследовании убийств прошлых лет..... 369

Кочорова С. Т.

Определение пределов доказывания на стадии предварительного расследования: между всесторонностью и процессуальной экономией 372

Курилов Д. С.

Фактическое принятие наследства: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики 375

Курилов Д. С.

Правовые последствия фактического принятия наследства: проблемы теории и практики 377

Лабашина А. Ю.

Принципы применения иностранного права: *lex fori*, принцип наиболее тесной связи, добросовестность, разумность 380

Лукьянченко К. Н., Гуров В. А.

Цифровой учет рабочего времени как средство защиты трудовых прав работников: проблемы дистанционной и платформенной занятости..... 385

Малышкин Д. Н.

Уголовно-правовая оценка нарушения правил использования воздушного пространства Российской Федерации и изменение разрешительного режима полётов беспилотных воздушных судов..... 387

Мелихова О. О.

Судебное усмотрение и неопределенность понятия «крайне неблагоприятное положение» супруга 392

Митрофанов Н. В.

Пределы публично-правового вмешательства в договор банковского счета: исполнение судебных приказов и защита минимальных доходов должника-гражданина..... 394

Митюшева О. С.

Медиация в гражданском процессуальном праве в Российской Федерации: исторический аспект 399

Мосеева В. К.

Понятие и функции государственной пошлины в гражданском процессе..... 401

Мурашова А. А.

Эволюция системы государственного учета недвижимости в дореволюционной России ... 404

Мурашова А. А.

Доктринальные подходы к пониманию правовой природы государственной регистрации недвижимости 407

Никифорова К. С.

Смягчение наказания по уголовному праву России..... 410

Пискун О. И.

Искусственный интеллект как особый технологический объект правового регулирования в системе российского образования..... 413

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Системность правового обеспечения информационной безопасности в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации

Ершова Людмила Дмитриевна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье автор оценивает согласованность норм главы 28 УК РФ, принятых в 2017–2026 годах, между собой и со смежным законодательством, выделяет три зоны разрыва системности и предлагает меры по их устранению.

Ключевые слова: информационная безопасность, системность права, компьютерная информация, глава 28 УК РФ, критическая информационная инфраструктура, персональные данные.

До 2017 года глава 28 УК РФ состояла из трёх статей, с октября 2026 года их стало девять: добавились ст. 272.1 и 274.1–274.5 [1; 2; 3; 4; 5]. Рост нормативного массива ещё не означает качества правового обеспечения: важно, складываются ли новые нормы в единую конструкцию или каждая закрывает свой участок. Отдельные новеллы уже оценены в литературе, например модель ответственности по ст. 274.2 УК РФ названа неоптимальной [6]. Настоящая статья рассматривает главу 28 как систему. Цель работы: оценить системность правового обеспечения борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации и предложить меры по её повышению. Используются формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы; эмпирической основой служит постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 [7].

Системность оценивается по четырём критериям: целевой согласованности новых норм с задачами обеспечения информационной безопасности, внутренней согласованности объекта, терминов и конструкции составов главы, межотраслевой согласованности с законодательством о персональных данных, критической инфраструктуре и КоАП РФ, а также правоприменительной操作性, то есть наличия судебных разъяснений, позволяющих отличать смежные составы.

Каждая новелла отвечала на отдельную угрозу. В 2017 году появилась ст. 274.1 о критической информационной инфраструктуре [2], в 2022 году ст. 274.2 о нарушении правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам [3]. Закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ ввёл ст. 272.1 об обороте компьютерной информации с персональными данными и дополнил ст. 272 оговоркой о приоритете новой нормы [4]. С 1 сентября 2025 года действуют ст. 274.3–274.5 [5], а с

20 апреля 2026 года изменения в ст. 274.1, включая специальное основание освобождения от ответственности [8]. Общей схемы, объясняющей, чем различаются объекты этих норм и как они соотносятся с базовыми статьями 272–274, закон не содержит. Исключением стал 2024 год, когда одновременно с ст. 272.1 были изменены нормы КоАП РФ об обработке персональных данных [9]: такая парная реформа остаётся скорее образцом, чем правилом.

Первая зона разрыва связана с персональными данными. Практические комментарии к ст. 272.1 исходят из того, что оборот данных, полученных законным путём, под эту статью не подпадает [10]. Тогда работник оператора, получивший данные правомерно и передавший их третьим лицам, остаётся вне состава, а его поведение приходится оценивать по иным нормам. Кроме того, само понятие персональных данных заимствовано из Федерального закона № 152-ФЗ [11], а правил разграничения со ст. 137 и 138 УК РФ, защищающими тайну частной жизни и переписки, нет ни в законе, ни в разъяснениях высшей судебной инстанции.

Вторая зона относится к критической информационной инфраструктуре. Круг объектов ст. 274.1 определяется не Уголовным кодексом, а Федеральным законом № 187-ФЗ [12], поэтому граница уголовной ответственности зависит от административных процедур. Поправки 2026 года ввели освобождение для лица, которое содействовало расследованию и приняло меры по сохранению следов воздействия [8]. Мера удачна, поскольку связывает уголовное право с практикой реагирования на инциденты, но действует лишь в рамках одной статьи.

Третья зона касается телекоммуникационных составов. Статьи 274.3–274.5 охраняют прежде всего порядок оказания услуг связи и доступ к информационным ресурсам [5], то есть объект главы «Преступления в сфере

компьютерной информации» смещается, а её понятийный аппарат пополняется терминами из законодательства о связи («абонентский терминал пропуска трафика», «виртуальная телефонная станция»), не согласованными с определением компьютерной информации.

Главным унифицирующим инструментом остаётся постановление Пленума № 37, раскрывшее понятия уничтожения, блокирования и модификации компьютерной информации [7]. Однако оно принято 15.12.2022, то есть раньше, чем появились ст. 272.1, 274.3–274.5 и поправки к ст. 274.1, не изменяет диспозиций и не решает вопросов межотраслевой стыковки. Судебные разъяснения необходимы, но недостаточны: они повышают операционность, но не заменяют согласованности самого законодательства.

Во-первых, постановление Пленума № 37 следует дополнить разъяснениями о квалификации по ст. 272.1 как по специальной норме при наличии признаков ст. 272, о понятии информационных ресурсов, предназначенных для незаконных хранения и распространения информации, и о разграничении ст. 272.1, 137 и 138 по основному объекту посяательства. Во-вторых, необходимо пересмотреть место ст. 274.3–274.5: либо перенести их в главу, объектом которой выступают общественная безопасность или отношения в сфере связи, либо сохранить в главе 28, закрепив обязательный признак воздействия на компьютерную информацию; автор склоняется к первому варианту. В-третьих, логику специального основания освобождения целесообразно распространить на главу 28 примечанием: лицо освобождается от ответственности, если добровольно сообщило о деянии, активно способствовало его раскрытию, сохранило следы

неправомерного воздействия, возместило ущерб и не совершило иного преступления. Риск злоупотребления снимается ограничением правила составами небольшой и средней тяжести и соотносением его со ст. 75 УК РФ. В-четвёртых, любые поправки к главе 28 должны сопровождаться сопоставлением со смежным законодательством, как это было в 2024 году [4; 9].

Проведённый анализ показывает, что проблема борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации лежит не только в плоскости отдельных пробелов, но и в самом способе развития законодательства. За девять лет глава 28 УК РФ выросла втрое, однако каждая новая статья создавалась как ответ на конкретную угрозу, без общей схемы, определяющей объект защиты и связь с базовыми составами. Именно поэтому разрыв системности возникает сразу в трёх местах: в обороте персональных данных, в защите критической инфраструктуры и в телекоммуникационных составах.

Вывод состоит в том, что повышение эффективности уголовно-правовой защиты информационной безопасности достижимо без радикальной перестройки Уголовного кодекса. Достаточно сочетания четырёх мер: актуализации постановления Пленума, пересмотра места ст. 274.3–274.5, распространения логики специального основания освобождения на всю главу и введения практики парных реформ смежных отраслей. Результативная борьба с компьютерными преступлениями требует не только новых составов, но и их согласованности друг с другом; следующим шагом должно стать исследование судебной практики по новым нормам, когда по ним накапливаются проверяемые данные.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 26.07.2017 № 193-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4742.
3. Федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5227.
4. Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 49 (ч. IV). Ст. 7412.
5. Федеральный закон от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4636.
6. Русскевич Е. А. Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам информационной безопасности // *Journal of Digital Technologies and Law*. — 2023. — Т. 1, № 3. — С. 650–672.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2023. — № 3.
8. Федеральный закон от 09.04.2026 № 76-ФЗ «О внесении изменений в статью 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2026. № 15. Ст. 1843.
9. Борьбу с утечкой персональных данных усилили (федер. закон от 30.11.2024 № 420-ФЗ, изменения в ст. 13.11 КоАП РФ) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/borbu-s-utechkoy-personalnykh-dannykh-usilili/> (дата обращения: 08.10.2026).

10. Новая редакция УК РФ с 11 декабря 2024 года: уголовная ответственность по персональным данным [Электронный ресурс]. URL: <https://ppt.ru/obzory/uk/2024-12-11> (дата обращения: 08.10.2026).
11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 26.07.2026) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
12. Федеральный закон от 26.07.2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (ред. от 07.04.2025 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2017. — № 31 (1 ч.) — Ст. 4736.

Проблема противодействия кибертерроризму в России и в мире

Ершова Людмила Дмитриевна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье автор рассматривает проблему противодействия кибертерроризму в России и за рубежом, анализирует доктринальные подходы к его определению, международные и национальные меры противодействия и предлагает пути совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: кибертерроризм, терроризм, информационная безопасность, противодействие, информационные технологии.

Информационная сфера стала главным направлением развития современного общества: появляются новые технологии, формируется единое информационное пространство. Одновременно растут угрозы национальной, и прежде всего информационной, безопасности, причём как внутри отдельных государств, так и на международном уровне. Особенно остро проблема стоит там, где работают средства массовой информации и сеть Интернет: через них распространяются материалы экстремистского и террористического характера. В литературе это явление получило название «кибертерроризм».

Эксперты неоднократно предупреждали, что террористические группы уже способны применять Интернет, самостоятельно или вместе с физической атакой, для причинения реального вреда. По оценке специалистов Отдела компьютерных технологий ФБР, в перспективе кибертерроризм может заменить традиционные теракты: ему благоприятствуют анонимность, разнообразие возможных целей, низкая вероятность обнаружения и независимость от места совершения [1].

Проблема не ограничивается одной страной. Безопасность информационного пространства остаётся приоритетом правоохранительных органов, поскольку использование информационных технологий в преступных целях несёт повышенную общественную опасность. Однако законодательного определения кибертерроризма, насколько позволяют судить доступные источники, до сих пор нет, и эту нишу занимает доктрина. В. А. Мазуров понимает под ним совокупность противоправных действий: от покушения на жизнь и угроз расправой до разрушения материальных объектов и искажения объективной информации, которые нагнетают страх и напряжённость ради политических, экономических или социальных преимуществ [2]. По В. А. Голубеву, это умышленная атака на информацию,

обрабатываемую компьютером, на компьютерную систему или сеть, создающая опасность для жизни и здоровья людей либо иных тяжких последствий, если её цель состоит в нарушении общественной безопасности, запугивании населения или провокации военного конфликта [3]. Ю. В. Гаврилов и Л. В. Смирнов усматривают сущность явления в противоправном воздействии на информационные системы, которое создаёт условия для техногенных аварий и катастроф либо реальную угрозу такой опасности для жизни, здоровья или имущества неопределённого круга лиц [4].

На международном уровне базовым актом называют Конвенцию Совета Европы 2001 года (Будапештскую конвенцию): она закрепляет принципы международного сотрудничества и виды правонарушений в сфере компьютерной информации [5]. Россия этот документ не подписала. Вместе с тем она участвует в Соглашении между правительствами государств, членов Шанхайской организации сотрудничества, о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности 2009 года, где названы национальные интересы, информационные угрозы, цели и направления обеспечения такой безопасности [6]. В октябре 2025 года в Ханое Россия подписала и Конвенцию ООН против киберпреступности, одобренную Генеральной Ассамблеей 24.12.2024; для вступления в силу ей необходимы ратификации 40 государств [7]. Но это общий договор о киберпреступности, а не специальный акт о кибертерроризме.

Противодействие кибертерроризму строится по трём направлениям, которые повторяют структуру противодействия терроризму: профилактика, борьба и минимизация (ликвидация) последствий [8]. Профилактика представляет собой комплекс мер по выявлению и устранению причин и условий кибертеррористической деятельности. Она идёт тремя путями: системное противодей-

ствие идеологии кибертерроризма; правовые, организационные, оперативные, административные, режимные, военные и технические меры, обеспечивающие антитеррористическую защищённость возможных объектов посягательств; усиление контроля за соблюдением режимов, затрудняющих кибертерроризм.

Борьба с кибертерроризмом ведётся уполномоченными федеральными органами исполнительной власти с помощью разведывательных, контрразведывательных, оперативно-розыскных, следственных и специальных мероприятий. Их задача состоит в том, чтобы выявлять, предупреждать и пресекать кибертеррористическую деятельность, а также раскрывать и расследовать преступления такого рода [9]. Минимизация и ликвидация последствий планируются заранее, на основе прогнозов возможного ущерба. Главные задачи здесь: не допустить уничтожения информационных, программных и технических ресурсов, имеющих общественную значимость, восстановить повреждённые данные и возместить вред пострадавшим физическим и юридическим лицам [10].

Отдельные вопросы информационной безопасности урегулированы Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: он запрещает распространять сведения, направленные на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иную информацию, за распространение которой установлена уголовная или административная ответственность [11]. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации 2009 года признаёт кибертерроризм одной из угроз национальной безопасности и предусматривает подготовку специалистов в области противодействия терроризму (кибертерроризму) [12]. Частично пробел восполняет ст. 205.2 УК РФ о публичных призывах к терроризму и его пропаганде, которая применяется и к материалам в сети Интернет [13]. Все эти нормы, однако, затрагивают лишь отдельные стороны явления: идеологическую или организационную, но не сами атаки на информационные системы.

Целостной системы правового противодействия кибертерроризму как социально-правовому явлению пока не создано. Для её формирования предлагается, во-первых, закрепить в законе понятие кибертерроризма как совокупности противоправных действий, которые с помощью компьютерных и телекоммуникационных технологий создают опасность для жизни и здоровья людей либо иных тяжких последствий и нагнетают страх и напряжённость в обществе ради преимуществ в решении политических, экономических или социальных задач. Во-вторых, следует дополнить главу 24 Уголовного кодекса РФ составом, который предусматривал бы ответственность за кибертерроризм. В-третьих, необходим международный акт, подробно определяющий понятие, цели и меры противодействия этому явлению.

Проведённый анализ позволяет сделать три вывода. Первый: кибертерроризм остаётся прежде всего доктринальной категорией. Законодательного определения нет, а авторские дефиниции расходятся в том, что считать его главным признаком: способ действия, последствия или цель. Это затрудняет единообразную квалификацию и разработку специальных мер.

Второй вывод касается уровня регулирования. Российские нормы, от закона об информации до Концепции 2009 года и ст. 205.2 УК РФ, охватывают идеологическую и организационную стороны противодействия, но не охватывают технические атаки на информационные системы. Международные акты, включая Конвенцию ООН 2025 года, дают основу для сотрудничества в борьбе с киберпреступностью в целом, однако специального регулирования кибертерроризма не содержат.

Третий вывод практический: предложенные меры взаимосвязаны. Закреплённое в законе понятие станет основой для самостоятельного состава в главе 24 УК РФ, а тот, в свою очередь, создаст предпосылки для согласованной позиции России в международных переговорах. Без этой последовательности профилактика, борьба и ликвидация последствий останутся набором разрозненных мер, а не системой противодействия.

Литература:

1. Компьютерная преступность как разновидность организованной и транснациональной преступности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pomogu-skompom.ru/2012/07/kompyuternaya-prestupnost-kak-raznovidnost-organizovannoj-itransnacionalnoj-prestupnosti/> (дата обращения: 08.10.2026).
2. Мазуров В. А. Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия // Доклады ТУСУРа. — 2010. — № 1 (21), ч. 1.
3. Кипров И. А., Королёв М. Э., Сычев В. А. Кибертерроризм как угроза основам государственного строя // Лучшая студенческая статья 2018: сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конкурса. В 2 ч. — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. — С. 248.
4. Гаврилов Ю. В., Смирнов Л. В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. — М.: ЮИ МВД РФ, 2013. — С. 66.
5. Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.alppp.ru/law/pravosudie/46/konvencija-o-prestupnosti-v-sfere-kompyuternoj-informacii-185-rus-angl-.html> (дата обращения: 08.10.2026).
6. Об утверждении Соглашения между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности: распоряжение Правительства РФ от 16.07.2009 № 984-р // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 30. — Ст. 3879.

7. Конвенцию ООН против киберпреступности подписали в Ханое 65 государств, включая Россию [Электронный ресурс] // РАПСИ. — 25.10.2025. — URL: https://rapsinews.ru/international_news/20251025/311274117.html (дата обращения: 08.10.2026).
8. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в действующей редакции).
9. Мовчан И. Н., Чернова Е. В., Чусавитина Г. Н. Учебный проект как одна из форм противодействия киберэкстремизму среди школьников // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 9–3. — С. 486–490.
10. Чусавитина Г. Н., Чернова Е. В. Толерантность как средство борьбы с экстремизмом и терроризмом // Современные проблемы науки и образования: тез. докл. XLIII внутривуз. науч. конф. преп. МаГУ. — Магнитогорск, 2011. — С. 100–102.
11. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
12. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 05.10.2009 // Российская газета. — 2009. — № 198, 20 окт.
13. Попов В. Ф., Полещук О. А., Выстропов В. Г. Актуальные проблемы проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие публичных призывов к осуществлению террористической деятельности посредством сети Интернет // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2024. — № 4. — С. 153–161. — DOI: 10.22394/2074-7306-2024-1-4-153-161.

Актуальные вопросы защиты прав миноритарных акционеров

Ефименко Дарья Сергеевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются актуальные проблемы защиты прав миноритарных акционеров. Проанализированы новеллы законодательства 2024–2026 годов, включая Федеральный закон от 4 июля 2026 г. № 237-ФЗ и Указ Президента РФ от 3 июня 2026 г. № 389, а также позиции Верховного Суда РФ по делам о размывании доли, выкупе акций и доступе к информации. Выявлена разнонаправленность развития судебной практики и законодательного регулирования.

Ключевые слова: миноритарный акционер, корпоративное право, акционерное общество, размывание доли, дополнительная эмиссия, кумулятивное голосование, принудительный выкуп акций, обязательное предложение, корпоративный конфликт.

Розничный инвестор перестал быть статистической погрешностью российского фондового рынка. Статистика Московской биржи фиксирует: к июню 2026 года брокерские счета открыли 41,9 млн физических лиц, а доля частных инвесторов в торгах акциями достигла 63,5 % [1]. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 закрепил ориентир капитализации рынка — не менее 66 % валового внутреннего продукта к 2030 году [2]. Инструментарий защиты держателей мелких пакетов складывался, однако, в иную экономическую эпоху.

1. Понятие миноритарного акционера: нормативная лакуна

Легального определения миноритарного акционера отечественное законодательство не содержит. Федеральный закон «Об акционерных обществах» оперирует пороговыми величинами — 1, 2, 10 и 25 процентов голосующих акций, — каждая из которых открывает свой набор правомочий, но родового понятия не образует [3]. Первую развёрнутую дефиницию предложил акт рекомендательного характера: письмо Минфина России и Банка России

от 12.09.2025 № ИН-01-28/101 признаёт миноритарием физическое лицо с долей не более 25 % уставного капитала [4]. Ограничение субъектного состава физическими лицами вызывает возражения. Владелец небольшого пакета часто выступает негосударственный пенсионный или паевой инвестиционный фонд, и его положение по отношению к контролирующему акционеру принципиально не отличается.

2. Размывание доли и судебный контроль

Наиболее острая форма ущемления прав миноритария — дополнительная эмиссия, проводимая ради перераспределения контроля, а не финансирования. Определение СКЭС Верховного Суда РФ от 02.09.2025 № 306-ЭС24-21253 изменило сложившийся подход [5]. Акционер АО «ЦЕСИС» с пакетом 21,28 % потребовал созыва внеочередного собрания для переизбрания совета директоров; за шесть дней до назначенной даты мажоритарий провёл другое собрание и разместил по закрытой подписке 20 000 акций по 1750 рублей. Сохранение прежней доли требовало от истца 6 809 600 рублей. Иначе

участие снижалось до 0,008 % — в 2660 раз, что означало фактическое вытеснение из общества.

Три инстанции в иске отказали, сославшись на соблюдение процедуры. Верховный Суд эту логику отверг: решение об увеличении уставного капитала может быть оспорено по статьям 10 и 181.4 ГК РФ, если реальная потребность в средствах отсутствовала, а целью было перераспределение контроля. Позиция вошла в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2025) [6]. Преувеличивать значение вывода не стоит: дело направлено на новое рассмотрение, а бремя доказывания возложено на истца.

3. Кумулятивное голосование: гарантия, ослабленная в 2026 г.

Кумулятивное голосование остаётся единственным механизмом представительства миноритариев в совете директоров. Федеральный закон от 4 июля 2026 г. № 237-ФЗ, действующий с 15 июля, ввёл из этого правила изъятие [7]. Новый пункт 6 статьи 66 допускает избрание члена совета взамен выбывшего без кумулятивного голосования, если это предусмотрено уставом. Законодатель сопроводил конструкцию двумя ограничителями: решение принимается тремя четвертями голосов участвующих акционеров, если против кандидата подано менее 2 % голосов; правило не действует, когда выбывший директор признавался независимым.

Второй ограничитель нуждается в отдельном комментарии. Двухпроцентный порог наделяет правом вето консолидированную группу миноритариев — но именно консолидированную, что при распылённом составе акционеров достигается редко.

4. Выкуп акций и обязательное предложение

Ценовой характер конфликтов при принудительном выкупе иллюстрирует дело ПАО «Иркутскэнерго»: мажоритарий выкупил акции по 14,37 рубля, а экспертиза оценила их в 32,30 рубля. Определением от 31.10.2025 № 302-ЭС25-4810 Верховный Суд признал допустимой групповую форму иска, но указал, что шестимесячный срок по пункту 4 статьи 84.8 исчисляется по каждому присоединившемуся акционеру отдельно [8]. Процессуальная экономия групповой формы обесценивается индивидуальным исчислением давности.

Регулирование обязательного предложения развернулось в противоположную сторону. Указ Президента РФ от 3 июня 2026 г. № 389 исключил применение статьи 84.2 при продаже федерального имущества на аукционе или пуб-

личном предложении [9]. Поводом послужил конфликт вокруг ПАО «ЮГК»: после перехода 67 % акций Росимуществу оферта владельцам оставшихся 32,8 % не направлялась вопреки предписанию Банка России.

5. Право на информацию и зарубежные модели

Доступ к информации образует предпосылку для прочих способов защиты. Статья 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» выстраивает трёхуровневый режим: базовый перечень открыт любому акционеру, пакет от 1 % даёт протоколы совета директоров, 25 % — документы бухгалтерского учёта. Определением от 23.10.2025 № 306-ЭС25-5519 Верховный Суд признал, что коммерческая тайна сама по себе не освобождает общество от их предоставления [10].

Если российское право строит защиту вокруг точечных правомочий, то английское использует общую оговорку: раздел 994 Companies Act 2006 допускает обращение в суд при несправедливом ущемлении (*unfair prejudice*) интересов участника с правом обязать мажоритария выкупить долю [11]. Минимального порога владения английский закон не устанавливает. Делавер избрал противоположный путь: параграф 262(g) Общего закона о корпорациях допускает судебную оценку акций лишь по пакету свыше 1 % [12].

Заключение

Российское регулирование прав миноритарных акционеров развивается разнонаправленно. Судебная практика 2024–2026 годов усиливает содержательный контроль корпоративных решений, тогда как законодатель одновременно расширяет одни гарантии и сужает другие. Цену неравномерности отражает первичный рынок: в 2025 году состоялось 9 биржевых размещений против 19 годом ранее, а число участвовавших граждан упало с 331 до 74 тысяч [13].

Первоочередной задачей представляется не расширение каталога прав, а обеспечение работоспособности существующих. Легальная дефиниция миноритарного акционера с включением институциональных владельцев небольших пакетов устранила бы разноразмерные пороговые величин. Стандарт проверки экономической обоснованности эмиссии заслуживает распространения на непубличные общества, а однородные требования миноритариев нуждаются в процессуальной консолидации с единым исчислением давности.

Литература:

1. Частные инвесторы вложили в первом полугодии в ценные бумаги почти 1,5 трлн рублей: пресс-релиз от 08.07.2026 // Московская биржа. — URL: <https://www.moex.com/n101882> (дата обращения: 26.07.2026).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обр.: 26.07.2026).

3. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 1. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения: 26.07.2026).
4. О рекомендациях по организации работы с розничными акционерами ПАО с государственным участием: информационное письмо Минфина России и Банка России от 12.09.2025 № ИН-01-28/101 // Банк России. — URL: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/10100> (дата обращения: 26.07.2026).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.09.2025 № 306-ЭС24-21253 по делу № А49-11694/2023 // ГАРАНТ.РУ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412548253/> (дата обращения: 26.07.2026).
6. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2025): утв. Президиумом ВС РФ 22.12.2025 // Консультант-Плюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522498/3c0656ec20862f3d8a3ae7c567db9bc1e-0ce76af/ (дата обращения: 26.07.2026).
7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты РФ: Федеральный закон от 04.07.2026 № 237-ФЗ // Российская газета. — 2026. — 8 июля. — № 148 (9984). — URL: <https://rg.ru/documents/2026/07/08/ao-dok.html> (дата обращения: 26.07.2026).
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.10.2025 № 302-ЭС25-4810 по делу № А19-15588/2022 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8fe7d63d-f175-48d6-9de7-8f9bb652e020> (дата обращения: 26.07.2026).
9. О внесении изменений в Указ Президента РФ от 30.09.2025 № 693 «О некоторых особенностях реализации имущества, находящегося в федеральной собственности»: Указ Президента РФ от 03.06.2026 № 389 // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606030008> (дата обр.: 26.07.2026).
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.10.2025 № 306-ЭС25-5519 по делу № А12-24638/2023 // ГАРАНТ.РУ. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412823123/> (дата обращения: 26.07.2026).
11. Companies Act 2006. Section 994. Petition by company member // legislation.gov.uk. — URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/section/994> (accessed: 26.07.2026).
12. Delaware General Corporation Law. Title 8, Subchapter IX, § 262. Appraisal rights // Delaware Code. — URL: <https://del-code.delaware.gov/title8/c001/sc09/index.html> (accessed: 26.07.2026).
13. Публичные размещения и предложения акций: итоги 2025 года: аналитический обзор // Банк России. — Москва, 2026. — URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/59770/IPO_review_2025.pdf (дата обращения: 26.07.2026).

Корпоративный конфликт: позитивные правовые последствия

Ефимова Виктория Николаевна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В статье анализируется феномен корпоративного конфликта через призму его позитивных правовых последствий. Обосновывается тезис о двойственном характере корпоративных конфликтов, которые в определённых условиях выступают катализатором совершенствования законодательства, формирования единообразной судебной практики, развития внутрикорпоративных регуляторных механизмов и распространения альтернативных способов разрешения споров. Рассматриваются конкретные правовые тенденции, формирующиеся под влиянием корпоративных конфликтов, в том числе разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по вопросам ответственности органов управления и применения правил об экстраординарных сделках.

Ключевые слова: корпоративный конфликт, корпоративный спор, позитивные последствия, альтернативное разрешение споров.

Народная мудрость гласит: «Нет худа без добра». Этот архетипический тезис применительно к проблематике корпоративных конфликтов обретает неожиданную правовую конкретику. Корпоративный конфликт традиционно воспринимается в доктрине и правоприменительной практике как явление деструктивное, сопряжённое с эко-

номическими потерями и дестабилизацией управления. Вместе с тем детальный анализ актуальной российской правовой действительности позволяет обнаружить парадокс позитивного влияния корпоративных конфликтов на развитие правовых институтов и регуляторной среды предпринимательской деятельности [6, с. 50].

Следует заметить, что понятие «корпоративный конфликт» является предметом междисциплинарного подхода, объединяющего элементы юриспруденции, социологии, психологии и экономики [7]. Однако в рамках настоящей статьи данное понятие рассматривается исключительно в его правовой ипостаси — как разногласие (противоречие) между участниками корпоративных правоотношений, способное трансформироваться в корпоративный спор, подлежащий разрешению в юрисдикционном порядке [8, с. 260]. При этом важно подчеркнуть, что легальная дефиниция корпоративного конфликта в действующем российском законодательстве отсутствует, а в арбитражном процессуальном законодательстве оперируют преимущественно термином «корпоративные споры» [2, ст. 225.1].

Корпоративные конфликты, особенно приобретающие масштабный и резонансный характер, неизбежно «высвечивают» регуляторные противоречия, пробелы и алогизмы действующего корпоративного законодательства, сигнализируя субъектам нормотворческого процесса и экспертному сообществу о необходимости коррекции соответствующих правил. Исторический опыт российской правовой системы подтверждает этот тезис: именно волна корпоративных захватов и недружественных поглощений 1990-х — начала 2000-х годов стимулировала законодателя к существенной модернизации акционерного законодательства и законодательства о банкротстве [3, ст. 1]. Конфликты, без сомнения, выступают двигателем в области совершенствования законодательства, что наглядно демонстрируют позитивные изменения на рынке после принятия актуальной редакции закона о банкротстве, практически исключившей использование заказных банкротств в качестве инструмента корпоративных захватов [6, с. 52].

Аналогичным образом участвовавшие в судебной практике споры, связанные с ответственностью контролирующих лиц и членов органов управления хозяйственных обществ, стали катализатором концептуального развития статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1, ст. 53.1]. Данная норма, введенная Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ, прошла путь от рамочной декларации до детализированного правового института, содержание которого в значительной степени сформировано под влиянием конкретных корпоративных конфликтов, дошедших до высшей судебной инстанции.

Показательным примером также является развитие института корпоративного договора (статья 67.2 ГК РФ), который во многом обязан своей легализацией и последующей востребованностью именно стремлению участников корпоративных отношений создать эффективные превентивные механизмы урегулирования потенциальных конфликтов на договорной основе [1, ст. 67.2]. Сама практика заключения корпоративных договоров выступает результатом осознания бизнес-сообществом необходимости экстраординарных инструментов согласования воли участников, вырабатанных в горниле корпоративных противостояний.

Корпоративные конфликты, становясь предметом судебного разбирательства и достигая уровня Верховного

Суда Российской Федерации, способствуют формированию правовых позиций, обеспечивающих единообразие судебной практики и повышающих уровень правовой определенности в корпоративных отношениях [9]. Как справедливо отмечается в доктрине, в последние годы наблюдается существенная активизация Верховного Суда РФ в сфере корпоративного права, выражающаяся в значительном количестве дел, пересмотренных с концептуальных и креативных позиций [10].

Особого внимания заслуживает Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июля 2025 года [4]. Данный документ, обобщивший 26 правовых позиций, стал прямым ответом высшей судебной инстанции на многочисленные корпоративные конфликты, связанные с привлечением к ответственности руководителей и контролирующих лиц. В частности, Верховный Суд Российской Федерации сформулировал принципиально важную презумпцию: если сделка совершена руководителем хозяйственного общества в условиях конфликта интересов, который не был им раскрыт перед участниками общества (акционерами) или членами совета директоров (наблюдательного совета), презюмируется, что причиненные обществу убытки возникли в связи с указанными действиями руководителя [4, п. 15].

Ранее в правоприменительной практике истцу требовалось доказывать причинно-следственную связь между деянием руководителя и наступившими убытками даже при наличии нераскрытого конфликта интересов. Сформированная Верховным Судом Российской Федерации позиция существенно упрощает доказывание и тем самым усиливает защиту прав миноритарных участников и самого общества, что является прямым позитивным следствием тех корпоративных конфликтов, которые послужили фактической основой для рассмотренных дел [10].

Не менее значимой представляется позиция Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой формальные нарушения правил одобрения крупной сделки не гарантируют её оспаривание, если контролирующие участники или бенефициары своим поведением (конклюдентными действиями) фактически подтвердили согласие на её совершение [4, п. 21]. Данный подход, сформированный в результате рассмотрения конкретного корпоративного конфликта, направлен на предотвращение злоупотребления правом со стороны недобросовестных участников, стремящихся использовать формальные нарушения для дестабилизации деятельности общества.

Корпоративные конфликты, инициатором которых выступает «слабая сторона» корпоративно-правовых отношений (миноритарные акционеры, участники с незначительной долей), даже завершаясь поражением инициатора, приводят к позитивным коррективам в корпоративном поведении «сильной стороны», работая тем самым на стабилизацию стратегии корпоративного руководства. Сам факт обращения в суд, даже при отрицательном для истца

исходе, создаёт прецедент, дисциплинирующий мажоритарных участников и менеджмент [6, с. 55].

Корпоративный конфликт, особенно пережитый в неразрушительном варианте его разрешения, стимулирует хозяйственное общество к совершенствованию собственной регуляторной базы — уставных документов, положений об органах управления, регламентов совершения сделок с заинтересованностью и иных внутренних документов. Такой конфликт позволяет избавить компанию от «тлеющих конфликтов» массового характера, представляющих собой доведённые до высокой степени обострения корпоративные противоречия совладельцев или участников и топ-менеджеров [6, с. 56].

В целях предупреждения корпоративных конфликтов Кодекс корпоративного управления, рекомендованный к применению письмом Банка России от 10.04.2014 № 06–52/2463, прямо рекомендует обществу создать систему, обеспечивающую выявление сделок, совершаемых в условиях конфликта интересов, и предусматривает механизмы управления конфликтами на уровне совета директоров и корпоративного секретаря [5, п. 2.7]. Таким образом, сама угроза возникновения корпоративного конфликта, помноженная на опыт уже состоявшихся противостояний, стимулирует внедрение превентивных регуляторных механизмов.

Практика показывает, что в ряде случаев корпоративный конфликт приводит к реструктуризации бизнеса, разделу активов между участниками, что, при всей болезненности процесса, в долгосрочной перспективе способствует оздоровлению корпоративных отношений и повышению эффективности управления. Неразрушительное разрешение конфликта нередко завершается заключением корпоративного договора или иного соглашения, фиксирующего новые, более сбалансированные правила взаимодействия участников, что снижает вероятность рецидива конфликтной ситуации [1, ст. 67.2].

Обострение корпоративных конфликтов и осознание участниками оборота издержек, связанных с судебным разбирательством (временные затраты, аресты активов,

обеспечительные меры, репутационные потери), стимулируют обращение к альтернативным способам урегулирования споров. Показательным в этом отношении является беспрецедентный случай завершения корпоративных конфликтов, длившихся более четырёх лет, посредством процедуры медиации, завершившейся утверждением медиативного соглашения в качестве мирового [9; 10].

Таким образом, корпоративный конфликт, доведённый до определённой стадии эскалации, парадоксальным образом создаёт предпосылки для внедрения и популяризации цивилизованных, внесудебных форм разрешения противоречий.

В доктрине подчёркивается, что внутренний корпоративный конфликт в определённых ситуациях выступает стихийным, но при этом объективно обоснованным методом социального протеста, не имеющего шансов на победу как таковую, но косвенно работающего в качестве стимулятора создания гражданско-демократических основ общества, в том числе в сфере корпоративного управления [6, с. 58].

Проведённый анализ позволяет утверждать, что корпоративный конфликт, при всей его внешней деструктивности, обладает значительным позитивным потенциалом в правовом измерении. Он выступает катализатором совершенствования корпоративного законодательства, формирования единообразной судебной практики и повышения правовой определённости, стимулирует развитие внутрикорпоративных регуляторных механизмов и альтернативных способов разрешения споров.

Безусловно, изложенное не следует трактовать как призыв к искусственному инициированию корпоративных конфликтов. Речь идёт о признании объективной реальности: конфликт имманентно присущ корпоративным отношениям, и задача правовой науки и практики заключается не в его элиминации, а в создании эффективных механизмов управления конфликтом и извлечении из него тех позитивных импульсов, которые способствуют эволюции правовых институтов и совершенствованию корпоративного управления.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
4. Обзор судебной практики по корпоративным спорам, связанным с применением статьи 53.1 ГК РФ (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кодекс корпоративного управления (рекомендован письмом Банка России от 10.04.2014 № 06–52/2463) // Вестник Банка России. — 2014. — № 40.
6. Осипенко О. В. Корпоративный конфликт как фактор позитивного развития социально-экономических отношений // Современная конкуренция. — 2022. — Т. 16. — № 4. — С. 49–59.
7. Машукова Д. А., Щербакова Л. Г. Корпоративная конфликтология как часть юридической науки // Universum: экономика и юриспруденция. — 2025. — № 6 (128).

8. Давыдов С. А. Вопросы, связанные с разграничением определений «корпоративный конфликт» и «корпоративный спор» // Молодой учёный. — 2024. — № 5 (504). — С. 260–262.
9. Затяжной корпоративный конфликт разрешён с помощью медиации // Arbitration.ru. — 2025. — URL: <https://tyva.arbitr.ru/material/370423>. Дата обращения: 01.10.2026
10. Беспрецедентный случай: корпоративный конфликт, длившийся более четырёх лет, разрешён с помощью процедуры медиации // Arbitr.ru. — 2025. — URL: <https://amuras.arbitr.ru/material/370226>. Дата обращения: 01.10.2026. Arbitration.ru

Роль суда и сторон в процессе доказывания по уголовному делу

Ибрагимова София Рафаэлевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуется распределение полномочий суда, обвинения и защиты при собирании, проверке и оценке доказательств. Рассматриваются различия в процессуальных возможностях сторон, порядок разрешения ходатайств и пределы судебной инициативы. Анализируются риск подмены судом обвинительной функции и значение судебных разъяснений для проверки допустимости доказательств.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательства, суд, сторона обвинения, сторона защиты, состязательность, презумпция невиновности, судебная инициатива.

Распределение полномочий по доказыванию определяет условия проверки обвинения и принятия обоснованного судебного решения. Органы расследования вправе применять предусмотренные законом меры принуждения, тогда как защитник получает сведения и добывается их процессуального исследования иными способами. Суд, сохраняя беспристрастность, должен обеспечить проверку доказательств и реализацию прав сторон. Проблема заключается в определении границы между самостоятельным исследованием обстоятельств дела и выполнением судом обвинительной функции.

Цель статьи — определить правовые ориентиры разграничения судебной инициативы и деятельности стороны обвинения, а также выявить гарантии участия защиты в доказывании. Исследование основано на формально-юридическом анализе норм УПК РФ и сопоставлении научных подходов с разъяснениями Верховного Суда РФ.

Доказывание предполагает установление обстоятельств дела и процессуальное закрепление полученных сведений. А. Р. Белкин характеризует его следующим образом: «В деятельностном аспекте это познавательный и удостоверительный процесс» [1, с. 10]. Значение имеют как содержание информации, так и законность ее получения. Процессуальная форма обеспечивает возможность установить источник сведений, проверить их и разрешить вопрос об использовании в качестве доказательств.

Предмет доказывания охватывает обстоятельства, предусмотренные статьей 73 УПК РФ. К ним относятся, в частности, событие преступления, виновность лица, форма вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер причиненного вреда. Установлению подлежат также обстоятельства, ис-

ключающие преступность и наказуемость деяния, влияющие на наказание либо позволяющие освободить лицо от уголовной ответственности и наказания. Следовательно, содержание доказывания не исчерпывается подтверждением обвинительной версии.

Пределы доказывания характеризуют необходимый объем доказательств и глубину исследования обстоятельств дела. Их определение зависит от содержания и взаимосвязи полученных сведений, наличия противоречий и достаточности оснований для процессуального решения. Количество проведенных следственных действий само по себе не свидетельствует о полноте исследования.

Собирание, проверка и оценка доказательств осуществляются во взаимосвязи. Полученные сведения сопоставляются с другими материалами дела, устанавливаются их источники, при необходимости собираются дополнительные доказательства. Оценке подлежат относимость, допустимость и достоверность каждого доказательства, а также достаточность их совокупности. Выявленные противоречия могут потребовать дополнительной проверки. Внутреннее убеждение должно основываться на совокупности доказательств; заранее установленной силы отдельные доказательства не имеют.

Презумпция невиновности определяет распределение бремени доказывания. Согласно статье 14 УПК РФ подозреваемый и обвиняемый не обязаны доказывать свою невиновность. Доказывание обвинения и опровержение доводов защиты возлагаются на сторону обвинения. Отказ обвиняемого от дачи показаний или представления доказательств не подтверждает его виновность. Неустраняемые в установленном законом порядке сомнения толкуются в его пользу.

Принцип состязательности разграничивает функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела. Статья 15 УПК РФ закрепляет равноправие сторон перед судом, который обеспечивает условия для осуществления их прав и исполнения обязанностей. При этом равноправие не предполагает тождества полномочий участников или одинакового распределения бремени доказывания.

На досудебных стадиях следователь и дознаватель проводят следственные и иные процессуальные действия, проверяют доказательства и оценивают их достаточность для принятия решений. Прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов расследования, проверяет поступившее уголовное дело и при наличии предусмотренных законом оснований возвращает его для дополнительного расследования или устранения недостатков. В судебном разбирательстве он поддерживает государственное обвинение. И. И. Белохортов отмечает: «основная тяжесть по собиранию и закреплению доказательств лежит на органах расследования (дознания и предварительного следствия)» [2, с. 184].

Отнесение следователя и дознавателя к стороне обвинения не освобождает их от проверки оправдывающих сведений и обстоятельств, смягчающих наказание. В суде государственный обвинитель представляет доказательства, определяет очередность их исследования со своей стороны, задает вопросы и заявляет ходатайства. Если он приходит к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают обвинение, то обязан отказаться от него полностью или частично, изложив мотивы своего решения.

Потерпевший дает показания, представляет предметы и документы, заявляет ходатайства и участвует в исследовании доказательств. Его представитель осуществляет процессуальные права в интересах потерпевшего, но не заменяет его при даче показаний об обстоятельствах, известных лично. Потерпевший и представитель вправе добиваться проверки сведений о преступлении и причиненном вреде, а также обжаловать решения, затрагивающие интересы потерпевшего.

Обвиняемый вправе давать показания или отказаться от них, представлять доказательства и участвовать в предусмотренных законом процессуальных действиях. Защитник собирает сведения, опровергающие обвинение, исключаяющие ответственность или смягчающие наказание. Закон позволяет ему получать предметы и документы, опрашивать лиц с их согласия, истребовать справки, характеристики и иные документы у органов власти, общественных объединений и организаций.

Для исследования полученных материалов защита заявляет ходатайства об их приобщении, допросе свидетелей, назначении экспертизы и проведении других процессуальных действий. Оспаривание обвинения может касаться содержания доказательства, его связи с обстоятельствами дела или законности получения. Защитник вправе указывать на противоречия в показаниях, недостатки экспертного исследования и нарушения процес-

суального порядка. Выдвижение альтернативной версии не является обязательным условием защиты: ее позиция может основываться на недостаточности обвинительных доказательств.

Возможности защитника ограничены отсутствием полномочий на применение процессуального принуждения. Он не вправе проводить обыск, принудительно изымать предметы или обеспечивать обязательную явку для опроса. Адвокатский опрос не заменяет процессуального допроса. Отказ в удовлетворении ходатайства может быть обжалован в установленном порядке, а само ходатайство — заявлено повторно.

Независимость и беспристрастность суда предполагают отсутствие заинтересованности в подтверждении позиции какой-либо стороны. Председательствующий руководит заседанием и разъясняет участникам их права; суд разрешает ходатайства и обеспечивает возможность исследовать доказательства и оспаривать их. М. К. Свиридов подчеркивает значение отстраненности суда для его объективности: «Последняя в значительной мере обеспечивается отстраненностью суда от интересов сторон» [3, с. 147].

При рассмотрении дела в общем порядке суд непосредственно исследует доказательства: заслушивает показания, осматривает вещественные доказательства, изучает документы. После допроса подсудимого и свидетелей сторонами он вправе задать им вопросы. Закон допускает также назначение судебной экспертизы по инициативе суда. Эти полномочия обеспечивают самостоятельность судебной проверки, но должны осуществляться в пределах функции разрешения дела.

Результаты оценки доказательств отражаются в приговоре. Суд обязан указать основания своих выводов и мотивы отклонения других доказательств. При наличии противоречий необходимо объяснить, почему одни сведения признаны достоверными, а другие отвергнуты. Перечисление материалов дела без анализа их содержания и взаимосвязи не обеспечивает проверяемости судебного решения.

Разграничение судебной проверки и восполнения недостатков обвинения представляет самостоятельную проблему. И. И. Белохортов рассматривает инициативу суда в связи с исследованием доказательств, представленных после предварительного расследования [2, с. 184]. Суд не связан оценкой следователя или прокурора. Однако выявление неполноты обвинительных доказательств не означает возникновения у него обязанности самостоятельно обосновать виновность подсудимого.

Различие полномочий сторон приобретает значение для равноправия, если препятствует представлению или проверке сведений, существенных для защиты. Поэтому при разрешении ходатайства об истребовании доказательств необходимо оценивать его предмет, связь запрашиваемых материалов с обстоятельствами дела и доводы заявителя. Отказ должен содержать мотивы, позволяющие проверить его обоснованность. Дополнительную

гарантию предусматривает часть 4 статьи 271 УПК РФ, запрещающая отказывать в допросе свидетеля или специалиста, явившегося по инициативе стороны, с учетом требований закона к его участию.

При рассмотрении ходатайства защиты об исключении доказательства, полученного с нарушением УПК РФ, бремя опровержения приведенных доводов возлагается на прокурора. В остальных случаях основания исключения доказывает сторона, заявившая ходатайство. Проверка допустимости отличается от оценки достоверности: содержание сведений не устраняет нарушения порядка их получения.

Подмена обвинения связана с принятием судом функции обоснования виновности вместо прокурора. Само получение дополнительных сведений или установление новых обстоятельств не доказывает наличия обвинительного уклона. М. К. Свиридов указывает на риск утраты объективности при вовлечении суда в состязание сторон [3, с. 146]. Для оценки судебной инициативы следует учитывать правовое основание действия, его мотивировку, связь с проверяемыми обстоятельствами и возможность обеих сторон участвовать в исследовании результата. Направленность инициативы должна устанавливаться по процессуальным действиям и решениям, а не по предположениям о намерениях судьи.

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что правила распределения бремени доказывания при оспаривании допустимости доказательств распространяются и на судебное разбирательство. Наличие судебного разрешения на следственное действие не освобождает государственного обвинителя от опровержения доводов защиты, а суд — от проверки обстоятельств проведения этого действия и принятия мотивированного решения [4]. Ранее вынесенное постановление не заменяет рассмотрения конкретных возражений относительно полученных доказательств.

Пределы судебной инициативы определяются ее соответствием функции разрешения уголовного дела. Самостоятельное исследование доказательств допустимо при наличии предусмотренного законом основания и сохранении возможностей сторон участвовать в их проверке. Принятие судом задачи доказать виновность вместо обвинения нарушает установленное распределение функций. Поэтому оценка судебной активности должна опираться на содержание и мотивировку процессуальных решений, порядок исследования доказательств и рассмотрение доводов защиты.

Пределы судебной инициативы определяются ее соответствием функции разрешения уголовного дела. Самостоятельное исследование доказательств допустимо при наличии предусмотренного законом основания и сохранении возможностей сторон участвовать в их проверке. Принятие судом задачи доказать виновность вместо обвинения нарушает установленное распределение функций. Поэтому оценка судебной активности должна опираться на содержание и мотивировку процессуальных решений, порядок исследования доказательств и рассмотрение доводов защиты.

Литература:

1. Белкин, А. Р. Теория доказывания: научно-методическое пособие / А. Р. Белкин. — М.: Издательство НОРМА, 1999. — 429 с. — Текст: непосредственный.
2. Белохортов, И. И. Полномочия суда по собиранию, закреплению и проверке доказательств / И. И. Белохортов. — Текст: непосредственный // Общество и право. — 2008. — № 1 (19). — С. 184–188.
3. Свиридов, М. К. Установление судом истины в судебном разбирательстве / М. К. Свиридов. — Текст: непосредственный // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 353. — С. 142–147.
4. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51: в ред. от 9 декабря 2025 г. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285530/ (дата обращения: 05.10.2026).

Понятие, сущность и юридическая природа права на жизнь в современной правовой доктрине

Калин-оол Евгения Арбын-ооловна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует многогранную природу конституционного права на жизнь через призму современной юридической доктрины и исторического развития российского законодательства.

Ключевые слова: право на жизнь, конституционные гарантии, смертная казнь, защита личности, государственное принуждение.

Фундаментальной основой конституционного строя является право на жизнь: она представляет собой главную нематериальную ценность в любом демократическом обществе. Право на жизнь закреплено ст. 20 Кон-

ституции Российской Федерации, что в полной мере соответствует общепризнанным международным нормам: Всеобщей декларации прав человека и Международному пакту о гражданских и политических правах.

Право на жизнь занимает особое место среди прав человека и является необходимым условием для обладания всеми иными правами и свободами, поскольку именно оно составляет исходную предпосылку существования личности как таковой. Принадлежащее человеку с момента рождения, оно не устанавливается, не ограничивается и не изменяется по воле каких-либо органов власти, государственных институтов или отдельных лиц, на что неоднократно указывали современные исследователи, занимающиеся изучением содержания и назначения данного права. Гарантированным обеспечением физического существования индивида со стороны государства обусловлена возможность реализации всех остальных гражданских и политических прав, поскольку утрата жизни делает бессмысленным само обладание человеком любыми иными правовыми возможностями [1].

В отечественной правовой системе право на жизнь формировалось постепенно и на протяжении длительного времени претерпевало значительные изменения, что подтверждается результатами исторического анализа данного вопроса, охватывающего весь период существования соответствующих правовых норм и подходов к их правовому регулированию в различные исторические эпохи.

Первые советские конституции, к числу которых относятся Конституция РСФСР 1918 года и Конституция СССР 1924 года, преимущественно строились на политических и классовых правах. В этих документах отсутствовали положения, непосредственно гарантирующие право человека на жизнь, а основное внимание законодателей того периода было сосредоточено на иных категориях прав, признававшихся в тот момент приоритетными. Международные демократические стандарты в области прав и свобод человека нашли свое практическое отражение в отечественной правовой системе только с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года — именно с этого момента право человека на жизнь получило официальное закрепление в качестве высшей конституционной ценности государства, а прежний подход к правам и свободам личности, при котором им не уделялось должного и достаточного внимания, был заменён новым, соответствующим современным представлениям о значении и роли данных прав в правовом государстве [2].

Основной проблемой современной правовой доктрины является вопрос о допустимости применения исключительной меры наказания. Ст. 59 Уголовного кодекса РФ вступает в противоречие с конституционным правом на жизнь. Статистика свидетельствует о том, что применение или отказ от применения смертной казни не оказывают существенного влияния на криминогенную обстановку и динамику убийств внутри страны. Даже если рассматривать лишение жизни как возмездие за преступление, государство все равно не обладает правом отнимать у человека жизнь, и именно поэтому современные представления о гуманизме требуют полностью отказаться от применения такого вида наказания [3].

Со стороны представителей государственной власти главной проблемой является защита права на жизнь от произвольных посягательств, что имеет большую значимость для юридической природы.

Действующим уголовным законодательством не предусмотрена отдельная норма в отношении ответственности должностного лица за незаконное лишение гражданина жизни, хотя ст. 317 УК РФ устанавливает наказание за посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов, и это обстоятельство создает очевидный дисбаланс между двумя категориями субъектов правоотношений. Серьезную озабоченность у соответствующих государственных органов должна вызывать ситуация, при которой лицо, заключенное под стражу по уголовным обвинениям и находящееся вследствие этого под контролем властей, может стать жертвой убийства, что и отмечает Европейский суд по правам человека при рассмотрении подобных случаев. О необходимости совершенствования национальных механизмов контроля за правоохранительными органами и пенитенциарной системой свидетельствует обозначенный выше дисбаланс между уровнем ответственности за посягательство на жизнь представителя власти и отсутствием симметричной нормы для случаев противоположного характера.

От правоприменительной, в том числе судебной, практики напрямую зависит эффективность конституционных гарантий, закрепленных в отношении права на жизнь. Сдерживающим фактором против государственного произвола выступает независимое расследование каждого случая применения силы, повлекшего угрозу жизни, поскольку именно такая проверка позволяет установить действительные обстоятельства произошедшего и привлечь виновных к ответственности [4]. Вопросы законности содержания под стражей лица, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных пп. «в, е» ч. 3 ст. 286 УК РФ, а именно в превышении должностных полномочий с применением насилия, оружия или специальных средств, повлекшем тяжкие последствия, были предметом рассмотрения в апелляционном постановлении Верховного суда Республики Дагестан от 26 февраля 2026 г. № 22К-709/2026, материалы которого приводятся в качестве примера правоприменительной практики по делам о преступлениях против интересов государственной службы [5].

Рассматривая нарушения законности и прав граждан, допущенные должностными лицами при исполнении служебных обязанностей, приходится констатировать, что упомянутый прецедент подтверждает реальность судебного преследования виновных в подобных ситуациях лиц, а поскольку защита права на жизнь должна обеспечиваться на всех уровнях правовой системы, такие прецеденты также указывают на важность расширения институтов административной юстиции и общественного контроля [4].

Для реализации права на жизнь как конституционной ценности Российской Федерации необходимыми усло-

виями представляются устранение выявленного нормативного дисбаланса и развитие институтов административной юстиции и общественного контроля, поскольку эффективность конституционных гарантий права на жизнь зависит от качества правоприменительной практики, от независимости расследования случаев приме-

нения силы со стороны представителей власти, а также от дальнейшего совершенствования национальных механизмов контроля за деятельностью правоохранительных органов и пенитенциарной системы, что в совокупности определяет реальное состояние защиты данного права в стране.

Литература:

1. Амелчаков, О. И. Право на жизнь в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021. — № 1 (89). — С. 37–41.
2. Амелчаков, О. И. Эволюция конституционного регулирования государственного гарантирования права на жизнь в России // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 2. — С. 36–39.
3. Колесникова, Д. О. Смертная казнь: панацея от преступности или нарушение конституционного права на жизнь? // International Journal of Humanities and Natural Sciences. — 2018. — № 10–2. — С. 139–142.
4. Хорев, А. В. Конституционные гарантии защиты жизни от произвольных посягательств со стороны представителей власти // Пробелы в российском законодательстве. — 2016. — № 2. — С. 31–34.
5. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Дагестан от 26 февраля 2026 г. по делу № 22К-709/2026 // Судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RU6yINmFQQ58/> (дата обращения: 24.08.2026).

Роль органов внутренних дел в охране общественного порядка и общественной безопасности

Карнаухова Дарья Алексеевна, студент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье показана значимость охраны общественного порядка и общественной безопасности для российского государства, описана роль МВД РФ в их поддержании. Дана характеристика служб и подразделений МВД РФ, уполномоченных осуществлять охрану общественного порядка и общественной безопасности.

Ключевые слова: общественный порядок, общественная безопасность, МВД РФ, участковый уполномоченный полиции, ГИБДД, подразделение по делам несовершеннолетних, ППСП.

Актуальность темы исследования обусловлена высоким уровнем проблемных вопросов, связанных с развитием цивилизации, государства и общества. Нарастающие явления глобализации, сложная международная обстановка, кризисные явления в экономике и политике внутри страны делают актуальным поиск путей обеспечения безопасности российского государства. К тому же модернизация современной России происходит на фоне сложных внутригосударственных социальных коллизий с осложнением внутренней обстановки. В этих условиях поддержание общественного порядка и общественной безопасности является важной задачей обеспечения существования государства и общества.

В условиях возрастающей неопределенности и постоянного расширения числа угроз на органы внутренних дел возлагается все большая ответственность за решение различных управленческих задач, с учетом действия не только внешних, но и внутренних факторов. В процессе осуществления различных видов деятельности (кон-

трольно-надзорной работы, разрешительной и юрисдикционной, предоставлением государственных услуг) осуществляется работа по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности.

К полномочиям Министра внутренних дел в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности относятся:

— издание нормативных правовых актов МВД России, определяющих права и обязанности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности;

— заключение межведомственных соглашений, международных договоров РФ межведомственного характера по вопросам охраны общественного порядка и общественной безопасности;

— организация работы служб и подразделений Министерства внутренних дел и его территориальных органов, обеспечивающих поддержание общественного порядка и общественной безопасности.

Вопросами охраны общественного порядка заняты следующие подразделения органов внутренних дел: патрульно-постовая служба полиции (ППСП); служба участковых уполномоченных полиции; подразделение по делам несовершеннолетних (ПДН); государственная инспекция безопасности дорожного движения (ГИБДД).

Среди подразделений органов внутренних дел, обеспечивающих поддержание общественного порядка, патрульно-постовая служба полиции занимает центральное место. Будучи наиболее многочисленным и функционально универсальным подразделением, ППСП осуществляет ежедневное патрулирование улиц и общественных пространств, обеспечивая тем самым постоянное безопасное пребывание граждан в общественных местах. Организационно ППСП сформирована из строевых подразделений, каждое из которых характеризуется особым штатным составом, зависящим от характеристик обслуживаемой территории, плотности населения и интенсивности криминогенной нагрузки [1].

Правовая основа деятельности ППСП закреплена в Наставлении об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России, утвержденном Приказом МВД РФ от 28.06.2021 № 495. Анализ данного документа позволяет выделить четыре ключевых направления служебной деятельности, ориентированных на охрану общественного порядка и общественной безопасности:

1) обеспечение общественного порядка и общественной безопасности в общественных местах, включая объекты транспортной инфраструктуры, где концентрация граждан и потоков транспортных средств создаёт повышенные риски правонарушений и возникновения ситуаций, угрожающих жизни и здоровью людей;

2) предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений, реализуемые через визуальное наблюдение, патрулирование, проверку документов, а также непосредственное вмешательство в ситуации, приобретающие противоправный характер;

3) выявление и доставление в органы внутренних дел лиц, подозреваемых в совершении преступлений, скрывающихся от суда и следствия, а также лиц, совершивших административные правонарушения. Данная задача охватывает как самостоятельное выявление правонарушителей в процессе патрулирования, так и участие в реализации оперативно-розыскных мероприятий по ориентирам иных служб;

4) содействие иным службам органов внутренних дел в пределах предоставленных полномочий, заключающееся в первичном реагировании на правонарушения с последующей передачей материалов профильным подразделениям для углублённой разработки.

Обеспечение безопасности дорожного движения как самостоятельного элемента общественной безопасности возложено на Государственную инспекцию безопасности дорожного движения. Правовой статус ГИБДД определён

Указом Президента РФ от 15.06.1998 № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения». Специфика положения ГИБДД в системе МВД обусловлена сочетанием различных задач по охране общественного порядка и общественной безопасности:

1) поддержание правопорядка в сфере дорожного движения путем организации патрулирования перекрестков, регулирования транспортных потоков и др.;

2) осуществление контрольно-надзорной деятельности за состоянием дорожного движения и транспортной сети, что предполагает систематический мониторинг соблюдения правил, оценку технического состояния дорог и транспортных средств, а также разработку предложений по совершенствованию дорожной инфраструктуры;

3) проведение экзаменационных процедур с кандидатами в водители, регистрация транспортных средств, выдача разрешительных документов, а также осуществление административного производства по нарушениям правил дорожного движения.

Непосредственным субъектом, реализующим обеспечение общественного порядка и общественной безопасности на транспортных магистралях, выступает дорожно-патрульная служба (далее — ДПС). На неё возложены оперативно-профилактические, контрольные, надзорные и разрешительные функции в области обеспечения безопасности дорожного движения, что делает ДПС инструментом как узкоспециализированного транспортного контроля, так и общего поддержания правопорядка на дорогах.

К полномочиям сотрудников ДПС относятся:

1) контроль за соблюдением пешеходами, водителями, пассажирами правил дорожного движения и иных нормативных правовых актов;

2) оказание содействия гражданам и юридическим лицам в осуществлении их законных прав и интересов при участии в дорожном движении — данное полномочие реализуется, в частности, через разъяснение правовых норм, помощь в оформлении документов при дорожно-транспортных происшествиях, а также обеспечение беспрепятственного движения транспортных средств экстренных служб;

3) осуществление мероприятий по надзору за дорожным движением, включающее в себя управление транспортными потоками с использованием жестов, сигналов, технических средств регулирования, а также временное изменение схемы движения при возникновении нештатных ситуаций;

4) производство по делам об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ в отношении нарушителей;

5) осуществление неотложных действий на месте дорожно-транспортных происшествий, включая проведение осмотра места происшествия, фиксацию доказательств, оказание помощи пострадавшим;

6) сопровождение транспортных средств и иные мероприятия, связанные с обеспечением безопасности при

перевозке опасных, крупногабаритных или иных грузов, требующих специальных условий транспортировки [2].

Служба участковых уполномоченных полиции занимает центральное место в системе органов внутренних дел и является гарантом защиты граждан от преступных и иных противоправных посягательств. Участковый уполномоченный полиции призван поддерживать общественный порядок на закрепленной за ним в установленном порядке части территории, обслуживаемой органом внутренних дел.

Правомочия участковых уполномоченных полиции в сфере охраны общественного порядка имеют нормативное закрепление, как на уровне законов, так и в ведомственных нормативных актах (Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»). Предназначением участкового уполномоченного является принятие мер, направленных на предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений, выявление и раскрытие преступлений, а также производство по делам об административных правонарушениях.

Во время несения службы участковый уполномоченный полиции выполняет важные функции:

1) Превентивная функция, которая реализуется в непосредственном изучении территории административного участка. В процессе обхода территории сотрудник изучает криминогенную обстановку на обслуживаемом участке, выявляет объекты с недостаточной технической укрепленностью и взаимодействует с собственниками по вопросам обеспечения общественного порядка и общественной безопасности (п. 24.3 Инструкции).

2) Профилактическая функция состоит в проведении индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учёте в отделении полиции. Инструкция (п. 33) в рамках этой работы с лицами, являющимися группой риска, участковый уполномоченный проводит профилактические беседы, разъясняет правовые последствия антиобщественного поведения, а также участвует в осуществлении административного надзора за лицами, в отношении которых судом установлены временные ограничения прав и свобод (п. 34 Инструкции).

3) пресекательная функция выражается в праве участкового уполномоченного требовать от граждан прекращения противоправных действий, а при выявлении административных правонарушений — устанавливать личность нарушителя, выявлять свидетелей, фиксировать их показания и составлять протоколы об административных правонарушениях.

4) процессуальная функция реализуется через производство по делам об административных правонарушениях, относящихся к компетенции участкового уполномоченного полиции, а также через исполнение отдельных поручений следователя, дознавателя или органа дознания.

5) В период проведения массовых мероприятий участковый уполномоченный полиции привлекается к проведению охраны общественного порядка во время массовых мероприятий.

Деятельность подразделений по предупреждению правонарушений несовершеннолетних регламентируется Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также Инструкцией по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845.

Ключевым направлением деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в сфере охраны общественного порядка является **учётная и индивидуально-профилактическая деятельность**. Инспектор по делам несовершеннолетних организует ведение учёта несовершеннолетних, демонстрирующих признаки отклоняющегося поведения либо уже совершивших правонарушения, и осуществляет профилактическую работу как с ребёнком, так и членами его семьи.

Важное значение для поддержания общественной безопасности имеет **работа с подростками, доставленными в органы внутренних дел**. Инспектор устанавливает характер происшествия, выясняет обстоятельства доставления, устанавливает мотивы совершения правонарушения, а также определяет дальнейшие меры реагирования — от постановки на профилактический учёт до направления в специализированные учреждения. При этом особое значение имеет соблюдение прав несовершеннолетнего и минимизация негативных последствий для его дальнейшей социализации.

Важной составляющей служебной деятельности инспектора ПДН является **профилактическая работа с подростками, проживающими на подведомственной территории**. Инспектор систематически изучает статистические данные о правонарушениях, беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних, выявляет семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации. На основе полученных данных формируются предложения по оказанию адресной правовой и социальной помощи.

В рамках процессуального обеспечения деятельности инспектор **рассматривает обращения граждан, сообщения государственных органов, общественных и религиозных объединений**, а также материалы, зарегистрированные в книге учёта сообщений о происшествиях (КУСП) в отношении несовершеннолетних. По результатам проверки принимаются решения, соответствующие компетенции ПДН, включая возбуждение административных производств, подготовку материалов для рассмотрения на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав либо передачу материалов в иные подразделения ОВД. [3]

Таким образом, в Российской Федерации сформирована система органов, участвующих в обеспечении обще-

ственного порядка и общественной безопасности. Возглавляет ее Президент РФ. В рамках своих полномочий Министерство внутренних дел выполняет задачи по охране общественного порядка и общественной безопас-

ности. Ряд подразделений МВД РФ (служба участковый уполномоченных, подразделение по делам несовершеннолетних, ГИБДД, ППС) ориентированы на охрану общественного порядка и общественной безопасности.

Литература:

1. Низаметдинов Р. А. Понятие общественной безопасности в контексте обеспечения национальной безопасности // Криминологический журнал. 2024. № 3. С. 165–169.
2. Зайцева С. Е. Органы внутренних дел и их роль в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности // Инновации в науке и технике: новые горизонты: материалы II Международной научно-практической конференции, Саратов, 12 апреля 2024 года. — Саратов, 2024. — С. 423–430.
3. Сорокин, Е. С. Административно-правовой статус МВД России / Е. С. Сорокин // Конституция Российской Федерации — основной закон государства (ко дню Конституции России): сборник материалов межвузовской научно-теоретической конференции, Новосибирск, 22 декабря 2023 года. — Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. — С. 260–263.

Особенности проведения предъявления лица для опознания при расследовании убийств прошлых лет

Королева Валентина Юрьевна, аспирант

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

В данной статье раскрывается понятие следственной ситуации и тактических приемов и операций при расследовании убийств прошлых лет. В частности раскрываются отдельные вопросы методики расследования указанной категории преступлений, методика проведения такого следственного действия, как предъявление лица для опознания, основные его виды и некоторые тактические операции и приемы, которые могут использоваться при проведении данного следственного действия.

Одним из основополагающих разделов криминалистики является методика расследования отдельных видов преступлений. Методика расследования преступлений представляет систему научных положений и рекомендаций по организации и осуществления расследования и предотвращения отдельных видов преступлений. Изучая данный раздел криминалистики, следственный работник может создать своеобразную информационную модель совершения преступлений, а также определить основные направления деятельности по раскрытию того или иного преступления. Изучая методику расследования конкретного вида преступлений, можно определить наиболее вероятные версии совершенного преступления, а также определить тактику проведения конкретных следственных действий.

Чтобы говорить о производстве отдельных следственных действий и тактике их проведения необходимо обратиться также к такому разделу, как криминалистическая тактика. Криминалистическую тактику можно определить как раздел науки криминалистики, представляющую собой систему научных положений и практических рекомендаций по организации и планированию расследо-

вания преступлений, определению линии поведения лиц, его осуществляющих, приемов проведения отдельных процессуальных (следственных) действий в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В практической деятельности следственных органов тактика является своеобразным алгоритмом проведения следственных действий, нацеленным на быстрое и качественное расследование уголовных дел.

Говоря о тактике производства следственного действия, независимо от его вида, для начала стоит определить ряд категорий, которые необходимы для дальнейшего рассмотрения нашего вопроса.

С позиции криминалистической науки решение задач по предотвращению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений обеспечивается за счет использования тактических средств, а именно, тактических приемов и рекомендаций.

Тактическим приемом в криминалистической науке следует определять наиболее рациональный и эффективный способ действий лица, осуществляющего доказывание, при получении, изучении и использовании кри-

миналистически значимой информации [4]. Тактические приемы крайне разнообразны, исчерпывающего списка и перечня их нет, поэтому, когда следователь выбирает тот или иной тактический прием при производстве конкретного следственного действия, он должен соблюдать критерии допустимости использования тактических приемов.

Совокупность обстоятельств, которые сложились в деятельности следователя на момент выбора и реализации тактического приема называется следственной ситуацией [3]. Практические работники каждый день сталкиваются с той или иной следственной ситуацией. Говоря о расследовании убийств прошлых лет, следственные ситуации, которые возникают в процессе раскрытия данной категории убийств, играют ключевое значение для выбора тактики их расследования. Различают типовые и конкретные следственные ситуации, которые являются актуальными в расследовании убийств прошлых лет, так как основной проблематикой при расследовании таких преступлений является преодоление временного препятствия, то есть восстановление утраченной информации с учетом прошествия определенного количества времени.

Чтобы практическим работникам было легче выбирать тактические приемы и минимизировать риски дальнейшей утраты деталей совершенного преступления, научные и практические работники разрабатывают тактические рекомендации, которые можно определить как научно обоснованные, протестированные на практике советы по выбору и применению тактических приемов в типичных ситуациях при расследовании отдельных видов и групп преступлений. Тактические рекомендации, обязательные к исполнению, носят более рекомендательный характер с целью облегчения практической деятельности.

При определении тактических приемов следователь или иное лицо, осуществляющее предварительное расследование, принимает тактическое решение, то есть определяет алгоритм действий и способов достижения цели в процессе доказывания. На практике чаще всего применяются тактические комбинации — то есть сочетание тактических приемов, используемых в рамках нескольких следственных действий для достижения цели.

Подводя итог сказанному, нужно также определить, что же такое тактические операции, которые предполагают использование в единстве тактических приемов, оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий для решения сложных задач.

Среди наиболее важных следственных действий, которые могут быть результативными при расследовании убийств прошлых лет, мы выделим предъявление лица для опознания.

Тактика производства указанного следственного действия состоит из трех этапов: подготовительный, рабочий и заключительный. Как правило, на подготовительном этапе следователь принимает решение о производстве следственного действия, составляет его план и возможный ход. На рабочем этапе происходит реализация следственного действия, непосредственное его прове-

дение со всеми особенностями. И на заключительном этапе происходит оформление результатов следственного действия. Итак, рассмотрим особенности проведения некоторых следственных действий [4].

Следственное действие — предъявление лица для опознания нормативно закреплено в ст. 193 УПК РФ [9], которая определяет порядок его проведения, а также разновидности. Стоит отметить, что в случае, если мы говорим о расследовании убийств прошлых лет, то это чаще всего опознание, которое проводится с участием свидетеля или очевидца преступления, так как сам потерпевший является погибшим. В уголовно-процессуальном кодексе представлены предъявление для опознания лица, в так называемом, очном формате, когда опознающий и опознаваемый стоят друг перед другом, и опознаваемый непосредственно слышит по каким признакам его опознают. Также несмотря на прошествие какого-то количества времени, некоторые свидетели отказываются на своего рода «открытое» опознание, и тогда проводится опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. Как правило, при таких обстоятельствах опознающий находится за стеклом, за которым его не видит опознающий и в этом смысле опознание может быть результативным, если опознающий боится за свою безопасность.

Еще одной разновидностью предъявления для опознания является опознание по фотографии, когда опознающий смотрит на фотоснимки потенциального подозреваемого и обвиняемого и указывает на то или иное лицо.

На наш взгляд, предъявление для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, не создает безопасность для опознающего, потому что если мы посмотрим тактические рекомендации проведения такого вида опознания, то адвокат опознаваемого лица должен также видеть и следить за опознающим, и может впоследствии рассказать своему подзащитному о поведении и конкретных словах опознающего. В таком случае данный вид опознания проводится больше для психологического комфорта опознающего.

Как мы и говорили ранее, данное следственное действие также подразделяется на три стадии: подготовительный, рабочий и заключительные этапы. Общие правила, по которым разделяются этапы, аналогичны тем, что мы уже рассматривали. Первоначальный этап включает в себя подготовку к следственному действию, вызов лица (опознающего и опознаваемого), подбор статистов, которые должны быть по внешнему облику схожи с опознаваемым, подготовка технико-криминалистических средств, подготовка места проведения указанного следственного действия, подбор их участников, подготовка понятых. Рабочий этап начинается непосредственно с начала проведения следственного действия и производства действий, составляющих основу его производства. На заключительном этапе составляется протокол следственного действия, который подписывается участниками уголовного судопроизводства.

Стоит отметить, что данное следственное действие — одно из немногих, где обязательным условием является участие не менее двух понятых при его производстве (ч. 1 ст. 170 УПК РФ), что делает данное следственное действие достоверным, и не подлежит никакому сомнению, так как понятые не заинтересованы в исходе того или иного уголовного дела.

К проведению данного следственного действия также необходимо тщательно готовиться, чтобы предусмотреть все детали и возможные проблемы при проведении указанного следственного действия. Так необходимо учитывать главным образом видоизменение внешности человека с учетом прошедшего времени. Если человек существенно изменился, целесообразно заменить на опознание по фотографии, причем фотографии должны быть того времени, когда было совершено преступление.

В данном случае следует составить план производства следственного действия. Перед производством опознания обязательно дополнительно допросить опознающего, применяя к нему тактические приемы и операции, направленные на восстановление в памяти облика подозреваемого, каких-либо характерных черт, в том числе походки [5]. И только после формирования определенных признаков следует проводить опознание.

При расследовании убийств прошлых лет стоит также отметить, что предъявление лица для опознания часто является недооцененным следственным действием, так как считается, что в связи с тем, что большинство людей забывают определенные детали произошедшего по прошествии определенного количества времени, проводить данное следственное действие нецелесообразно. Однако нередко в практике возникают случаи, когда при первоначальном расследовании данной категории дел, имеются свидетели, которые отчетливо запоминают лиц, которые могут быть причастны к совершению убийства, и таким образом их можно идентифицировать и доказать их причастность к совершению преступления.

На наш взгляд, стоит также отметить случаи, когда происходит убийство двух и нескольких лиц, при этом, когда кто-то из потерпевших выживает. Тогда необходимо работать с потерпевшим с целью уточнения всех обстоятельств произошедшего преступления, для установления возможности проведения опознания с участием выжившего потерпевшего. Также целесообразно пригласить специалистов по активизации памяти, с целью последующего возможного установления признаков или определенных примет, по которым может быть установлено лицо, причастное к совершению преступлению.

Для того, чтобы предъявление для опознания было результативным при расследовании убийств прошлых лет, в ходе допроса можно также подробно выяснить, в каких условиях свидетель или выживший потерпевший видел объект, который ему предстоит опознать. Дистанция, на которой они были друг от друга, время суток, условия освещения, климатические особенности. Также в ходе до-

проса, который проводится перед производством опознания, необходимо уделить внимание субъективным факторам, которыми может апеллировать опознающий при восприятии того или иного объекта, на что могут влиять психологическое состояние наблюдавшего. Возможно, были изменения или дефекты органов чувств и психики, которые могли негативно отразиться на восприятии объекта, что может сказаться на объективности и достоверности опознания.

В остальном предъявление для опознания проводится в обычном порядке, который регламентирован уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

В целом стоит отметить, что предъявление для опознания при расследовании убийств прошлых лет создает неопровержимую базу доказательств в уголовном деле, хотя на практике сотрудники больше всего боятся проводить именно это следственное действие.

Еще одним видом опознания, которое может заметно помочь в расследовании убийств прошлых лет, является предъявление для опознания трупа. В настоящее время множество уголовных дел об убийствах прошлых лет, когда личность потерпевшего установлена не была, что позволило не установить возможный мотив преступления, и такое уголовное дело было приостановлено. В данном случае опознание трупа может проводиться только по фотографии, так как труп уже к моменту возобновления предварительного следствия захоронен. Предъявление для опознания трупа законодательно упрощено, что позволяет предъявлять его неограниченное количество раз. По смыслу закона труп предъявляется для опознания в единственном числе. Это значительно облегчает задачу для установления личности потерпевшего, потому что в данном случае мы можем разместить информацию об обнаружении трупа, а при обращении граждан в следственный орган, проводить с ними процедуру опознания. Конечно же, в данном случае при расследовании убийств прошлых лет, большим препятствием является прошествие определенного промежутка времени. Если с заявлением о пропаже не поступило в следственный орган, то вопрос об установлении личности потерпевшего становится остро при расследовании. Если убийство совершено, например, из хулиганских побуждений, или в бытовой ссоре, то установление личности потерпевшего не всегда является обязательным. На практике допускается признание в данном качестве в качестве потерпевшего работника социальных служб, а вот, когда установление личности потерпевшего напрямую зависит от мотива совершенного преступления, на практике возникают проблемы при расследовании такой категории убийств. Как мы говорили ранее в данной работе, бывают такие случаи, когда тело подвергается видеозменению, в связи с чем у следствия отсутствуют даже отличительные признаки лица. В такой случае назначается портретная экспертиза, с целью восстановления прижизненного облика с целью возможности последующего опознания по фото.

Литература:

1. Антонян, Ю. М. Криминология. / Ю. М. Антонян. — М.: Юрайт, 2013. — Текст: непосредственный.
2. Багмет, А. М. Расследование претуплений прошлых лет: методические рекомендации / А. М. Багмет. — М.: МА СК РФ, 2017. — 45 с. — Текст: непосредственный.
3. Драпкин, Л. Я. Криминалистика. Методика расследования отдельных видов преступлений: учебник для вузов / Л. Я. Драпкин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 391 с. — Текст: непосредственный.
4. Бастрыкин, А. И. Криминалистика: учебник / А. И. Бастрыкин, И. П. Ищенко, Я. В. Комиссарова. — 2-е изд. — М.: Проспект, 2024. — Текст: непосредственный.
5. Хмелева, А В под ред Багмета А М Отдельные вопросы расследования преступлений прошлых лет: учебно-методическое пособие / А В под ред Багмета А М Хмелева. — М.: Московская акад. Следственного ком. Российской Федерации, 2017. — Текст: непосредственный.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»;
8. Приказ СК России от 31.07.2014 N 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Определение пределов доказывания на стадии предварительного расследования: между всесторонностью и процессуальной экономией

Кочорова Симона Тимуровна, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматривается проблема определения пределов доказывания на стадии предварительного расследования. Анализируется соотношение пределов доказывания с необходимостью всестороннего и полного исследования обстоятельств уголовного дела и идеей процессуальной экономии. Обосновывается утверждение о том, что пределы доказывания не могут сводиться к определенному количеству доказательств и должны определяться с учетом особенностей конкретного уголовного дела. Предлагаются критерии, позволяющие решить вопрос о необходимости продолжения собирания доказательств. Делается вывод о том, что пределы доказывания выступают границей между неполным и избыточным собиранием доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, пределы доказывания, собирание доказательств, предварительное расследование, всесторонность, полнота, процессуальная экономия, достаточность доказательств.

Введение

Доказывание занимает центральное место в деятельности органов предварительного расследования. От того, насколько полно и качественно собрана доказательственная информация, зависит возможность принятия законного и обоснованного процессуального решения по конкретному уголовному делу. При этом перед следователем возникает не только вопрос о том, какие обстоятельства необходимо установить, но и вопрос о том, какое количество доказательств для этого необходимо. На практике очевидно, что расследование не может продолжаться бесконечно, путем производства новых следственных и иных процессуальных действий, но в то же время, пре-

ждевременное прекращение доказательственной деятельности способно привести к неполноте расследования и последующим неблагоприятным последствиям.

Указанная проблема непосредственно связана с понятием пределов доказывания. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не дает самостоятельного определения данной категории, однако устанавливает предмет доказывания и общие правила доказательственной деятельности. Согласно ст. 73 УПК РФ, по уголовному делу подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие событие преступления, виновность лица, причиненный вред и иные юридически значимые обстоятельства. В соответствии со ст. 85 УПК РФ доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказа-

тельств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 Кодекса [1].

Таким образом, законодатель определяет содержание цели доказывания, но не устанавливает количественного показателя, позволяющего во всех уголовных делах определить момент, когда доказательств уже достаточно, и должно быть принято соответствующее процессуальное решение. Именно поэтому вопрос о пределах доказывания приобретает сугубо практическое значение: необходимо определить границу, за которой дальнейшее собирание доказательств перестает быть необходимыми.

Пределы доказывания и объем собираемых доказательств

В уголовно-процессуальной науке пределы доказывания рассматриваются как одна из сложных и дискуссионных категорий. Р. В. Костенко отмечает, что в науке отсутствует единое понимание данного понятия, а сама категория исторически развивалась во взаимосвязи с представлениями о предмете доказывания [3]. Д. В. Зотов посвятил проблеме пределов доказывания отдельное монографическое исследование, в котором рассматриваются предпосылки формирования данной категории, ее содержание и уголовно-процессуальное значение [2].

Для стадии предварительного расследования принципиально важно не отождествлять пределы доказывания с количеством доказательств. Само по себе увеличение числа протоколов следственных действий, заключений экспертов, и иных доказательственных источников еще не означает повышения качества расследования. Несколько доказательств могут подтверждать одно и то же обстоятельство, но при этом необязательно, что каждое новое доказательство будет иметь самостоятельное значение для разрешения дела.

Однако из этого не следует, что пределы доказывания должны пониматься как минимально необходимое количество доказательств. К примеру, если между доказательствами существуют противоречия, имеются не проверенные версии либо отдельное обстоятельство имеет существенное значение для квалификации деяния, назначения наказания или решения вопроса об уголовной ответственности, объем доказательственной деятельности должен быть увеличен.

Следовательно, пределы доказывания целесообразно связывать не с количеством полученных доказательств, а с достижением необходимого состояния доказательственной совокупности для принятия конкретного процессуального решения. Такое состояние предполагает установление юридически значимых обстоятельств, проверку имеющих значение версий и устранение существенных противоречий между доказательствами.

Именно в этом проявляется связь пределов доказывания с собиранием доказательств. Следовательно должен каждый раз оценивать, какое обстоятельство подлежит установлению, какие сведения уже имеются в деле, на-

сколько они согласуются между собой, нет ли между ними противоречий, и может ли конкретное дополнительное действие существенно изменить доказательственную картину. Такой подход позволяет перейти от технического накопления доказательств к целенаправленной доказательственной деятельности.

Всесторонность и полнота как предел недопустимого сокращения доказательственной деятельности

Определяя пределы доказывания, нельзя исходить только из требования процессуальной экономии. Противоположной границей выступает необходимость всестороннего и полного исследования обстоятельств уголовного дела. В научной литературе данное требование рассматривается как существенная характеристика качественного доказывания на стадии окончания предварительного расследования. Например, М. В. Ярмизин обращает внимание на необходимость учитывать не только доказательства, собранные органом предварительного расследования, но и доказательства, представленные стороной защиты [5].

Для определения пределов доказывания это имеет принципиальное значение. Следовательно не должен ограничиваться проверкой только той версии, которая первоначально представляется органу предварительного следствия наиболее вероятной. Если существуют сведения, способные поставить под сомнение уже сформированные выводы, они требуют проверки. В противном случае прекращение собирания доказательств будет означать не достижение пределов доказывания, а их необоснованное сужение.

При этом всесторонность не означает необходимость производства максимально возможного количества следственных действий. Ее содержание следует связывать с исследованием тех обстоятельств и версий, которые имеют значение для правильного разрешения уголовного дела. Например, если определенное обстоятельство уже подтверждено совокупностью согласующихся доказательств, и одновременно с этим, отсутствуют данные, ставящие этот вывод под сомнение, проведение дополнительных действий исключительно для увеличения объема дела не отвечает цели доказывания.

Следовательно, всесторонность выполняет функцию своеобразного нижнего предела доказательственной деятельности. Она препятствует преждевременному завершению расследования и требует продолжения собирания доказательств, когда остаются существенные невыясненные обстоятельства или непроверенные версии.

Процессуальная экономия и необходимость ограничения доказательственной деятельности

Другой стороной рассматриваемой проблемы является понятие процессуальной экономии. В научной литературе он рассматривается как идея рациональной орга-

низации уголовного судопроизводства. А. И. Цыреторов и А. В. Карсаков отмечают, что процессуальная экономия имеет значение для правовой системы, однако вопрос о ее месте и нормативном закреплении остается дискуссионным [4].

Процессуальная экономия не должна пониматься как стремление провести как можно меньше следственных действий. Ее смысл заключается в недопущении действий, которые после достижения необходимого результата уже не способны существенно повлиять на решение по уголовному делу.

Иными словами, процессуальная экономия должна работать не вместо полноты расследования, а после учета ее требований. Если следователь прекращает собирание доказательств только потому, что уже получил достаточное количество сведений, подтверждающих, например, обвинение, и игнорируя противоречащие им данные или альтернативную версию, экономия превращается в необоснованное сокращение доказательственной деятельности. В то же время производство многочисленных однотипных действий, не способных изменить уже сформированную доказательственную картину, представляет собой неоправданное расширение расследования.

Такое понимание согласуется и с положением ст. 88 УПК РФ, согласно которому все собранные доказательства оцениваются в совокупности с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела [1]. Следовательно, значение имеет не само по себе количество доказательств, а их достаточность в совокупности, необходимая для принятия соответствующего процессуального решения.

Критерии определения пределов доказывания

Представляется, что при решении вопроса о продолжении или прекращении процесса собирания доказательств целесообразно учитывать несколько взаимосвязанных критериев.

Во-первых, необходимо установить значение предполагаемого доказательства для обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Во-вторых, необходимо учитывать наличие противоречий между уже полученными доказательствами. Если показания участников, заключения экспертов, документы или вещественные доказательства содержат существенные расхождения, значит пределы доказывания еще не достигнуты.

В-третьих, значение имеет наличие альтернативных версий произошедшего. Проверка версии не должна быть формальной: необходимо оценивать, имеются ли фактические данные, которые делают такую версию реально значимой для уголовного дела.

В-четвертых, следует оценивать вероятность того, что дополнительное доказательство способно изменить или же существенно уточнить уже сформированные выводы. Если новое действие объективно не способно повлиять

на установление обстоятельств дела, его производство может свидетельствовать об избыточности доказательственной деятельности.

Наконец, необходимо учитывать достаточность уже собранной совокупности доказательств. При этом достаточность не может определяться только субъективным убеждением следователя. Она должна быть связана с возможностью на основании совокупности уже собранных доказательств сделать обоснованные выводы, и принять законное и обоснованное решение по уголовному делу.

Таким образом, только оценка объема доказательственной базы с точки зрения выше названных критериев позволяет избежать двух противоположных ошибок: преждевременного прекращения доказательственной деятельности и ее необоснованного продолжения.

Соотношение пределов доказывания, всесторонности и процессуальной экономии

Представляется, что наиболее продуктивно рассматривать указанные категории как элементы единого механизма. Предмет доказывания отвечает на вопрос о том, какие обстоятельства должны быть установлены. Пределы же доказывания позволяют определить необходимый объем доказательственной деятельности для их установления. Всесторонность препятствует тому, чтобы данный объем был необоснованно сокращен, а процессуальная экономия — тому, чтобы он без необходимости был расширен.

Такое соотношение позволяет сформулировать понимание пределов доказывания на стадии предварительного расследования. Под ними следует понимать необходимый для конкретного уголовного дела объем доказательственной деятельности, достаточный для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, проверки имеющих значение версий и устранения существенных противоречий между доказательствами, при котором дальнейшее собирание доказательств уже не способно существенно повлиять на выводы по делу.

Предлагаемое понимание позволяет рассматривать пределы доказывания как границу между двумя нежелательными состояниями расследования. С одной стороны, существует риск неполноты, когда доказательственная деятельность прекращается до установления всех существенных обстоятельств. С другой стороны, существует риск избыточности, когда после достижения достаточного результата продолжается производство действий, не имеющих самостоятельного доказательственного значения.

При этом пределы доказывания не должны восприниматься как неизменная величина. Они могут корректироваться по мере развития расследования. Получение нового доказательства иногда способно поставить под сомнение ранее сделанный вывод, выявить новое обстоятельство или породить необходимость проверки дополнительной версии. В таком случае объем доказательственной деятельности будет объективно расширяться.

Если же результаты проверки подтверждают уже установленные обстоятельства и не выявляют новых существенных вопросов, необходимость дальнейшего собирания доказательств уменьшается.

Подобный подход согласуется с современной научной дискуссией о собирании доказательств. Б. Ю. Кретов обращает внимание на связь между собиранием доказательств с выдвижением и проверкой версий, а также на необходимость получения доказательственной информации в процессуальной форме [6]. Следовательно, решение о производстве очередного следственного или иного процессуального действия должно быть обусловлено не самим фактом существования возможности его проведения, а его целесообразностью и доказательственным назначением.

Заключение

Проблема определения пределов доказывания на стадии предварительного расследования заключается, в первую очередь, в необходимости найти границу между недостаточным и избыточным объемом доказательственной деятельности. Уголовно-процессуальный закон

определяет обстоятельства, подлежащие доказыванию, и устанавливает правила собирания, проверки и оценки доказательств, однако не устанавливает универсального количества доказательств, необходимого для каждого уголовного дела. Уголовно-процессуальная наука придает пределам доказывания количественную и качественную величину.

В связи с этим, пределы доказывания должны определяться применительно к конкретной доказательственной ситуации. Их достижение предполагает установление юридически значимых обстоятельств, проверку существенных версий, устранение значимых противоречий и наличие достаточной совокупности доказательств для принятия законного и обоснованного процессуального решения по каждому конкретному уголовному делу.

Всесторонность и процессуальная экономия при таком подходе не противостоят друг другу. Они дополняют друг друга и выполняют разные функции: первая не позволяет необоснованно сузить доказательственную деятельность, вторая — препятствует ее неоправданному расширению. Поэтому пределы доказывания следует рассматривать как динамическую границу между неполным и избыточным собиранием доказательств.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026).
2. Зотов Д. В. Пределы доказывания в уголовном судопроизводстве: монография. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 222 с.
3. Костенко Р. В. Понятие и значение пределов доказывания в уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2017. № 2 (60). С. 136–140.
4. Цыреторов А. И., Карсаков А. В. Место идеи процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве России // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4 (103). С. 110–113. DOI: 10.26516/2071–8136.2023.4.110.
5. Ярмизин М. В. Всесторонность и полнота доказывания при окончании предварительного расследования // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 207–210. DOI: 10.24412/2687–0185–2024–1–207–210.
6. Кретов Б. Ю. Закономерности собирания доказательств в ходе предварительного расследования преступлений // Молодой ученый. 2025. № 21 (572). С. 265–267. URL: <https://moluch.ru/archive/572/125453>.

Фактическое принятие наследства: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики

Курилов Дмитрий Сергеевич, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена исследованию института фактического принятия наследства в российском гражданском праве. Автор анализирует законодательный пробел, связанный с открытым перечнем действий, свидетельствующих о принятии наследства, а также выявляет системный разрыв между судебной и нотариальной практикой. На основе анализа 30 судебных дел и 37 наследственных дел из архива нотариуса обосновывается необходимость законодательного уточнения перечня действий, введения упрощенного порядка для близких родственников и усиления ответственности нотариусов за необоснованные отказы.

Ключевые слова: фактическое принятие наследства, нотариальная практика, судебная практика, правовые последствия, ответственность нотариуса, наследственные споры.

The actual acceptance of inheritance: problems of legal regulation and law enforcement practice

Kurilov Dmitry Sergeevich, student

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The article is devoted to the study of the institution of actual acceptance of inheritance in Russian civil law. The author analyzes the legislative gap associated with the open list of actions indicating the acceptance of inheritance, and also identifies a systemic gap between judicial and notarial practice. Based on an analysis of 30 court cases and 37 inheritance cases from the notary's archive, the necessity of legislative clarification of the list of actions, introduction of a simplified procedure for close relatives and strengthening of notaries' liability for unjustified refusals is substantiated.

Keywords: actual acceptance of inheritance, notarial practice, judicial practice, legal consequences, notary liability, inheritance disputes.

Институт фактического принятия наследства, закрепленный в пункте 2 статьи 1153 Гражданского кодекса РФ, предоставляет наследнику возможность принять наследство путём совершения действий, свидетельствующих о его воле стать собственником имущества, без формального обращения к нотариусу. Данный способ является исторически обусловленным упрощённым механизмом, предназначенным для защиты прав граждан в случаях, когда своевременное оформление наследственных прав невозможно по объективным причинам. Однако открытый перечень таких действий и отсутствие чётких критериев их достаточности порождают правовую неопределённость, разобщённость судебной и нотариальной практики и значительное количество судебных споров [1, с. 174].

Проведённое исследование подтвердило гипотезу о том, что фактическое принятие наследства на практике трансформировалось в механизм судебного восстановления срока, а не функционирует как самостоятельный и равнозначный формальному принятию способ.

Проведённый в рамках диссертационного исследования анализ 30 гражданских дел, рассмотренных судами Ленинградской области в 2024–2026 годах, показал, что суды удовлетворяют иски об установлении факта принятия наследства примерно в 70 % случаев. Наиболее весомыми доказательствами признаются проживание в жилом помещении наследодателя (95 % удовлетворения) и систематическая оплата коммунальных услуг (85 %). Однако в каждом пятом деле подходы судов к оценке одностипных действий различаются, что свидетельствует об отсутствии единых критериев [2, с. 45]. Например, в деле № 2–119/2024 Гатчинский городской суд удовлетворил иск наследника, которому нотариус отказал в выдаче свидетельства, признав фактические действия (проживание и пользование земельным участком) достаточными, несмотря на формальный отказ нотариуса [5].

Одновременно анализ 37 наследственных дел из архива нотариуса Гатчинского нотариального округа Ленинградской области показал, что нотариусы отказывают в признании фактического принятия наследства в 60 % спорных случаев, тогда как суды в аналогичных ситуациях удовлетворяют иски в 70 % случаев. Причины такого раз-

рыва — в формальном подходе нотариусов, отсутствии процессуальных инструментов для оценки косвенных доказательств и боязни ответственности. Нотариусы предпочитают «перестраховаться» и направить наследника в суд, даже если фактические действия подтверждены документально, что приводит к неоправданной судебной нагрузке [3, с. 108]. Кроме того, суды часто смешивают фактическое принятие с восстановлением срока (ст. 1155 ГК РФ) и с действиями по охране наследства (ст. 1171 ГК РФ), что приводит к процессуальным ошибкам. Как отмечает А. В. Потапова, отсутствие однозначных критериев, позволяющих правоприменителю точно квалифицировать действия наследника, порождает разброс судебных подходов и неопределённость правоприменения [4, с. 155]. Отдельная проблема — отсутствие электронных механизмов подтверждения фактического принятия: наследник не может подать заявление через Единый портал госуслуг или приложить электронные копии документов.

Кроме того, выявлены три категории наследников, испытывающих наибольшие сложности с доказыванием: совместно проживавшие без регистрации (для них практически невозможно получить официальную справку); не проживавшие совместно, но ухаживавшие за имуществом (им трудно доказать систематичность действий); совершающие «мелкие» действия (получение вещей, организация похорон) — их действия редко признаются достаточными даже судами [1, с. 176]. Так, в деле № 2–693/2024 Белогорский городской суд отказал в удовлетворении иска, указав, что получение личных вещей наследодателя без совершения иных действий по управлению имуществом не свидетельствует о фактическом принятии наследства [6].

Помимо проблем с доказыванием, в работе впервые в комплексном виде исследованы правовые последствия фактического принятия, которые наступают независимо от оформления прав: невозможность распоряжения имуществом без государственной регистрации (п. 4 ст. 1152 ГК РФ), ответственность по долгам наследодателя (ст. 1175 ГК РФ), риск признания имущества выморочным (ст. 1151 ГК РФ) и ограничения в реализации корпоративных прав при наследовании долей в хозяйственных обществах. Эти

последствия зачастую не осознаются наследниками, что приводит к нарушению их прав и дополнительным судебным издержкам. Например, в деле № 2–2246/2024 Гатчинский городской суд удовлетворил иск кредитора к наследнику, фактически принявшему наследство, взыскивая задолженность по кредитному договору в пределах стоимости наследственного имущества, несмотря на отсутствие оформленных наследственных прав [7].

На основе выявленных проблем предложены следующие изменения законодательства и правоприменения:

— Дополнить статью 1153 ГК РФ примерным перечнем действий, разделённых на «безусловные» (проживание, систематическая оплата коммунальных услуг, погашение долгов) и «дополнительные» (ремонт, обработка земли, получение вещей), а также ввести презумпцию фактического принятия для близких родственников, совместно проживавших с наследодателем.

— Внести изменения в Основы законодательства о нотариате: дополнить статью 48 обязанностью нотариуса выносить мотивированное постановление об отказе в принятии заявления независимо от просьбы наследника; дополнить статью 17 возможностью возмещения су-

дебных издержек наследнику при признании отказа грубо необоснованным; ввести новую статью об упрощённом порядке подтверждения фактического принятия для близких родственников с механизмом проверки достоверности свидетельских показаний.

— Дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 9 разъяснениями, разграничивающими фактические действия по принятию, охране и временному пользованию, а также уточняющими соотношение фактического принятия и восстановления срока.

— Дополнить Правила нотариального делопроизводства примерным перечнем документов для подтверждения фактического принятия (членская книжка СНТ, справка председателя, квитанции об уплате налогов и др.) и обязанностью органов и организаций отвечать на запросы нотариуса в установленный срок под угрозой административной ответственности.

Реализация указанных предложений позволит существенно снизить судебную нагрузку, повысить защиту прав добросовестных наследников и обеспечить единообразие правоприменения в сфере фактического принятия наследства.

Литература:

1. Ростовцева Н. В., Булгакова С. К. Фактическое принятие наследства: проблемы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2025. — № 4 (63). — С. 173–181.
2. Дианова И. А. Тенденции развития российского законодательства о способах принятия наследства // Нотариус. — 2026. — № 2. — С. 43–47.
3. Булаевский Б. А. Действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, в российском законодательстве и правоприменительной практике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2018. — № 1. — С. 104–112.
4. Потапова А. В. Правовая природа фактического принятия наследства: анализ пробелов законодательства и судебной практики // Экономика. Право. Общество. — 2025. — Т. 10, № 2. — С. 153–159.
5. Решение Гатчинского городского суда Ленинградской области от 11.07.2024 по делу № 2–119/2024 // Архив Гатчинского городского суда.
6. Решение Белогорского городского суда Амурской области от 19.08.2024 по делу № 2–693/2024 // Архив Белогорского городского суда.
7. Решение Гатчинского городского суда Ленинградской области от 20.11.2024 по делу № 2–2246/2024 // Архив Гатчинского городского суда.

Правовые последствия фактического принятия наследства: проблемы теории и практики

Курилов Дмитрий Сергеевич, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена исследованию правовых последствий фактического принятия наследства, которые наступают для наследника независимо от оформления его наследственных прав. Автор анализирует четыре группы последствий: невозможность полноценного распоряжения имуществом без государственной регистрации, ответственность по долгам наследодателя, риск признания имущества выморочным и ограничения корпоративных прав при наследовании долей в хозяйственных обществах. На основе анализа действующего законодательства, судебной практики и доктрины обосновывается необходимость системного урегулирования указанных последствий.

Ключевые слова: фактическое принятие наследства, правовые последствия, регистрация права, долги наследодателя, выморочное имущество, корпоративные права.

Legal consequences of the actual acceptance of inheritance: problems of theory and practice

Kurilov Dmitry Sergeevich, student

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The article is devoted to the study of the legal consequences of actual acceptance of inheritance, which arise for the heir regardless of the registration of his inheritance rights. The author analyzes four groups of consequences: the impossibility of full disposal of property without state registration, liability for the debts of the deceased, the risk of recognizing property as escheat, and restrictions on corporate rights when inheriting shares in business companies. Based on the analysis of current legislation, judicial practice and doctrine, the necessity of systematic regulation of these consequences is substantiated.

Keywords: actual acceptance of inheritance, legal consequences, registration of rights, debts of the deceased, escheat property, corporate rights.

Институт фактического принятия наследства (п. 2 ст. 1153 ГК РФ) традиционно рассматривается в доктрине преимущественно с точки зрения способов его подтверждения: какие действия свидетельствуют о принятии, достаточны ли они, как их доказывать в суде или у нотариуса. Однако не менее важным и значительно менее исследованным аспектом являются правовые последствия, которые наступают для наследника в силу одного лишь факта принятия наследства — независимо от того, оформлены ли его права надлежащим образом.

В настоящей статье рассматриваются четыре группы правовых последствий фактического принятия наследства, которые были выявлены на основе анализа 30 судебных дел и 37 наследственных дел из архива нотариуса Гатчинского нотариального округа Ленинградской области.

В соответствии с п. 4 ст. 1152 ГК РФ принятое наследство признаётся принадлежащим наследнику со дня открытия наследства. Однако для совершения сделок с недвижимым имуществом (продажа, дарение, залог) необходима государственная регистрация перехода права собственности (ст. 14, 58 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»).

До получения свидетельства о праве на наследство и регистрации права наследник не может распорядиться имуществом. Он является собственником, но не имеет возможности реализовать ключевое правомочие — распоряжение.

Как справедливо отмечает Н. В. Ростовцева, «фактическое принятие наследства создаёт у наследника правовую неопределённость: с одной стороны, он признаётся собственником имущества со дня открытия наследства, с другой — до получения свидетельства о праве на наследство и государственной регистрации он не может в полной мере реализовать правомочие распоряжения, что существенно ограничивает его участие в гражданском обороте» [1, с. 176].

Как отмечает Б. М. Гонгало, ограничение распоряжения наследственным имуществом до государственной регистрации является одной из наиболее острых практических проблем института фактического принятия: «наследник, фактически вступивший во владение имуществом, не может совершить в отношении него юридически значимых действий, пока не оформит свои права в установленном порядке» [5, с. 145]. Это создаёт ситуацию, при которой собственник лишён возможности реализовать ключевое правомочие, что негативно сказывается на гражданском обороте.

В силу ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества. При этом кредиторы вправе предъявить свои требования к наследникам независимо от того, оформлены ли их наследственные права.

Это означает, что даже если наследник не получил свидетельства о праве на наследство и не зарегистрировал права, он уже несёт риск быть привлечённым к ответственности по долгам наследодателя. В судебных делах нередко случаи, когда банки взыскивают задолженность по кредитам умерших заёмщиков с наследников, фактически принявших наследство, но не оформивших своих прав.

Как указывает М. В. Волгаев, «наследники, совершившие действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, отвечают по долгам наследодателя в пределах стоимости всего причитающегося им наследственного имущества, причём кредиторы вправе предъявить свои требования к наследнику независимо от того, оформлены ли его наследственные права надлежащим образом» [2, с. 5].

Показательным является дело № 2–2246/2024, рассмотренное Гатчинским городским судом Ленинградской области: суд удовлетворил иск кредитора к наследнику, фактически принявшему наследство, взыскав задолженность по кредитному договору в пределах стоимости наслед-

ственного имущества, несмотря на отсутствие оформленных наследственных прав [3].

В соответствии со ст. 1151 ГК РФ имущество, которое не перешло к наследникам, признаётся выморочным и переходит в собственность публично-правовых образований. Однако если наследник фактически принял наследство, это должно исключать возможность признания имущества выморочным, поскольку принятие уже состоялось.

Вместе с тем на практике возможны ситуации, когда наследник, фактически принявший наследство, но не оформивший своих прав, длительное время не заявляет о себе, и государственные органы могут попытаться признать имущество выморочным. В таких случаях наследнику необходимо подтвердить факт фактического принятия, например, путём обращения в суд.

Судебная практика исходит из того, что фактическое принятие наследства одним из наследников исключает признание наследства выморочным в отношении всей его части, даже если другие наследники отсутствуют или не оформили свои права (Определение Верховного Суда РФ от 10.10.2020 № 45-КГ20-13) [7]. В научной литературе обоснованно отмечается, что «фактическое принятие наследства одним из наследников исключает признание наследства выморочным в отношении всей его части, даже если другие наследники отсутствуют или не оформили свои права, поскольку принятие наследства уже состоялось и наследственное имущество не может считаться непринятым» [1, с. 178].

Наименее исследованным последствием фактического принятия наследства являются ограничения в реализации корпоративных прав при наследовании долей в хозяйственных обществах. В отличие от недвижимости, права на акции и доли подлежат внесению в специальные реестры, и переход прав требует выполнения формальностей, предусмотренных корпоративным законодательством.

Согласно Федеральному закону от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», права на акции переходят к наследнику с момента внесения записи о переходе права в реестр акционеров. До этого момента наследник не может голосовать на общем собрании акционеров, получать дивиденды или осуществлять иные права акционера.

Аналогичная ситуация складывается с долями в ООО: переход доли требует согласия других участников и государственной регистрации изменений в ЕГРЮЛ (ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Фактическое принятие наследства само по себе не заменяет этих процедур.

Как отмечается в исследовании, посвящённом корпоративным аспектам наследования, «со дня открытия наследства наследник становится участником общества с ограниченной ответственностью, однако фактическое принятие наследства не заменяет необходимых формальностей по внесению изменений в ЕГРЮЛ, что создаёт правовую неопределённость в реализации корпоративных прав до момента оформления наследства» [4, с. 115].

Таким образом, наследник, фактически принявший наследство, но не оформивший прав на акции или долю, не может в полной мере участвовать в управлении обществом и получать доходы от участия. При этом он уже несёт риски, связанные с деятельностью общества.

Т. И. Зайцева и П. В. Крашенинников справедливо указывают, что до оформления наследственных прав наследник не может в полной мере реализовать корпоративные права, что создаёт дополнительные риски: «фактическое принятие наследства не заменяет необходимых формальностей по внесению изменений в реестр акционеров или ЕГРЮЛ, а значит, наследник остаётся участником общества лишь номинально, не имея возможности влиять на управление и получать дивиденды» [6, с. 198].

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

Правовые последствия фактического принятия наследства носят двойственный характер: с одной стороны, наследник приобретает право на имущество, с другой — на него возлагаются обязательства и ограничения, которые требуют своевременного оформления наследственных прав.

Наиболее существенные ограничения связаны с невозможностью распоряжения недвижимостью и ограничениями корпоративных прав, которые сохраняются до завершения процедуры оформления наследства.

Ответственность по долгам наследодателя и риск выморочности являются последствиями, которые наступают независимо от воли наследника и требуют от него активных действий по защите своих прав.

Для устранения выявленных проблем предлагается:

— дополнить ст. 1151 ГК РФ и ст. 61 Основ законодательства о нотариате положением, обязывающим нотариуса при открытии наследственного дела направлять запрос в ГИС ЖКХ (либо непосредственно ресурсоснабжающим организациям) для получения сведений о лицах, фактически оплачивающих коммунальные услуги по объекту недвижимости, входящему в состав наследства.

При выявлении сведений о том, что оплата коммунальных услуг производится иным лицом (не наследодателем), нотариус обязан:

- 1) уведомить такое лицо о необходимости подачи заявления о принятии наследства;
- 2) приостановить процедуру выдачи свидетельства о праве на наследство как на выморочное имущество;
- 3) при поступлении заявления от такого лица — вести наследственное дело в общем порядке;
- 4) при непоступлении заявления от уведомлённого лица — не вправе самостоятельно признать имущество выморочным; вопрос о признании имущества выморочным в таком случае разрешается в судебном порядке по заявлению уполномоченного органа, с обязательным привлечением уведомлённого лица к участию в деле.

— дополнить п. 2 ст. 1171 ГК РФ прямым указанием на право общества с ограниченной ответственностью (либо

иною юридического лица, доля в уставном капитале которого входит в состав наследства) обращаться к нотариусу с заявлением об учреждении доверительного управления наследственной долей, если наследники не обратились с таким заявлением в разумный срок, а также закрепить обязанность нотариуса рассмотреть такое заявление и принять решение об учреждении управления либо об отказе с мотивированным обоснованием.

— разработать Федеральной нотариальной палатой методические рекомендации, в которых:

1) детализировать порядок разъяснения нотариусами наследникам положений ст. 1175 ГК РФ об ответственности по долгам наследодателя;

2) закрепить примерный перечень документов, которые нотариус обязан принимать в качестве достаточных доказательств фактического принятия наследства (справки ТСЖ, квитанции, договоры с подрядчиками, показания свидетелей и т. д.), чтобы исключить необоснованные отказы и необходимость обращения в суд. Это, в свою очередь, позволит наследнику получить свидетельство о праве на наследство и зарегистрировать право на имущество без длительных судебных процедур.

Реализация указанных предложений позволит обеспечить баланс интересов наследников, кредиторов и третьих лиц, а также снизить правовую неопределённость в сфере наследственных отношений.

Литература:

1. Ростовцева Н. В., Булгакова С. К. Фактическое принятие наследства: проблемы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2025. — № 4 (63). — С. 173–181.
2. Волгаев М. В., Ростовцева Н. В. Принятие наследства: доктрина и практика // Наследственное право. — 2015. — № 5–1. — С. 3–8.
3. Решение Гатчинского городского суда Ленинградской области от 20.11.2024 по делу № 2–2246/2024 // Архив Гатчинского городского суда.
4. Летута Е. А. Принятие наследства как основание возникновения прав участника хозяйственного общества // Lex russica. — 2016. — № 9. — С. 112–120.
5. Гонгало Б. М. Наследование: закон и практика. — М.: Статут, 2023. — 320 с.
6. Зайцева Т. И., Крашенинников П. В. Наследственное право. — М.: Статут, 2024. — 312 с.
7. Определение Верховного Суда РФ от 10.10.2020 № 45-КГ20–13 // СПС «КонсультантПлюс».

Принципы применения иностранного права: *lex fori*, принцип наиболее тесной связи, добросовестность, разумность

Лабашина Алина Юрьевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

*В статье автор исследует основные принципы применения иностранного права в международном частном праве: *lex fori*, принцип наиболее тесной связи, добросовестность, разумность. Автором анализируется взаимодействие данных принципов, а также их роль в механизме разрешения коллизий и пределы использования оговорки о публичном порядке. На основе сравнительного анализа теории и практики делается вывод, что данные принципы действуют не изолированно, а как взаимодополняющие механизмы, которые обеспечивают баланс между эффективностью международного правосудия, справедливостью и правовой определенностью. Целью данной статьи является выявление оптимального соотношения данных принципов в судебной практике.*

Ключевые слова: международное частное право, коллизионное право, *lex fori*, принцип наиболее тесной связи, добросовестность, разумность.

Principles Governing the Application of Foreign Law: *Lex Fori*, the Principle of the Closest Connection, Good Faith, and Reasonableness

*In this essay, the author examines the core principles for the application of foreign law in private international law, namely *lex fori*, the examination of the closest connection, good faith and adequacy. The study examines the interaction between these principles, their function within the framework of the conflict of laws and the limits of the regulatory reservation. Based on a comparative review of*

scientific theories and judicial practices, the paper argues that these principles do not act in isolation, but as mutually reinforcing instruments that ensure a balance between the efficiency of cross-border jurisprudence, justice and legal predictability. The article tries to determine the optimal orientation of these principles, how they are applied by courts.

Keywords: private international law, choice of law, *lex fori*, the closest-connection test, good faith, reasonableness.

Введение

В условиях стремительного развития международных экономических отношений, цифровизации трансграничных транзакций денежных средств вопрос выбора и применения соответствующей правовой системы приобретает первостепенное значение. Современное международное право сталкивается с задачей обеспечения справедливого урегулирования трансграничных споров, семейных отношений с участием иностранцев и наследственных споров в условиях многообразия правовых систем. Каждый из этих споров требует ответа на вопрос: право какого государства должно регулировать возникшие правоотношения?

Классические типы коллизионных привязок, которые закреплены в национальных законодательствах, не всегда могут учесть многообразие фактических обстоятельств конкретного дела. В связи с этим современное международное частное право всё чаще использует вариативные оценочные категории, позволяющие суду выбрать право, наиболее соответствующее интересам правосудия и предмету спора.

В доктрине и судебной практике сложился устойчивый выбор ориентиров: в первую очередь, это принцип *lex fori* — закон страны суда является распространенной формулой прикрепления и предусматривает, что конкретное правоотношение регулируется законодательством того государства, суд которого рассматривает связанный с ним спор [1, с. 121].

Арзандех А. в своей научной работе «Reconsidering the Law Governing the Formation of International Contracts in Australia» в 2023 г. проанализировал подход австралийской судебной практики, в соответствии с которой вопросы по заключению международных контрактов разрешаются на основе австралийского законодательства, используя при этом его как *lex fori*. Автор проследил эволюцию споров о доктрине — в её рамках подход *putative proper law* (предполагаемое применимое право) был противопоставлен другим коллизионным привязкам [2].

В судебной практике имеет значение дело «Breav-ington v Godleman» (18 августа 1998 г.). Верховный суд Австралии рассмотрел вопрос о том, что «не только нежелательно, но и явно абсурдно, когда одни и те же факты, произошедшие в одной стране, могут повлечь за собой разные правовые последствия в зависимости от места рассмотрения дела» [3].

Следующими принципами являются добросовестность и разумность, которые выполняют корректирующую роль в механизме применения иностранного права, поскольку суд оценивает поведение каждого участника в конкретной ситуации.

Основная сложность заключается в том, что эти принципы существуют не в вакууме и не имеют строгой иерархии — они тесно связаны сложными отношениями, включающими в себя ограничения и дополнения. Формальный подход к использованию принципа *lex fori* может привести к игнорированию иностранного законодательства, применимого к спору. Адаптивность принципа наиболее тесной связи сопряжена с риском субъективного отношения и неопределенности со стороны суда. Принципы добросовестности и разумности необходимы для минимизации этих рисков, поскольку их природа основана на оценке категорий.

Принцип *lex fori* (закон суда)

Закон страны суда (*lex fori*) — привязка односторонней коллизионной нормы, означающая применение «местного» права, права того государства, чей суд рассматривает дело [4, с. 130]. По словам Канашевского В. А., согласно современной доктрине, квалификация юридических понятий коллизионной нормы должна осуществляться по праву суда [5, с. 34]. Данный подход закреплен в п. 1 ст. 1187 ГК РФ и поддерживается судами большинства государств.

В российском праве *lex fori* находит свое отражение в институте публичного порядка, закрепленного в ст. 1193 ГК РФ, в соответствии с положениями статьи иностранное право не подлежит применению, если последствия его применения явно противоречили бы основам правопорядка. Отказ в применении нормы иностранного права не может быть основан только на отличии правовой, политической или экономической системы соответствующего иностранного государства от правовой, политической или экономической системы Российской Федерации [6].

Апелляционный суд Сингапурского международного коммерческого суда (SICC) при рассмотрении дела *Solomon Lew v Kaikhushru Shiavax Nargolwala* [2021] SGCA(1) 1 в 2021 г. разъяснил, почему автоматическое применение *lex fori* к вопросу о заключении договора противоречит целям международного частного права. Истец утверждал, что заключил с ответчиком устный договор купли-продажи акций, а также настаивал на применении сингапурского законодательства (*lex fori*), в то время как ответчики настаивали на применении тайландского права. Суд первой инстанции (SICC) не смог осуществить объективный выбор права и применил *lex fori* (сингапурское право) в качестве права, которое подлежит применению. Суд апелляционной инстанции установил, что в данном случае нет оснований для использования *lex fori*, по-

скольку невозможность чёткого определения наиболее тесной связи не является автоматическим основанием для применения *lex fori*. Суд пришёл к выводу, что «весьма спорно, что при надлежащем анализе обстоятельств решение должно быть принято в пользу тайландского права», поскольку предмет сделки и переговоры между сторонами проходили именно в Таиланде [7].

Таким образом, принцип *lex fori*, несмотря на сохранение своего фундаментального значения при квалификации и процессуальном регулировании, в современном международном праве действует не изолированно, а в системе с иными принципами, что является основой для сохранения баланса между правовой определенностью и справедливостью разрешения трансграничных споров.

Принцип наиболее тесной связи

Новикова Т. В. даёт следующее толкование принципу наиболее тесной связи: «Принцип наиболее тесной связи есть универсальная формула, используемая для решения основной задачи международного частного права — отыскания надлежащего правопорядка для частноправового отношения с иностранным элементом» [8, с. 35]. В. В. Буланов в своей статье «Наиболее тесная связь как общий принцип международного частного права» отмечает, что принцип наиболее тесной связи предполагает выбор компетентного права на основе наибольшей близости права определенного государства данному трансграничному общественному отношению [9, с. 268–269].

В российском законодательстве принцип наиболее тесной связи закреплён в п. 2 ст. 1186 ГК РФ как универсальная коллизионная норма, выступающая в качестве резервной. В соответствии с положениями ст. 1186 ГК РФ, если на основании международных договоров, ГК РФ, других законов и обычаев невозможно определить применимое право, «применяется право страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано» [10].

Постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 июля 2019 г. N 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» устанавливает два основных критерия для определения наиболее тесной связи:

1. Территориальная связь элементов правоотношения с правом государства, например, место жительства сторон, место нахождения объекта правоотношения и место исполнения обязательств.

2. Возможность наилучшим образом реализовать общепризнанные принципы гражданского права, например, защита добросовестной стороны, запрет злоупотребления правом [11].

Взаимодействие принципов *lex fori* и наиболее тесной связи является одной из проблем современного международного частного права. Конфликт заключается в противоречии между правовой определенностью и гибкостью правового регулирования. Сасзи С. в своей статье «The Basic Connecting Factor in International Cases in the Do-

main of Civil Procedure» (2008) отмечает, что доктрина международного частного права основывается на принципе применения права, которое наиболее тесно связано с конкретным предметом сделки, одновременно *lex fori* применяется лишь в исключительном случае — при публичном порядке [12].

В настоящее время выстроена система равновесия для данных принципов. Как уже ранее было отмечено, принцип наиболее тесной связи выступает корректирующим механизмом для принципа *lex fori*. Эта корректировка отражена в виде оговорки о публичном порядке. Несмотря на то, что *lex fori* служит основой для этой оговорки, современная доктрина подчеркивает, что отказ от применения иностранного права должен быть обоснован фундаментальными принципами правовой системы, а не только их различиями [13].

Принципы добросовестности и разумности

Принципы добросовестности (*good faith*) и разумности (*reasonableness*) занимают особое место в системе применения иностранного права — они выполняют корректирующую и восполняющую функции. Данные принципы обеспечивают справедливость правоприменения и защиту участников трансграничных отношений от злоупотребления правом.

Добросовестность в международном частном праве является универсальной категорией, которая основана на римском праве народов (*ius gentium*), то есть на идеях честности, лояльности и разумности [14]. В современном понимании она требует от субъектов международных частноправовых отношений действовать добросовестно и разумно в процессе реализации прав субъектов и исполнения возложенных обязанностей судом.

В российской доктрине принцип добросовестности рассматривается как один из общих принципов права, что отражено в Статуте Международного Суда ООН [15, с. 197]. Термином «добросовестность» в гражданском праве обозначаются два правовых явления. Первое сводится к пониманию добросовестности в объективном смысле, т. е. как она воспринимается законом и правоприменителем и рекомендуется участникам гражданского оборота в их взаимоотношениях. Второе ограничивается пониманием добросовестности в субъективном смысле, т. е. «как извинительное незнание лицом обстоятельств, с наличием которых закон связывает наступление тех или иных юридических последствий» [16, с. 83].

Одной из основополагающих функций принципа добросовестности является предотвращения злоупотребления правом (*abus de droit*). Связь между категориями прослеживается как в романо-германском праве, так и в англосаксонской правовой системе. Злоупотребление правом может проявляться в различных формах:

1. Недобросовестное осуществление права — право осуществляется исключительно с намерением причинить вред другому лицу.

2. Фиктивное осуществление права — действия направлены на обход закона или договорных обязательств путем создания видимости правомерного поведения.

В международном частном праве эти проявления приобретают особое значение в вопросе обхода закона. В доктрине отмечается, что Применение «благоприятного» правопорядка обеспечивается посредством искусственного создания фактического обстоятельства (объективного критерия), закрепленного в коллизионной привязке [17]. В данном случае искусственная коллизионная привязка позволяет применить наиболее благоприятный правопорядок в обход императивных норм, которые использовались бы при обычных обстоятельствах [18, с. 197].

Необходимо различать обход закона и допустимый выбор права в соответствии с принципом автономии воли (*lex voluntatis*). При выборе права, которое должно быть применено сторонами, оно не должно преследовать цели избежать применения императивных норм, которые являются обязательными в теоретической ситуации.

В международной практике принцип разумности закреплён в Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. В Конвенции содержатся положения, которые отсылают к «разумному лицу» и «разумным расходам» при определении последствий неисполнения обязательств. Согласно ст. 7 Конвенции, при восполнении пробелов суд руководствуется общими принципами, на которых она основана, включая принципы добросовестности и разумности. Данные принципы будут иметь приоритет перед нормами международного частного права [19].

Важно отметить, что принципы УНИДРУА также рассматривают разумность как одну из ключевых руководящих идей, наряду с *pacta sunt servanda*. В комментариях к принципам подчеркивается, что их положения не могут применяться формально, без учета обстоятельств дела и концепции разумности, что требует процесса тщательного анализа и взвешивания интересов [20].

Принципы добросовестности и разумности не действуют изолированно от *lex fori* и принципа наиболее тесной связи — они выполняют по отношению к ним корректирующую функцию. При применении *lex fori* через оговорку о публичном порядке добросовестность выполняет оценочную функцию, т. е. анализирует не является ли отказ от применения иностранного права злоупотреблением. При применении принципа наиболее тесной связи принцип добросовестности позволяет учесть разумные ожидания сторон, предотвратить искусственное создание коллизионных привязок в обход закона. Принцип разумности же служит критерием для определения справедливости выбора права, осуществленного сторонами, или применения коллизионной нормы судом.

В российском праве принципы добросовестности и разумности были закреплены в рамках реформы гражданского законодательства, но, несмотря на это, законодатель не включил в раздел VI Гражданского кодекса Российской Федерации специальные нормы, которые были бы

направлены на предотвращение обхода закона, исходя из того, что это обеспечивается механизмами сверхимперативных норм и оговорки о публичном порядке [21, с. 192]. Однако добросовестность и разумность сохраняют роль важных ориентиров для суда при применении иностранного права.

Как отмечается в доктрине, принципы добросовестности и разумности обязывают субъектов международного частного права действовать добросовестно в связи с тем, что это вытекает из существа частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, а также обеспечивает возможность их надлежащего правового регулирования.

Совокупность добросовестности и разумности составляют неотъемлемую часть механизма применения иностранного права, воплощая в нём идею справедливости. Эти принципы обеспечивают гибкость правоприменения, позволяя суду отступать от формального подхода к рассмотрению дела и использования формальных коллизионных предписаний в случаях, когда их применение противоречит разумным ожиданиям сторон. Во взаимодействии с *lex fori* и принципом наиболее тесной связи эти принципы служат фундаментом гарантии прав субъектов международного частного права, препятствуя злоупотреблению правом и обеспечивая баланс между частными и публичными интересами.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать выводы, которые касаются сущности, функций и взаимодействия принципов применения иностранного права в международном частном праве. Системный характер принципов: принципы *lex fori*, наиболее тесной связи, добросовестности и разумности не действуют отдельно друг от друга, а образуют единую систему, где каждый элемент имеет собственную функцию. Баланс между правовой определенностью и гибкостью: взаимодействие принципов между собой отражает противоречие между справедливым, мотивированным решением и формальным подходом к рассмотрению дела. Современное международное право предполагает анализ конкретных обстоятельств дела, доводов сторон и применяемого законодательства.

Ограниченность при использовании *lex fori* и роль наиболее тесной связи нашло своё отражение в анализе судебной практики, а именно в деле *Solomon Lew v Kaikhushru Shiavax Nargolwala (SICC)*, которое показывает, что принцип *lex fori* не должен рассматриваться как запасной механизм при невозможности установить наиболее тесную связь. Суд апелляционной инстанции постановил, что необходимо руководствоваться объективными обстоятельствами дела для определения применимого права, и, лишь в исключительных случаях, когда невозможно установить наиболее тесную связь, обращаться к праву суда.

Также особое значение имеют принципы добросовестности и разумности как механизмов противодействия злоупотребления правом и обходу закона. Именно добросовестность и разумность позволяют суду оценивать доводы сторон и использовать коллизионные нормы в целях предотвращения недобросовестного выбора права.

Проведенный анализ направлен на перспективу дальнейшей гармонизации подходов к добросовестности и разумности в различных правовых семьях в условиях глобализации, цифровизации трансграничных отношений и её влияния на определение наиболее тесной связи.

Принципы применения иностранного права: *lex fori*, наиболее тесной связи, добросовестности и разумности — представляют собой взаимодополняющие элементы

в рамках единой системы, которые позволяют обеспечить баланс между правовой определенностью и справедливостью в трансграничных частноправовых отношениях. Результат их применения зависит от возможности суда применять формальные коллизионные предписания во взаимосвязи с конкретными обстоятельствами дела, исходя из требований добросовестности, разумности и защиты законных прав и интересов участников судопроизводства. Именно такой подход позволит судам выполнить свою основную функцию — вынести мотивированное решение при разрешении споров, осложненных иностранным элементом, и не допустить нарушение прав и интересов сторон при существовании различных правовых систем.

Литература:

1. Ерпылаева, Н. Ю. Международное частное право / Н. Ю. Ерпылаева. — 4-е изд, перераб. — М.: Юрайт, 2015. — 384 с.
2. Arzandeh, A. «Reconsidering the Law Governing the Formation of International Contracts in Australia» [2023] / Arzandeh, A. — Текст: электронный // Melbourne University Law Review: [сайт]. — URL: <https://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/journals/MelbULawRw/2023/9.html#3> (дата обращения: 03.10.2026).
3. High court of Australia Breavington v Godleman [1988] HCA 40; (1988) 169 CLR 41 (18 August 1988) / Court of Australia high. — Текст: электронный // Melbourne University Law Review: [сайт]. — URL: https://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/1988/40.html?context=1;query=1965+HCA+61+or+HCA+1965+61;mask_path=#4 (дата обращения: 03.10.2026).
4. Международное частное право: учебник для бакалавров / И. В. Гетьман-Павлова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 541 с. — Серия: Бакалавр. Базовый курс.
5. Канашевский В. А. Проблема квалификации в международном частном праве // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 9. С. 33–46.
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2026).
7. Singapore, International Commercial Court Solomon lew v kaikhushru shiavax nargolwala & 4 Ors [2021] SGCA(I) 1 (10 February 2021) / International Commercial Court Singapore. — Текст: электронный // beta.bailii.org: [сайт]. — URL: https://beta.bailii.org/sg/cases/SICC/2021/2021_SGCAI_1.html#6 (дата обращения: 07.09.2026).
8. Новикова Т. В. Становление принципа наиболее тесной связи в международном частном праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2021. Т. 18, № 1. С. 35–46.
9. Буланов, В. В. Наиболее тесная связь как общий принцип международного частного права // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. С. 267–274.
10. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.09.2026).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 N 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.09.2026).
12. Szászy, S. The Basic Connecting Factor in International Cases in the Domain of Civil Procedure / S. Szászy. — Текст: электронный // Cambridge University Press: [сайт]. — URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-and-comparative-law-quarterly/article/abs/basic-connecting-factor-in-international-cases-in-the-domain-of-civil-procedure/E630F9D738A9DDDB952F5E7208BBCDA6#1> (дата обращения: 03.10.2026).
13. International law association Lisbon conference (2022) protection of privacy in private international and procedural law. — Текст: электронный // ila-hq.org: [сайт]. — URL: https://www.ila-hq.org/en_GB/documents/protec-1#8%236 (дата обращения: 07.09.2026).
14. Talya, Uçaryılmaz The principle of good faith in public international law / Uçaryılmaz Talya. — Текст: электронный // revista-estudios.revistas.deusto.es: [сайт]. — URL: <https://revista-estudios.revistas.deusto.es/article/view/1815/2199> (дата обращения: 07.09.2026).
15. Крупина, В. Р., Серкин, И. И. Принцип добросовестности юридических лиц в международном частном праве // Научный журнал «Эпомен». 2020. № 47. С. 195–203.
16. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Добросовестность в гражданском праве. — М.: Юстицинформ, 2018. — 144 с.

17. Международное частное право: учебник для магистров / И. В. Гетьман-Павлова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2013. — 959 с. — Серия: Бакалавр. Базовый курс.
18. Вавилин, Е. В., Шугурова, И. В. Принцип добросовестности в гражданском праве и международном частном праве: новеллы Проекта изменений и дополнений гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 190–198.
19. «Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров» (Заключена в г. Вене 11.04.1980) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.09.2026).
20. Berger, K. P. The Creeping Codification of the Lex Mercatoria, The Hague, London, Boston 1999 / K. P. Berger. — Текст: электронный // www.trans-lex.org: [сайт]. — URL: [https://www.trans-lex.org/100600/pdf/#7 %233](https://www.trans-lex.org/100600/pdf/#7%233) (дата обращения: 07.09.2026).
21. Вавилин, Е. В., Шугурова, И. В. Принцип добросовестности в гражданском праве и международном частном праве: новеллы Проекта изменений и дополнений гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 190–198.

Цифровой учет рабочего времени как средство защиты трудовых прав работников: проблемы дистанционной и платформенной занятости

Лукиянченко Кирилл Николаевич, студент;

Гуров Владислав Александрович, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена доказательственному и гарантийному значению цифрового учета рабочего времени в механизме защиты трудовых прав работников. Обосновывается, что в условиях дистанционной и платформенной занятости именно электронные данные о продолжительности труда, времени взаимодействия с работодателем, распределении заданий и цифровых ограничениях доступа к работе позволяют установить фактический режим труда и отдыха, подтвердить переработку, а также выявить признаки трудовых отношений при их формальном оформлении в виде гражданско-правовой связи. На основе анализа трудового законодательства, судебной практики и современных научных источников формулируются конкретные предложения по совершенствованию регулирования.

Ключевые слова: рабочее время, учет рабочего времени, защита трудовых прав, дистанционная работа, платформенная занятость, цифровые доказательства, алгоритмическое управление, трудовые споры.

Обязанность работодателя вести учет времени, фактически отработанного каждым работником, закреплена в статье 91 Трудового кодекса Российской Федерации и имеет не только организационное, но и правозащитное значение [1, ст. 91; 2, с. 1]. Именно данные учета позволяют подтверждать соблюдение нормальной продолжительности рабочего времени, наличие сверхурочной работы и нарушение права работника на отдых [1, ст. 91; 2, с. 1]. В условиях цифровизации эта обязанность все чаще реализуется через электронные таблицы, журналы входа в корпоративные системы, данные пропускных комплексов и программ мониторинга активности [3, с. 1].

При этом необходимо разграничивать четыре самостоятельных вопроса: обязанность работодателя вести учет рабочего времени, форму такого учета, порядок установления режима рабочего времени и способы фиксации времени взаимодействия работника с работодателем. Для дистанционных работников это особенно важно, поскольку статья 312.4 ТК РФ допускает как определение режима соглашением сторон или локальным актом, так и самостоятельное установление режима самим работником,

если иное не предусмотрено договором [4, ст. 312.4]. Следовательно, обязанность по учету сохраняется, но ее содержание и доказательственная модель зависят от того, установлен ли фиксированный режим, ведется ли контроль периодов взаимодействия и какими средствами фиксируется выполнение трудовой функции [4, ст. 312.4; 5, с. 1].

Судебная практика подтверждает, что табель учета рабочего времени не обладает абсолютным приоритетом перед иными доказательствами, однако и цифровой след сам по себе не всегда достаточен. В материалах о взыскании оплаты сверхурочной работы отмечается, что сведения табеля могут быть опровергнуты перепиской, журналами учетных систем, данными СКУД, отчетами о работе и иными проверяемыми материалами, если они подтверждают выполнение трудовой функции за пределами установленного времени и наличие инициативы либо ведома работодателя [6, с. 1; 7, с. 1]. Одновременно подчеркивается, что простое нахождение работника на территории работодателя или отдельные действия в информационной системе еще не доказывают сверхурочную

работу без связи с трудовой функцией и распоряжением работодателя [6, с. 1].

В связи с этим предлагается дополнить статью 91 ТК РФ положением о том, что электронные сведения, используемые работодателем для организации, контроля или оплаты труда, относятся к данным учета рабочего времени и подлежат хранению наравне с первичными учетными документами. Дополнительно следует закрепить обязанность работодателя по письменному запросу работника выдавать выгрузку таких данных в течение трех рабочих дней. Эти предложения придают цифровому учету доказательственную определенность и снижают риск процессуального неравенства сторон [1, ст. 91; 3, с. 1; 6, с. 1].

Для дистанционной занятости нельзя механически переносить модель обычного табеля с фиксированными моментами начала и окончания рабочего дня. Если договором не установлен жесткий режим, юридическое значение приобретают прежде всего периоды обязательного взаимодействия с работодателем, сроки выполнения поручений, периоды доступности работника и зафиксированные действия в корпоративной среде [4, ст. 312.4; 5, с. 1]. Поэтому предлагается закрепить правило, согласно которому для дистанционных работников работодатель обязан определять в локальном акте, какие именно цифровые сведения используются для учета рабочего времени, времени взаимодействия и оценки переработки. Отсутствие такого акта должно толковаться против работодателя при возникновении спора об объеме отработанного времени [4, ст. 312.4; 5, с. 1; 8, с. 280].

Наиболее сложный вопрос возникает в сфере платформенной занятости. Здесь необходимо различать самостоятельную деятельность лица, использующего платформу лишь как технический канал поиска заказов, гражданско-правовую модель с отдельными элементами цифровой координации и фактические трудовые отношения, при которых платформа либо связанный с ней субъект организует труд, распределяет задания, контролирует интенсивность работы и применяет санкции [9, с. 106–107; 10, с. 103–107]. Ключевыми признаками организационной и экономической зависимости выступают регулярное получение заказов через одну платформу, алгоритмическое распределение заданий, зависимость дохода от рейтинга, невозможность свободно заменить исполнителя, стандартизированные инструкции и блокировка аккаунта как мера одностороннего воздействия [9, с. 107; 10, с. 104–108].

Рейтинг и автоматическое распределение заказов фактически выполняют управленческую функцию. Международная организация труда определяет *algorithmic management* как использование алгоритмических систем для

организации, назначения, мониторинга, надзора и оценки труда [11, с. 1; 12, с. 2–4]. Поэтому блокировка аккаунта, лишаящая исполнителя доступа к заданиям и доходу, по своему социально-правовому эффекту сопоставима с дисциплинарным воздействием или фактическим отстранением от работы и должна сопровождаться правом на объяснение причин и пересмотр решения человеком [12, с. 7–10; 13, с. 1–2].

Отдельного решения требует вопрос о рабочем времени платформенного исполнителя. Период активного выполнения задания очевидно подлежит учету, однако период ожидания заказа не может оцениваться одинаково во всех случаях. Если лицо свободно распоряжается своим временем и не несет негативных последствий за отказ от заказа, период ожидания не образует рабочее время. Но если алгоритм требует постоянной готовности, учитывает скорость отклика, снижает рейтинг за отклонение заданий или ограничивает доступ к последующим заказам, период ожидания приобретает признаки контролируемого времени и должен учитываться при оценке фактической продолжительности труда [10, с. 106–108; 11, с. 1; 12, с. 8–10].

Наконец, цифровые данные платформы должны учитываться и при квалификации отношений по статье 19.1 ТК РФ. История заказов, данные о времени выхода в приложение, показатели принятия и отклонения заданий, сведения о рейтинге, маршрутах, штрафах, блокировках и автоматических уведомлениях могут свидетельствовать о наличии личного труда, организационного контроля и экономической зависимости [1, ст. 19.1; 10, с. 107–109]. В этой связи целесообразно закрепить в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации правило о том, что при рассмотрении споров о признании отношений трудовыми суд вправе учитывать цифровые данные платформы как доказательства характера труда, а отказ владельца платформы предоставить такие сведения может оцениваться против него [1, ст. 19.1; 10, с. 109; 14, с. 262].

Таким образом, цифровой учет рабочего времени следует рассматривать не как вспомогательный технический инструмент, а как самостоятельную гарантию защиты трудовых прав. Для этого необходимо признать электронные данные, используемые работодателем или платформой для организации труда, элементом учета рабочего времени; установить обязанность их хранения и предоставления работнику по запросу; разграничить для дистанционной и платформенной занятости критерии рабочего времени, времени взаимодействия и периода ожидания задания; использовать цифровой след как допустимое средство доказывания трудовых отношений [1, ст. 91; 4, ст. 312.4; 10, с. 108–109; 12, с. 8–10].

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Учет рабочего времени: обязанность работодателя // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/uchet_rabochego_vremeni_obyazannost_rabotodatelya/ (дата обращения: 04.10.2026).

3. Электронные доказательства в трудовых спорах: используем их правильно // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/11228/> (дата обращения: 04.10.2026).
4. Трудовой кодекс Российской Федерации. Статья 312.4. Особенности режима рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/86140eaa988e04b2e9c8eb5b0eceda3936e81437/ (дата обращения: 04.10.2026).
5. Учет рабочего времени дистанционного работника // Роструд. URL: <https://git53.rostrud.gov.ru/news/1301007.html> (дата обращения: 04.10.2026).
6. Сверхурочная работа: доказательства в суде // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/consult/practice/2140006/> (дата обращения: 04.10.2026).
7. Табель учета сверхурочной работы // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/tabel_ucheta_sverhurochnoj_raboty/ (дата обращения: 04.10.2026).
8. Языков Н. В. Особенности режима и учета рабочего времени в отношении дистанционных работников // Белорусское право во времени и пространстве: материалы круглого стола. Минск, 2019. С. 279–280.
9. Томашевский К. Л., Чичина Е. В. Правовое регулирование платформенной занятости в России и за рубежом: проблемы и перспективы // Государство и право. 2024. № 12. С. 101–110.
10. Томашевский К. Л., Чичина Е. В. Правовое регулирование платформенной занятости в России и за рубежом: проблемы и перспективы // Государство и право. 2024. № 12. С. 103–109.
11. Algorithmic management in the workplace // International Labour Organization. URL: <https://www.ilo.org/algorithmic-management-workplace> (дата обращения: 04.10.2026).
12. The Algorithmic Management of Work. Geneva: International Labour Office, 2025. P. 2–10. URL: <https://www.ilo.org/media/372856/download> (дата обращения: 04.10.2026).
13. Same Algorithm, Different Rights? Convention No. 193 and Human Rights Protections for Algorithmic Management // Wolters Kluwer. 2026. URL: <https://legalblogs.wolterskluwer.com/global-workplace-law-and-policy/same-algorithm-different-rights-convention-no-193-and-human-rights-protections-for-algorithmic-management/> (дата обращения: 04.10.2026).
14. Серова А. В. В поисках концепции правового регулирования платформенной занятости // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 262–263.

Уголовно-правовая оценка нарушения правил использования воздушного пространства Российской Федерации и изменение разрешительного режима полётов беспилотных воздушных судов

Малышкин Даниил Николаевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Исследуется зависимость уголовно-правовой оценки неразрешённого использования воздушного пространства от изменяющегося режима полётов беспилотных воздушных судов. Разграничены общее правило получения разрешения, условия освобождения от него, отдельные виды допуска и учёт аппарата. Предложена последовательная проверка обязанности на момент полёта, причинной связи и вины, а затем последующего нормативного изменения. Обосновано различие между отменой общего требования о разрешении и окончанием срока временного ограничения. Выводы показаны на условных ситуациях и административном судебном деле; последнее не рассматривается как практика применения статьи 271.1 УК РФ.

Ключевые слова: беспилотное воздушное судно, использование воздушного пространства, нарушение правил полётов, разрешительный режим, разрешение на полёт, внешний пилот, зоны ограничения полётов, временный режим, бланкетная норма, статья 271.1 УК РФ, уголовно-правовая квалификация, административная ответственность, причинная связь, неосторожная вина, обратная сила уголовного закона, безопасность воздушного движения.

Постановка проблемы

Распространение беспилотных воздушных судов (далее — БВС) меняет практический смысл разрешительного режима: решение о допустимости полёта зависит не

только от статуса оператора, но и от массы аппарата, способа управления, высоты, расстояния до аэродрома, наличия ограничений и времени их действия. Те же признаки определяют, возникал ли в конкретном случае вопрос об использовании воздушного пространства без

разрешения. Уголовно-правовая оценка поэтому начинается до установления причинённого вреда: сначала следует доказать обязанность получить именно то разрешение, отсутствие которого составляет признак ст. 271.1 УК РФ [9; 12].

Существующая литература подробно рассматривает опасность беспилотного транспорта, круг ответственных лиц и конкуренцию транспортных составов. А. И. Коробеев и А. И. Чучаев связывают перспективы нового уголовно-правового запрета с проблемами определения субъекта, нарушенного правила и причинной связи [4, с. 23–25]. А. В. Барсукова анализирует признаки ст. 271.1 УК РФ и пределы её применения к беспилотным полётам [7, с. 176–180]. В настоящей статье акцент сделан на другом вопросе: как изменение действующего разрешительного правила влияет на уже совершённое деяние и каким образом отделить такое изменение от обычного прекращения временного ограничения.

Цель исследования — предложить последовательность проверки, при которой состояние авиационных правил в момент полёта, последующее изменение этих правил и причинение вреда оцениваются раздельно. Методологическую основу образуют анализ уголовной и воздушно-правовой норм, сопоставление их редакций и рассмотрение конкретного судебного акта. Исходной для этого служит идея С. С. Алексеева о правовом регулировании как взаимосвязи нормативного правила и индивидуального акта его реализации: разрешение нельзя отождествлять ни с общей возможностью летать, ни с сообщением о полёте [1]. При квалификации требуется соотнести фактическое поведение с признаками состава, а не заменить эту операцию предположением об опасности технологии [2].

Разрешение как изменяющееся юридическое условие

Воздушный кодекс РФ относит к использованию воздушного пространства деятельность по перемещению воздушных судов и других материальных объектов, а также иную деятельность, способную повлиять на безопасность воздушного движения [10, ст. 11]. Физическое пространство при этом не следует объявлять самостоятельным объектом преступления: уголовная норма защищает отношения безопасного и упорядоченного использования пространства, а при причинении вреда — жизнь и здоровье человека. Бланкетная формула ст. 271.1 УК РФ связывает ответственность с разрешением, которое требуется в соответствии с законодательством. Следовательно, режим устанавливает содержание обязанности, но не может сам расширить признаки уголовного состава за пределы текста УК РФ [9].

Общее правило п. 52 Федеральных правил использования воздушного пространства, утверждённых постановлением Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138, связывает использование БВС в классах А, С и G с планом

полёта и разрешением. При этом п. 52(3) исключает применение п. 52 для определённых визуальных полётов БВС с максимальной взлётной массой до 30 кг в пределах прямой видимости. Исключение зависит от конкретной высоты, удалённости от аэродромов и посадочных площадок, отсутствия запретных и иных перечисленных зон, временных и местных режимов, кратковременных ограничений и ряда мероприятий [12, п. 52, 52(3)]. Формула «до 30 кг» сама по себе не освобождает любой такой аппарат от необходимости разрешения.

Разные разрешения нельзя сводить к одному документу. В частности, п. 49 Правил предусматривает разрешение соответствующего органа местного самоуправления для полётов БВС над населённым пунктом, за исключением полётов аппаратов с максимальной взлётной массой менее 0,25 кг. Освобождение от требований п. 52 не означает автоматически освобождения от п. 49; специальная норма п. 52(4), напротив, прямо исключает применение п. 49 к указанным в ней полётам в установленных зонах полётов БВС [12, п. 49, 52(4)]. Для правоприменителя это два разных вопроса: требовалось ли разрешение на использование пространства по п. 52 и требовался ли иной предусмотренный Правилами допуск в конкретном населённом пункте.

Учёт БВС и разрешение на его полёт также выполняют разные функции. Воздушный кодекс устанавливает учёт определённых беспилотных гражданских судов в зависимости от максимальной взлётной массы [10, ст. 33]. Присвоенный учётный номер не заменяет разрешения на использование пространства там, где оно необходимо. Обратное тоже верно: отсутствие подтверждения учёта нельзя без дополнительной нормы объявить отсутствием разрешения в смысле ст. 271.1 УК РФ. Такое разграничение особенно важно для случаев, когда у исследователя есть фотография аппарата или сведения из реестра, но не установлены маршрут и действовавшие ограничения.

Изменяемость режима имеет две формы. Первая — нормативная: законодатель или Правительство меняют общее правило, круг исключений и условия допуска. Вторая — оперативная: компетентный орган вводит ограничение на определённый период и для определённой части пространства. Технический интерфейс может помочь оператору видеть зоны и контрольные признаки допустимости полёта (рис. 1), но экран сервиса не удостоверяет содержание нормативного акта, момент его вступления в силу и юридическую действительность конкретного ограничения. Для уголовного дела нужны официальная редакция правила и сведения о действовавшем режиме.

Современные исследования специальных режимов БВС подтверждают необходимость учитывать территориальные, временные и субъектные пределы отклонения от общего регулирования [8, с. 55–67]. Но уголовно-правовой вывод нельзя переносить из общей характеристики такого режима непосредственно в обвинение. Даже если особые условия установлены, необходимо показать, что

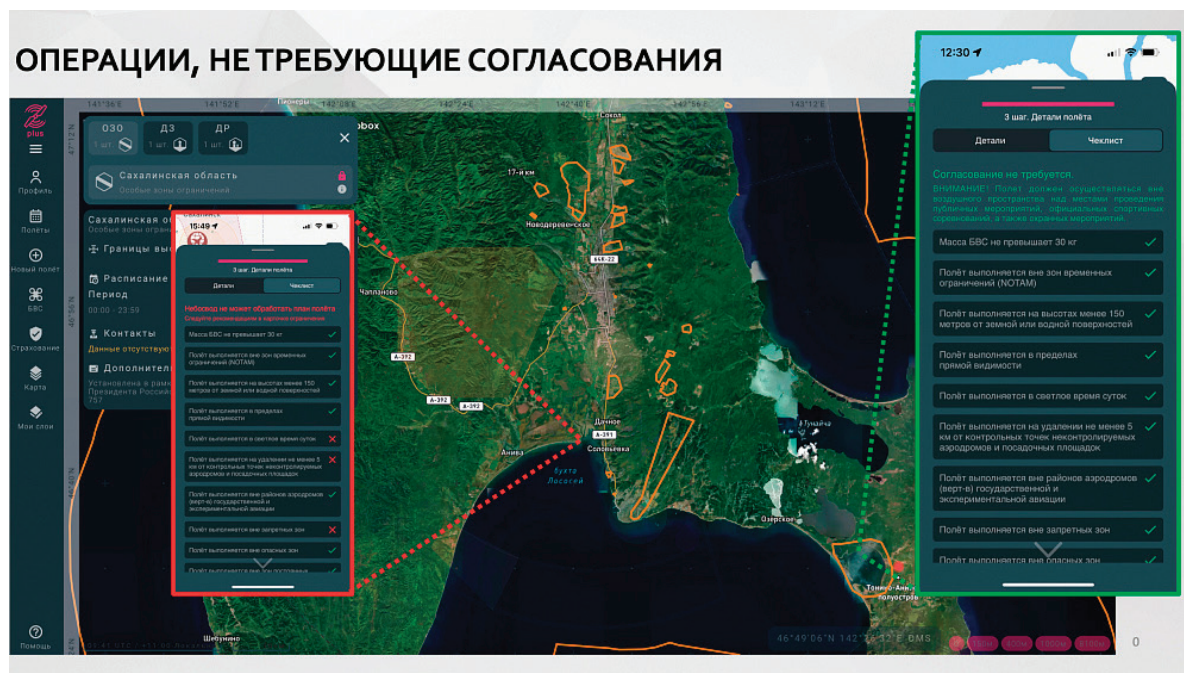

Рис. 1. Пример цифровой проверки условий полёта БВС. Источник изображения: журнал «Интеллектуальные транспортные системы России» [15]. Изображение носит иллюстративный характер

они распространялись на данный маршрут, высоту и период, а также определить компетентный орган, вид разрешения и лицо, которое обязано было его получить.

Граница между административной и уголовной оценкой

Часть 1 ст. 271.1 УК РФ предусматривает использование воздушного пространства без разрешения в случаях, когда оно требуется, если это повлекло по неосторожности тяжкий вред здоровью или смерть человека. Часть 2 охватывает неосторожное причинение смерти двум или более лицам [9]. Конструкция состава материальная. Отсутствие разрешения при отсутствии перечисленных последствий само по себе не образует этого преступления; нарушение правил использования пространства при отсутствии уголовно наказуемого деяния может оцениваться по ст. 11.4 КоАП РФ при наличии её собственных признаков [11]. Административное нарушение и преступление не разграничиваются одной лишь массой БВС или наличием у лица свидетельства пилота.

Первый элемент уголовно-правовой проверки — положительное доказательство обязанности. В материалах должны быть установлены редакция общего правила на дату действий, координаты и высота фактического полёта, режим конкретной зоны и его действительность во времени, характеристики БВС, способ пилотирования, наличие либо отсутствие необходимых разрешений. Здесь полезна традиционная для учения о квалификации последовательность: факт — применимая норма — конкретный признак состава [2]. Презумпция невиновности исключает восполнение недостающих данных предположением

«в регионе действовал запрет» без проверки его границ и действия именно в месте полёта.

Второй элемент — причинная связь между неразрешённым использованием пространства как поведением и предусмотренным уголовным законом результатом. Отсутствие бумажного либо электронного согласования нельзя считать самостоятельной физической причиной столкновения или падения аппарата. Следует установить, каким образом конкретный полёт в нарушение требовавшегося допуска создал реализовавшийся риск: например, вошёл в участок движения другого воздушного судна, нарушил предусмотренное разделение по времени либо высоте или помешал использованию пространства другими лицами. Проверяются также альтернативные причины происшествия. Если вред возник при совершенно ином механизме, одно только отсутствие документа ещё не решает вопроса о причинности; вместе с тем техническая неисправность сама по себе не исключает связи с опасным неразрешённым полётом.

Третий элемент — личная вина в отношении последствий. Тот факт, что лицо сознательно запустило БВС без оформления допуска, не заменяет доказательства неосторожности применительно к тяжкому вреду или смерти. Требуется исследовать, предвидело ли лицо возможность результата и без достаточных оснований рассчитывало ли его предотвратить, либо должно и могло ли предвидеть результат при необходимой внимательности. Анализ А. И. Ророга показывает необходимость различать направленность отдельного действия и вину в неосторожном преступном результате [3, с. 44]. В современных условиях это различие сохраняется, когда оператор задаёт маршрут заранее, а аппарат затем летит автоматически.

Уголовная ответственность индивидуальна. Договор владения аппаратом, запись о постановке на учёт, статус заказчика полёта либо наличие программы маршрута не устанавливают автоматически виновного. По п. 52 Правил представление плана и последующее использование пространства возложены на собственника или эксплуатанта БВС; однако для вывода об ответственности физического лица дополнительно выясняется, кто принимал решение о запуске, контролировал полёт, имел обязанность и реальную возможность действовать иначе [12, п. 52; 9, ст. 19, 24, 26]. Общие положения о виновной ответственности, рассматриваемые в уголовно-правовой доктрине, не допускают переноса вины организации на назначенного сотрудника только из-за его должности [5; 6].

Смежные составы требуют самостоятельного разграничения. Статья 271 УК РФ касается правил международных полётов и не становится общей нормой для всякого запуска БВС внутри страны. Статья 263 УК РФ описывает нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицом, которое в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязано их соблюдать; установление её субъекта и нарушенной обязанности не подменяется ссылкой на отсутствие разрешения на использование пространства [9]. Если последствия совпадают, выбор и возможная конкуренция норм требуют установления конкретного действия, статуса лица и причинного механизма, а не предпочтения статьи по общему впечатлению о тяжести происшествия.

Последующее изменение режима и действие уголовного закона во времени

Для бланкетной нормы время действия авиационного правила становится частью уголовно-правового анализа. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что устранение преступности деяния может быть связано не только с изменением УК РФ, но и с отменой либо изменением акта иной отрасли, к которому отсылает бланкетная уголовная норма [13, п. 2]. Одновременно временем совершения деяния признаётся время действия или бездействия независимо от дня наступления последствий [13, п. 5]. Следовательно, сначала устанавливается обязанность на момент полёта, затем отдельно решается, улучшает ли последующее нормативное изменение положение лица по ст. 10 УК РФ.

Не всякое позднейшее отсутствие ограничения равно такому изменению. Если временная зона была введена на четыре часа и действие её закончилось в установленный момент, её прекращение подтверждает ограниченный период первоначальной обязанности; оно не делает полёты, совершённые в этот период, разрешёнными задним числом. Иной вопрос возникает при изменении общего правила, когда для того же вида деятельности законодатель исключает требование получать разрешение. Тогда нужно проверить, устранило ли новое регулирование признак «в случаях, когда такое разрешение требуется»

применительно к сопоставимому деянию, а также сохраняются ли другие самостоятельные обязанности и все прочие признаки состава. Это вывод из ст. 10 и бланкетного характера ст. 271.1 УК РФ, а не автоматическое право для любого последующего послабления [9; 13].

Возможна и обратная ошибка: новое ограничение пытаются распространить на более ранний полёт. Если на дату действий оператор подпадал под действующее исключение п. 52(3) и не нарушал иных требований о разрешении, введённая позднее запретная зона не восполняет отсутствовавший признак преступления. Отдельно следует выяснять, было ли лицо уведомлено о действовавшем временном режиме в обстоятельствах, значимых для установления вины; отсутствие доказательств доступности сведений нельзя без обсуждения переложить на обвиняемого. Различие между нормативным изменением, возникновением индивидуального ограничения и окончанием срока ограничения требует самостоятельной фиксации в мотивировке решения.

Рассмотрим три условные ситуации. Первая: БВС выполняет визуальный полёт в пределах всех условий п. 52(3), а оператор не оформляет план по п. 52. Даже при причинении тяжкого вреда нельзя признать наличие именно неразрешённого использования по этому пункту без установления иной действовавшей обязанности получить разрешение. Вторая: аппарат летит при действующем ограничении на соответствующих координатах и высоте без необходимого допуска, сталкивается с другим судном и причиняет тяжкий вред. Здесь появляется предмет для проверки ст. 271.1, но факты столкновения, причинная связь и неосторожность требуют доказательств. Третья: зона была активна в момент запуска и прекратила существование до рассмотрения дела. Само истечение её срока не устраняет исторический факт нарушения; после отдельного изменения общего нормативного правила вопрос о ст. 10 УК РФ исследуется заново.

Материал судебной практики показывает значение документирования режима. Арбитражный суд Поволжского округа по делу № А06–12209/2023 оставил в силе отмену постановления о штрафе по ч. 2 ст. 11.4 КоАП РФ: применительно к полёту БВС в августе 2023 г. суды не нашли документального подтверждения введения ограничений в месте и во время полёта и исследовали сведения аэронавигационной организации [14]. Это административное дело, рассмотренное применительно к прежней редакции правил; оно не решает вопрос об уголовной ответственности по ст. 271.1 и не заменяет анализа правил, действующих сегодня. Его значение для настоящей темы состоит в более узком процессуальном выводе: ссылку на ограничение необходимо проверять по месту, времени и документу.

Предлагаемая для квалификации последовательность состоит из трёх проверок. Сначала устанавливается юридическая обязанность получить конкретный допуск на дату и в месте полёта, причём данные учёта БВС, план и разрешение не смешиваются. Затем проверяются

личное действие, причинение предусмотренного законом вреда, связь и неосторожность. Наконец, сопоставляются историческая и последующая редакции отсылочной нормы с разделением нормативного послабления и естественного окончания временного режима. Такой порядок не меняет состав преступления и не создаёт презумпцию невиновности сверх закреплённой законом; он делает видимыми факты, без которых формула ст. 271.1 остаётся неопределённой.

Заключение

Изменение разрешительного режима полётов БВС влияет на применение ст. 271.1 УК РФ через содержание бланкетного признака необходимости разрешения. Правовое значение имеет не общая оценка беспилотной технологии, а обязанность, действовавшая для определённого лица и полёта с учётом времени, координат, высоты, параметров аппарата и исключений из общего пра-

вила. Вновь введённое ограничение не оценивает задним числом прежний полёт; истечение срока временного режима само по себе не устраняет нарушение, совершённое во время его действия; нормативное устранение обязанности может потребовать применения ст. 10 УК РФ после сопоставления всех признаков деяния.

Для единообразия практики целесообразно закрепить в разъяснениях по транспортным преступлениям обязанность суда указывать в мотивировке: конкретный пункт авиационных правил и его редакцию; вид разрешения и орган, уполномоченный его выдавать; сведения о границах и сроке ограничения; лицо, на которое возложена соответствующая обязанность; механизм причинения вреда и признаки неосторожности; результат проверки последующего изменения отсылочного регулирования. Эта рекомендация не предполагает автоматической криминализации всех нарушений БВС. Она позволяет применять действующую норму с соблюдением законности и личной виновной ответственности.

Литература:

1. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 1995. 320 с.
2. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Госюриздат, 1963.
3. Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. 186 с.
4. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности // Lex Russica. 2019. № 2 (147). С. 9–28. DOI: 10.17803/1729–5920.2019.147.2.009–028.
5. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд. М.: Проспект, 2017.
7. Барсукова А. В. Некоторые вопросы уголовной ответственности за нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации (статья 271.1 УК РФ) // Уголовное право России: состояние и перспективы (транспортные преступления): материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2023. С. 176–180. URL: https://procuror.spb.ru/izdaniya/2023_06_02.pdf (дата обращения: 07.10.2026).
8. Уваров М. А. Экспериментальный правовой режим эксплуатации беспилотных авиационных систем как специальный административно-правовой режим // Транспортное право и безопасность. 2026. № 2 (58). С. 55–67. DOI: 10.30932/2500–1868–2026–58–2–04.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Правительства РФ от 11 марта 2010 г. № 138 «Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 11 апреля 2025 г. № Ф06–1385/2025 по делу № А06–12209/2023. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/9M8Bnihv7KbJ/> (дата обращения: 07.10.2026).
15. Шифрин В. Будущее систем управления воздушным движением // Интеллектуальные транспортные системы России. URL: <https://www.itsjournal.ru/articles/technologies/budushchee-sistem-upravleniya-vozdushnym-dvizheniem/> (дата обращения: 07.10.2026).

Судебное усмотрение и неопределенность понятия «крайне неблагоприятное положение» супруга

Мелихова Ольга Олеговна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье анализируется различный подход к понятию «крайне неблагоприятное положение». Исследуется вектор развития судебной практики в контексте признания брачных договоров недействительными. Основное внимание уделяется проблематике правовой квалификации условий, ставящих супруга в крайне неблагоприятное положение. В работе изучаются признаки, по которым суды отличают законное неравенство долей от нарушения прав одного из супругов. Предлагается нормативно закрепить открытый перечень критериев нарушения баланса интересов сторон брачного договора и описывается алгоритм реформирования: через разъяснения Пленума Верховного Суда РФ с последующим изменением нормативной базы. Реализация предложенных мер призвана снизить уровень судебного субъективизма и гарантировать имущественную стабильность участников брачно-семейных отношений.

Ключевые слова: крайне неблагоприятное положение, брачный договор, признание брачного договора недействительным, совместная собственность супругов, режим раздельной (личной) собственности супругов.

Judicial discretion and the uncertainty of the concept of the «extremely unfavorable position» of a spouse

Melikhova Olga Olegovna, master's student
Chelyabinsk State University

The article analyzes various approaches to the concept of «extremely unfavorable position». It explores the development vector of judicial practice in the context of invalidating nuptial agreements. The primary focus is placed on the legal qualification of provisions that place a spouse in an extremely unfavorable position. The paper examines the criteria used by courts to distinguish the legal inequality of shares from the violation of one spouse's rights. The author proposes to introduce a statutory, non-exhaustive list of criteria for assessing the imbalance of interests between the parties to a nuptial agreement, and outlines a reform algorithm: through clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, followed by amendments to the regulatory framework. The implementation of the proposed measures is aimed at reducing judicial subjectivity and ensuring the property stability of participants in marital and family relations.

Keywords: gross disadvantage, nuptial agreement, Invalidation of a nuptial agreement, community property of spouses, separate property regime.

Введение

В последние годы количество заключенных брачных договоров в России растет стремительными темпами. Согласно статистическим данным Министерства юстиции Российской Федерации [5] количество брачных договоров, удостоверенных в 2025 году по сравнению с количеством брачных договоров, удостоверенных в 2024 году, увеличилось практически в два с половиной раза. Рост востребованности брачного договора обусловлен переходом к более прагматичному подходу в семейных отношениях. Договорное регулирование позволяет заблаговременно распределить имущественную массу и предотвратить разрешение споров в судебном порядке в случае прекращения брака. Однако наличие удостоверенного брачного договора не является стопроцентной гарантией и препятствием для инициирования судебного разбирательства и признания брачного договора недействительным в целом или его отдельных положений в части.

В соответствии с действующим законодательством различают следующие основания для признания брачного договора недействительным:

1) положения статей 166–181 Гражданского кодекса Российской Федерации [6] (далее — ГК РФ) (общие положения о недействительности сделок)

2) положения статей 40–43 Семейного кодекса Российской Федерации [7] (далее — СК РФ) (общие требования к брачному договору)

3) положения статьи 44 СК РФ (специальные требования для признания брачного договора недействительным)

И если в первых двух случаях правовая позиция достаточно точным образом сформирована, то такое основание как: признание брачного договора недействительным по причине того, что условия договора ставят второго супруга в крайне неблагоприятное положение — категория оценочная и требующая дополнительных разъяснений и рассмотрения каждого дела по существу.

Основная проблема заключается в том, что «в легальном поле фактически отсутствует формальное определение или по крайней мере однозначные критерии определения «крайне неблагоприятного положения». [2, с 384] Согласно общему принципу брачный договор не должен содержать условия, идущие вразрез с базовыми началами семейного законодательства и ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. [1]

Вместе с тем существует позиция, что данная норма в действующем законодательстве лишняя, так как она нарушает принцип правовой определенности, и исключение этой нормы из семейного законодательства «не отразится негативным образом на защите прав и интересов супругов, т. к. имеющиеся в ГК РФ основания недействительности сделки достаточны для регулирования имущественных отношений супругов» [3, с 240]

Тем не менее ввиду отсутствия законодательно закрепленного перечня признаков «крайне неблагоприятного положения», данное основание признания сделки недействительной подлежит доказыванию через индивидуальное исследование фактических обстоятельств дела и требует расширительного судебного толкования.

Принцип равенства долей в совместной собственности супругов носит диспозитивный характер и может быть изменен соглашением сторон. Действующее семейное законодательство допускает изменение режима законной собственности супругов путем заключения брачного договора. При этом само по себе неравенство распределяемых долей не влечет автоматическую недействительность сделки. Исследование вопроса о нарушении баланса интересов ввиду крайне неблагоприятного положения, относится к исключительной компетенции суда и осуществляется на основе оценки представленных доказательств. Одно и то же условие (например, передача всей недвижимости одному супругу) может быть признано нормальным в одной ситуации (если у второго есть бизнес и счета) и «крайне неблагоприятным» в другой (если второй супруг остается без средств к существованию и жилья). При этом закон не устанавливает императивного требования о сохранении за супругами жилья как условия для признания брачного договора законным».

Так, например, определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11. 04. 2023 г. по делу № 33-КГ23–2-К3 [8] истцу (супругу) было отказано в признании брачного договора недействительным в части, несмотря на то, что у него на момент подачи искового заявления о признании брачного договора недействительным не имелось жилья. Однако на момент заключения брачного договора у него имелось недвижимое имущество, которым он распорядился путем его продажи. Таким образом, непосредственно с даты подписания брачного договора супруг был надлежащим образом осведомлен об изменении правового режима спорного имущества и его переходе в единоличную собственность супруги. При совершении сделки стороны подтвердили полноту понимания её условий и правовых

последствий изменения режима собственности. Подписание договора свидетельствует о наличии согласованной воли супругов, сформированной в отсутствие внешнего давления, при полном осознании состава распределяемого имущества и юридической сути устанавливаемого правового режима. Таким образом, суд пришел к выводу, что положения брачного договора не ставят супруга в крайне неблагоприятное положение.

Дифференциация доходов в семье

Подписание брачного договора нередко продиктовано резким материальным расхождением между сторонами. Наличие у одного из супругов имущественных активов делает договор инструментом их защиты от возможного распределения при разводе. При этом чрезмерное ущемление прав второй стороны создает риск признания документа недействительным в суде, тем более, если отсутствие дохода продиктовано серьезными факторами. Например, в ситуации, когда из-за ухода за детьми, включая ребенка-инвалида, супруга лишилась заработка. При этом, при подписании брачного договора о будущей инвалидности ребенка еще не было известно. По мнению судов первой и апелляционной инстанции, истица не представила достаточных доказательств того, что пункты брачного договора нарушают её права. Однако вышестоящий суд отменил предыдущие решения, указав на необходимость более глубокого изучения фактического положения дел в семье. Кассационный суд усмотрел явные признаки возникновения крайне неблагоприятного положения для бывшей жены. Очевидный дисбаланс между накопленным имуществом мужа и полной финансовой незащищенностью жены стал ключевым аргументом. Определением судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2024 г. по делу № 8Г-33335/2024 (88–30249/2024) [9] было установлено, что договор не должен лишать одного из партнеров базовых средств к существованию.

Обе вышеописанные ситуации, юридически идентичные в момент подписания (а именно: на момент совершения сделки стороны обладали полной дееспособностью, действовали добровольно, осознавали юридическую сущность заключаемого договора и его правовые последствия, а также отсутствовали обстоятельства, свидетельствующие о заблуждении или неспособности понимать значение своих действий или руководить ими) на практике оцениваются судом диаметрально противоположно из-за разницы в их имущественных последствиях.

В первом случае брачный договор остается в силе, так как у обоих супругов после его заключения сохранились активы. Даже если раздел имущества кажется «неравным», он не лишает каждую из сторон средств к существованию, а значит, свобода договора превалирует.

Во втором случае условия договора приводят к «крайне неблагоприятному положению» в связи с отсутствием возможности обеспечения стабильного уровня дохода

при существующих условиях. Здесь суд видит не просто волю сторон, а нарушение базового принципа справедливости, что становится основанием для признания брачного договора недействительным.

При всей гибкости и субъективности термина «крайне неблагоприятное положение» в целях оптимизации действующего законодательства и для «защиты прав и законных интересов сторон брачного договора, это понятие необходимо конкретизировать» [4, с. 282]. Сделать это возможно путем закрепления в законе открытого перечня обстоятельств, безусловно свидетельствующих о таком положении. К ним следует отнести полную утрату

трудоспособности, отсутствие иного жилья или наличие на иждивении тяжелобольных детей при явной диспропорции раздела имущества. Решение проблемы видится в два этапа. Первым шагом Пленум Верховного суда РФ должен обобщить судебные решения и выработать маркеры нарушения баланса интересов. Впоследствии данные ориентиры послужат базой для совершенствования законодательства. Таким образом, выработка четких нормативных ориентиров позволит судам уйти от избыточного усмотрения, обеспечит предсказуемость правоприменения и создаст реальные гарантии имущественной стабильности для обоих супругов.

Литература:

1. Вильгоненко И. М. Особенности правового регулирования некоторых актуальных вопросов семейного законодательства: монография / И. М. Вильгоненко, Р. Э. Арутюнян, М. В. Лимарева. — Пятигорск: РИА-КМВ, 2026. — 272 с.
2. Миронов В. А. Развитие брачного договора в современной России (на примере существовавших законодательных инициатив) // Современный ученый. 2025. № 9. С. 382–390.
3. Мазур А. Е. Основание недействительности брачного договора, нарушающее принцип правовой определенности // В зеркале права: сборник научных трудов. Липецк, 2024. С. 237–240.
4. Конохов М. В. Крайне неблагоприятное положение как основание для признания брачного договора недействительным // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8 (236). С. 279–282. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kрайne-neblagopriyatnoe-polozhenie-kak-osnovanie-dlya-priznaniya-brachnogo-dogovora-nedeystvitelnym> (дата обращения: 11.10.2026).
5. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. Раздел: статистика. <https://minjust.gov.ru/ru/activity/statistic/> (дата обращения 09.10.2026)
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) СПС Консультант Плюс, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 09.10.2026)
7. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) СПС Консультант Плюс, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения 09.10.2026)
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 11. 04. 2023 г. по делу № 33-КГ23–2–К3 URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2234634 (дата обращения 09.10.2026)
9. Определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2024 г. по делу № 88–30249/2024 URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=case&case_id=13373270&case_uid=a9e5cc6b-058c-4cc5-96c9-a070a0d66fe4&new=2800001&delo_id=2800001 (дата обращения 09.10.2026)

Пределы публично-правового вмешательства в договор банковского счета: исполнение судебных приказов и защита минимальных доходов должника-гражданина

Митрофанов Никита Валерьевич, студент

Научный руководитель: Захарова Галина Серафимовна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье рассматриваются пределы вмешательства норм публичного права в правовой режим договора банковского счета на примере двух проблем: исполнения банком судебных приказов в отношении клиентов, отнесенных Банком России к группе высокой степени риска совершения подозрительных операций, и защиты минимальных доходов должника-гражданина. На основе анализа законодательства об исполнительном производстве, о противодействии легализации доходов и о потребительском кредите, а также позиции Верховного Суда Российской Федерации показано, что

коллизия между нормами об исполнении судебных актов и антиотмывочным законодательством разрешена в пользу обязательности судебного акта, а контроль за добросовестностью предъявляемых требований перенесен на стадию судебного разбирательства. Сформулированы предложения по совершенствованию механизма информирования судов и защиты минимального дохода гражданина.

Ключевые слова: договор банковского счета, судебный приказ, исполнительный документ, противодействие легализации доходов, исполнительский иммунитет, прожиточный минимум, добросовестность банка.

Введение

Договор банковского счета традиционно рассматривается как институт частного права: банк не вправе определять и контролировать направления использования денежных средств клиента и устанавливать не предусмотренные законом или договором ограничения права клиента распоряжаться ими (п. 3 ст. 845 ГК РФ) [1]. Однако на практике правовой режим банковского счета все чаще определяется публично-правовыми нормами. Банк обязан осуществлять внутренний контроль в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем [5], реализовывать исполнительные документы [6] и учитывать установленные законом ограничения по взысканиям на доходы граждан [3;6]. Согласно позиции Д. Г. Алексеевой, институт банковского счета характеризуется сочетанием частноправовых и публично-правовых элементов [16].

Указанные обязанности нередко вступают в противоречие друг с другом, а неисполнение каждой из них влечет ответственность: как указывает Д. Г. Алексеева, неисполнение требований как Закона № 229-ФЗ, так и Закона № 115-ФЗ образует для кредитной организации состав правонарушения [16]. Банк, получивший судебный приказ в отношении клиента, вовлеченного в проведение сомнительных операций, сталкивается с коллизией правовых предписаний: требованием о незамедлительном исполнении исполнительного документа и обязанностью по реализации мер противодействия легализации доходов, полученных преступным путем. Параллельно возникает иная правовая коллизия, когда на счет должника зачисляются денежные средства, обладающие исполнительским иммунитетом — социальные выплаты, в то время как банк обременен обязанностью по незамедлительному удовлетворению требований взыскателя. В данном контексте императивный законодательный запрет на обращение взыскания на социально значимые доходы исключает возможность безусловной реализации исполнительного документа. Где проходит граница публично-правового вмешательства в договор банковского счета и какие инструменты остаются у банка в пределах этой границы — вопрос, который до сих пор вызывает дискуссию в литературе и практике [16]. Актуальность темы определяется тем, что неопределенность границ вмешательства оставляет банк между двумя рисками ответственности, а гражданина — без гарантий сохранения средств к существованию.

Цель статьи — определить пределы публично-правового вмешательства в режим договора банковского счета

при исполнении судебных приказов и при защите минимального дохода гражданина-должника. Для ее достижения поставлены следующие задачи:

1) проанализировать соотношение ст. 70 Закона № 229-ФЗ и норм Закона № 115-ФЗ при исполнении судебных приказов в отношении клиентов высокой степени риска;

2) выявить механизмы защиты минимального дохода должника-гражданина при списании средств с банковского счета;

3) сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также анализ судебной практики Верховного Суда РФ.

1. Публично-правовые элементы договора банковского счета

Допустимость применения публично-правовых ограничений определяется пунктом 3 статьи 845 ГК РФ. Закрепленный в ней запрет на ограничение прав клиента на распоряжение денежными средствами носит относительный характер, поскольку изъятие этих средств, предусмотренное законом или договором не запрещено в указанной норме. Следовательно, ограничения, вводимые федеральным законодательством, полностью согласуются с данной цивилистической нормой [1]. В развитие данного принципа статья 854 ГК РФ также легитимирует списание денежных средств с банковского счета без распоряжения клиента, допуская такое изъятие на основании судебного акта, в случаях, установленных законом, либо непосредственно предусмотренных договором [1]. Публично-правовое воздействие, таким образом, не разрушает договорную конструкцию, а ограничивает свободу договора на двух уровнях: на уровне операций, которые банк вправе или обязан приостановить либо в проведении которых вправе отказать [5], и на уровне обязанностей банка, возникающих перед третьими лицами — взыскателями и государством [6].

Второй уровень Верховный Суд РФ квалифицирует как публичную функцию, которую закон возлагает на банк, исполняющий выданный судом исполнительный документ [15]. Усиление публичных обязанностей банка сопровождается и повышенным вниманием к его собственной добросовестности: как справедливо отмечает И. Е. Михеева, банки привлекаются к ответственности за недоб-

росовестное осуществление прав и исполнение обязанностей, в том числе за одностороннее изменение условий вклада при списании средств по исполнительным документам [17].

2. Исполнение судебных приказов в отношении клиентов высокой степени риска

Судебный приказ выносится по бесспорным требованиям [12;13], а взыскатель вправе направить его непосредственно в банк, обслуживающий счета должника (ст. 8 Закона № 229-ФЗ) [6]. Банк обязан исполнить требования о взыскании денежных средств незамедлительно (ч. 5 ст. 70 Закона № 229-ФЗ) [6] — неисполнение влечет административную ответственность по ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ [2]. Судебный приказ о выплате работнику заработной платы в течение трех месяцев подлежит немедленному исполнению (ст. 211 ГПК РФ) [3;15]. Перечень оснований, освобождающих кредитную организацию от упомянутой обязанности, носит строго ограниченный характер. Согласно ч. 8 ст. 70 Закона № 229-ФЗ к таковым относятся отсутствие денежных средств на счетах должника, арест денежных средств, приостановление операций по счетам в установленном законом порядке, иные случаи, предусмотренные федеральным законом [6;19;20].

Вместе с тем с 1 июля 2022 г. Банк России относит клиентов -юридических лиц и индивидуальных предпринимателей — к одной из трех групп риска совершения подозрительных операций [15]. Для клиентов, отнесенных к группе высокой степени риска, п. 5 ст. 7.7 Закона № 115-ФЗ предусматривает ряд мер, в том числе отказ от операций по списанию денежных средств. Исключения из данного правила установлены пунктом 6 той же статьи: в частности, списание по исполнительным документам, поступившим до исключения клиента из ЕГРЮЛ/ЕГРИП, допускается после такого исключения [5;15]. Именно такой логикой руководствовался банк в деле, рассмотренном Верховным Судом РФ в 2025 г. Приняв судебный приказ о взыскании заработной платы к исполнению, банк поместил его в картотеку, но приостановил исполнение до снятия с клиента ограничений, поскольку клиент-должник был отнесен Банком России к группе высокого риска. Суды трех инстанций признали такие действия банка законными [15].

Верховный Суд РФ отменил акты нижестоящих инстанций. Он указал, что часть 8.1 статьи 70 Закона № 229-ФЗ запрещает кредитным организациям уклоняться от исполнения документов, выданных судом или на основании его решения, по причинам, связанным с мерами внутреннего контроля. Высшая судебная инстанция подчеркнула: Закон № 115-ФЗ не регулирует исполнение судебных актов и не содержит механизмов их приостановления из-за отнесения должника к группе высокого риска. Кроме того, банк не наделен полномочиями проверять законность и обоснованность самих судебных решений [15]. Как подчеркивает Д. Г. Алексеева, аналогичный

подход содержится в определении Верховного Суда РФ от 18.07.2024 № 305-ЭС24–5098, где отмечена и возможность применения к банку мер ответственности по ст. 395 ГК РФ, а также в практике арбитражных судов, например, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.12.2024 № 09АП-66349/2024 [16].

Следовательно, коллизия между ст. 70 Закона № 229-ФЗ и нормами Закона № 115-ФЗ разрешена законодателем и Верховным Судом РФ в пользу обязательности судебного акта. Пределом публично-правового вмешательства в правовой режим банковского счета здесь выступает сам судебный акт: нормы антиотмывочного законодательства не могут служить основанием для задержки его исполнения.

Инструменты банка в этой ситуации ограничены. Банк вправе задержать исполнение судебного приказа не более чем на семь дней при обоснованных сомнениях в подлинности исполнительного документа, полученного непосредственно от взыскателя, либо в достоверности представленных им сведений (ч. 6 ст. 70 Закона № 229-ФЗ). На время проверки он незамедлительно приостанавливает операции по счетам должника в пределах взыскиваемой суммы [6;15]. Этот срок предназначен для проверки документа, а не для оценки сомнительности самой задолженности. Обзор Президиума Верховного Суда РФ от 08.07.2020 приводит пример применения ч. 6 ст. 70: при подозрении в фальсификации банк задержал исполнение и направил копию судебного приказа в суд для подтверждения подлинности [13].

Основное бремя по минимизации рисков использования «фиктивных» судебных приказов Верховный Суд РФ возложил на стадию судебного разбирательства. В названном Обзоре обобщена негативная практика обращения в суд при отсутствии реального спора о праве исключительно с целью получения исполнительных документов и последующего вывода денежных средств в обход требований Закона № 115-ФЗ [13]. В целях противодействия предусмотрены такие меры, как отказ в принятии заявления о вынесении судебного приказа при признаках направленности на незаконную финансовую операцию (п. 2: заявитель сохраняет право на предъявление иска), право прокурора, налоговых и таможенных органов, а также территориального подразделения Росфинмониторинга обратиться с заявлением о пересмотре судебного приказа по вновь открывшимся обстоятельствам (п. 3) и сообщение судом о признаках преступления органам расследования (п. 5) [13]. Верховный Суд РФ ссылается на п. 3 Обзора как на действующий механизм реагирования на обстоятельства, выявленные на стадии исполнения судебного акта [15].

Тем не менее проблема не исчерпана. Банк в рамках внутреннего контроля располагает сведениями о признаках сомнительности операции и направляет их в уполномоченный орган [5], однако Закон № 229-ФЗ, как представляется, не предусматривает специального порядка передачи этих сведений суду, вынесшему приказ: единственный закреплённый в нем случай обращения банка

к суду связан с сомнениями в подлинности документа [6; 13]. Это направление, в котором возможно совершенствование правового регулирования.

3. Защита минимального дохода должника-гражданина

Степень защищенности доходов гражданина определяется правовым основанием списания денежных средств с его банковского счета. Можно выделить три самостоятельных режима защиты: в рамках принудительного исполнения исполнительных документов, при договорном списании периодических доходов, а также при договорном списании единовременных социальных выплат. В первом случае, при принудительном исполнении по исполнительному документу или постановлению судебного пристава-исполнителя, банк учитывает ст. 99 и 101 Закона № 229-ФЗ: ст. 101 содержит перечень видов доходов, на которые взыскание не обращается — исполнительский иммунитет, а ст. 99 определяет пределы удержаний из заработной платы и иных доходов [6]. Эти правила обязательны и для банка, исполняющего документ, который взыскатель предъявил непосредственно ему (ч. 5 ст. 8 Закона № 229-ФЗ) [6].

Правомерность такого подхода подтверждается правовой позицией Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, выраженной в Определении от 17.11.2015 № 16-КГ15-32. Высшая судебная инстанция подчеркнула, что прямое предъявление исполнительного листа в банк, минуя органы ФССП России, не освобождает кредитную организацию от обязанности верифицировать источники поступления денежных средств, признав удержание защищенных законом социальных выплат неправомерным [14]. Кроме того, взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на денежные средства в размере величины прожиточного минимума должника и лиц, находящихся на его иждивении (ст. 446 ГПК РФ) [3].

Федеральным законом от 29.06.2021 № 234-ФЗ в ст. 446 ГПК РФ и Закон № 229-ФЗ внесены изменения, обеспечивающие ежемесячное сохранение дохода в размере прожиточного минимума [8]. Данный механизм носит заявительный характер и не реализуется автоматически. Должник подает заявление судебному приставу-исполнителю, после чего соответствующее требование доводится до банка в постановлении пристава (ч. 1.1 ст. 99 Закона № 229-ФЗ). Если же документ предъявлен взыскателем непосредственно в кредитную организацию, должник вправе обратиться с таким заявлением непосредственно в сам банк [6;9].

При договорном списании действует иная логика. В силу ст. 854 ГК РФ банк вправе списывать средства без распоряжения клиента в случаях, предусмотренных договором, в частности при заранее данном акцепте [1]. Для периодических выплат, относящихся к видам доходов по ч. 1 ст. 101 Закона № 229-ФЗ, Федеральный закон от

30.12.2021 № 444-ФЗ закрепил в ст. 5 Закона № 353-ФЗ право заемщика, давшего распоряжение о периодическом переводе или заранее данный акцепт, на обращение к кредитору с заявлением о возврате денежных средств в течение четырнадцати календарных дней со дня списания [7;9;10]. Кредитор обязан вернуть денежные средства в течение трех рабочих дней, после чего заемщик в течение семи дней погашает возникшую задолженность [18]. Так, заранее данное согласие заемщика сохраняет свою юридическую силу, однако это не лишает его права впоследствии потребовать возврата списанных денежных средств.

Для единовременных социальных выплат установлен более строгий правовой режим: банку требуется отдельное согласие заемщика на каждую операцию по списанию средств [18]. Закон, таким образом, не устанавливает безусловного запрета на списание сумм социальных выплат при наличии заранее данного акцепта: для периодических выплат предусмотрен возврат по заявлению заемщика, для единовременных — согласие, даваемое отдельно при совершении каждой операции. Необоснованное списание средств со счета влечет ответственность банка в виде процентов по ст. 395 ГК РФ (ст. 856 ГК РФ) и возмещения убытков (ст. 15 ГК РФ) [1], а в отношениях с гражданином-потребителем — также компенсацию морального вреда по законодательству о защите прав потребителей [4;11].

Во всех трех режимах защита минимального дохода построена по заявительному или согласительному принципу: от гражданина требуется активное волеизъявление — направление заявления судебному приставу, банку или кредитору, либо предоставление осознанного согласия на списание средств. Это снижает практическую эффективность защиты для лиц, не осведомленных о своих правах. Поэтому речь идет не о приоритете социальных прав над свободой договора банковского счета в целом, а о точечных императивных ограничениях договорного режима банковского счета. Эту группу ограничений условно можно назвать социально-защитной функцией банка в расчетных правоотношениях.

4. Предложения по совершенствованию правового регулирования

Наделение банков правом приостанавливать исполнение судебных приказов в отношении клиентов высокой степени риска представляется нецелесообразным: оно противоречит ч. 8.1 ст. 70 Закона № 229-ФЗ, принципу обязательности судебных актов и позиции Верховного Суда РФ [6; 15]. Риски «фиктивности» судебных приказов должны устраняться на стадии судебного разбирательства и за счет обмена информацией. С этой целью предлагается:

1) Закрепить обязанность банка, выявившего при исполнении судебного приказа признаки, перечисленные в пп. 2 и 3 Обзора от 08.07.2020, направлять мотивированное сообщение суду, вынесшему приказ, и в уполномоченный орган одновременно с его исполнением без задержек [13; 15];

2) Уточнить: определение суда о приостановлении исполнения судебного приказа на период рассмотрения заявления прокурора, налогового органа или Росфинмониторинга о его пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам обязательно для банка тогда, когда документ предъявлен взыскателем непосредственно в банк. Часть 2 ст. 39 Закона № 229-ФЗ допускает приостановление исполнительного производства судом при оспаривании судебного акта [6], но при прямом предъявлении документа в банк (ст. 8 Закона № 229-ФЗ) исполнительное производство не возбуждается, поэтому целесообразно прямо закрепить действие такого определения в отношении банка;

3) Возложить на банк, получивший от взыскателя исполнительный документ о взыскании с гражданина, обязанность по уведомлению должника о поступлении такого документа и о его праве на подачу заявления о сохранении прожиточного минимума: поскольку защита носит заявительный характер, без такого уведомления она остается недоступной для лиц, не знающих о ней [6].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Договор банковского счета сохраняет частноправовую основу, однако правовой режим банковского счета

определяется публично-правовыми нормами, которые действуют на двух уровнях: ограничения операций клиента и обязанности банка перед взыскателями и государством.

2. Коллизия между ст. 70 Закона № 229-ФЗ и нормами Закона № 115-ФЗ при исполнении судебных приказов разрешена в пользу обязательности судебного акта (ч. 8.1 ст. 70 Закона № 229-ФЗ, позиция Верховного Суда РФ 2025 г.). Пределом публично-правового вмешательства служит судебный акт: контроль за добросовестностью требований перенесен на стадию судебного разбирательства, а у банка остается право на семидневную проверку подлинности документа.

3. Защита минимального дохода гражданина зависит от основания списания средств и построена преимущественно по заявительному принципу. Это не означает приоритета социальных прав над свободой договора в целом, но требует мер по информированию должника. Верховный Суд РФ при этом исходит из императивности ст. 101 Закона № 229-ФЗ для банка, исполняющего документ.

4. Совершенствование регулирования целесообразно направить не на расширение полномочий банка по приостановлению судебных актов, а на формализацию обмена информацией между банком, судом и уполномоченным органом и на информирование должника о способах защиты минимального дохода.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
4. О защите прав потребителей: закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
5. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
7. О потребительском кредите (займе): федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
8. О внесении изменений в статью 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве»: федеральный закон от 29.06.2021 № 234-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2021 № 444-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. В связи с вступлением в силу Федерального закона от 30.12.2021 № 444-ФЗ: информационное письмо Банка России от 25.07.2022 № ИН-010-59/96 // СПС «КонсультантПлюс».
11. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 // СПС «КонсультантПлюс».
12. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 16-КГ15-32 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 05.02.2025 № 87-КАД24-2-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Алексеева Д. Г. Исполнение судебных приказов о взыскании задолженности со счетов клиентов высокого уровня риска // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 1. С. 45–62.
17. Михеева И. Е. Недобросовестные практики в банковской деятельности: актуальные проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2026. Т. 21, № 6. С. 61–68.
18. Новый закон усилит защиту социальных выплат от списания в счет погашения кредита или займа // Банк России. 30.12.2021. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12599>
19. Романовский С. В. Особенности рассмотрения споров с банками, принудительно исполняющими требования исполнительных документов // СПС «КонсультантПлюс». 2022.
20. Цинделиани И. А., Садовская Т. Д., Попкова Ж. Г., Игнатъева Е. Г. Рассмотрение споров с участием банков при исполнении ими требований исполнительных документов // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 1. С. 74–98.

Медиация в гражданском процессуальном праве в Российской Федерации: исторический аспект

Митюшева Олеся Сергеевна, кандидат исторических наук, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

Настоящая статья посвящена исследованию исторического развития института медиации в российском гражданском процессуальном праве. Рассматриваются истоки появления медиации как инструмента урегулирования споров, ее трансформация в процессе становления российского государства. Особое внимание уделено ключевым этапам формирования и законодательного закрепления медиативных процедур, начиная с древних времен и завершая современным состоянием. Анализируются особенности становления медиации как социального института и ее интеграция в правовую систему Российской Федерации.

Ключевые слова: медиация, право, история, развитие, общество, конфликт, спор.

Mediation in civil procedural law in the Russian Federation: a historical aspect

Mityusheva Olesya Sergeevna, candidate of historical sciences, master's degree student
All-Russian State University of Justice (Moscow)

The article examines the historical development of the institution of mediation in Russian civil procedural law. It examines the origins of mediation as a dispute resolution tool and its transformation during the development of the Russian state. Particular attention is paid to the key stages of the formation and legislative consolidation of mediation procedures from ancient times to the present day. The development of mediation as a social institution and its integration into the legal system of the Russian Federation are analyzed.

Keywords: mediation, law, history, development, society, conflict, dispute.

Истоки появления института медиации в гражданском процессуальном праве России лежат в глубокой древности, когда потребность в мирном разрешении конфликтов была неотъемлемой частью социального бытия. Развитие медиации как социального института носило поступательный, но зачастую нелинейный характер. Первоначально, в условиях общинного устройства, разрешение споров осуществлялось путем переговоров, примирения, часто при участии старейшин или уважаемых членов общины. С формированием государственности и появлением первых правовых норм тенденции к формализации процесса урегулирования споров усиливались, однако по-

требность в несиловых методах разрешения конфликтов сохранялась, что и послужило предпосылкой для дальнейшего развития медиативных практик. Е. С. Казменкин считает, что рассматриваемая процедура использовалась еще в Древнем мире (в Финикии, Древней Греции, Риме), в связи с чем ее возраст насчитывает более 3000 лет [4, с. 445].

Исследуя современную литературу по истории медиации [3; 4; 6; 7; 8; 9], можно сказать, что развитие данного института в гражданском процессуальном праве Российской Федерации можно условно разделить на пять ключевых этапов, каждый из которых отражает эволюцию медиации.

Первый этап охватывает период, когда рассматриваемая процедура в качестве примирительного метода урегулирования споров использовалась в первобытности. Этот этап показывает, что сама идея обращения к посреднику для достижения согласия является фундаментальной для общества [4, с. 446].

Второй этап связан с ранней историей славянских народов. С точки зрения А. П. Медведевой, примирительные процедуры были впервые использованы славянскими народами в VI в. н. э. [7, с. 695]. Этап демонстрирует, как примирительные механизмы постепенно интегрировались в социальные и правовые традиции формирующихся государств.

Третий этап характеризуется возрождением и закреплением идей примирения в средневековом русском праве. А. В. Пантелеева, исследуя историю развития данного института, отмечает, что еще в ст. 80 Псковской Судной грамоты 1397 года, в ст. 9 Судебника 1550 года, а также в ст. 121 Соборного уложения 1649 года давалось прямое указание на примирение сторон [8, с. 1166]. Указанные нормы свидетельствуют о признании государством важности мирного урегулирования споров.

Четвертый этап можно отнести к периоду активного развития концепции альтернативного разрешения споров в мире и ее адаптации в России. Необходимо отметить, что медиация в ее современном понимании развивается в 1920-е годы в США и в 1970-е годы в Европе, а в России в середине 1990-х годов распространение получил термин «альтернативное разрешение споров» [8, с. 1165]. И. А. Торчкова указывает, что в 1993 году был принят закон о разрешении трудовых споров, в котором впервые упоминается медиация; следовательно, в России институт медиации начал свое развитие именно с 1993 года [9, с. 138]. Закон о разрешении трудовых споров, хотя и не являлся прямым регулятором медиации, заложил основы для правового регулирования внесудебных примирительных процедур. Период ознаменовал начало интеграции международных подходов к разрешению споров в российскую практику.

С точки зрения Г. Н. Кулешова, история появления медиации тесно связана с историей развития конфликтов, поскольку где возникают конфликты, там формируются и способы их разрешения [6, с. 75].

В. В. Денисенко отмечает, что одним из ключевых факторов, повлиявших на появление медиации как социального института в России, выступает юридикация, направленная на уменьшение различных конфликтов в обществе в связи с выполнением государством социальных функций. Закон здесь является средством предотвращения и разрешения юридических конфликтов [3, с. 9].

Пятый этап развития медиации связан с принятием Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «О медиации» [10], который впервые дал комплексное правовое определение медиации, определил ее принципы и порядок проведения. На современном этапе развития правового института медиации важную роль сыграли поправки 2019 года, ориентированные на унификацию в процессу-

альном законодательстве отдельных правовых норм, посвященных медиации. В частности, были введены ст. 138.4 АПК РФ [1], ст. 153.5 ГПК РФ [2] и ст. 137.5 КАС РФ [5], в соответствии с которыми стороны получили право напрямую урегулировать спор путем применения процедуры медиации, что способствовало более активному внедрению медиации в судебную практику.

Введенные нормы напрямую предоставили сторонам, участвующим в судебном процессе, право урегулировать спор путем применения процедуры медиации. Данные законодательные изменения означают переход от формального признания медиации к ее полноценной интеграции в судебную практику. Ранее, несмотря на существование закона о медиации, его применение в арбитражном, гражданском и административном процессах сталкивалось с определенными процессуальными барьерами и отсутствием четкого механизма перехода к медиации без останков судебного разбирательства. Введение указанных статей существенно упростило медиативный процесс, позволяя сторонам активно использовать примирительные процедуры на любой стадии до судебного разбирательства, что повышает самостоятельность сторон и их ответственность за исход спора.

Появление конкретных процессуальных статей, регулирующих медиацию, в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ напрямую транслирует идею альтернативного разрешения споров, стимулируя стороны к поиску взаимоприемлемых решений вне судебных инстанций или на параллельной основе. Это важно в нескольких отношениях. Во-первых, это способствует снижению нагрузки на суды, поскольку успешное применение медиации означает разрешение спора без вынесения судебного решения, что экономит время и ресурсы как судебной системы, так и самих участников процесса. Во-вторых, медиация, будучи добровольной и конфиденциальной процедурой, позволяет сторонам сохранить деловые отношения, найти более гибкие и удовлетворяющие их решения, чем те, которые могут быть навязаны судебным вердиктом. Указанные статьи предоставляют правовую основу приостановления производства по делу для проведения медиации, а также для фиксации достигнутых соглашений и придания им юридической силы, что делает медиативный инструмент более доступным, понятным и эффективным для широкого круга граждан и организаций. Как результат, введение данных норм является важным шагом к созданию более эффективной, справедливой и клиентоориентированной системы разрешения споров в Российской Федерации.

Таким образом, в развитии медиации в гражданском процессуальном праве Российской Федерации можно выделить пять ключевых этапов, начиная от архаичных форм примирения в первобытном обществе и у древних славян (через закрепление норм о примирении в средневековом праве) до адаптации концепции альтернативного разрешения споров и, наконец, заканчивая законодательным закреплением института медиации, а также его интеграцией в процессуальное законодательство. Особенностью

развития медиации в гражданском процессуальном праве Российской Федерации является ее долгий путь от обычая к законодательно закреплённому институту с периодами активного развития. Особенности развития медиации как социального института в России заключаются в тесной

связи с общественными потребностями в мирном разрешении конфликтов, постепенном преодолении скептицизма и формировании культуры добровольного урегулирования споров, что отражает более широкие тенденции в развитии российского общества.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ: в ред. от 01.01.2026 // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&date=24.07.2002&article=3012&sort=-date&page=1&limit=50&nd=38&volid=1002002030000>
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ: в ред. от 31.03.2026 // СЗ РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&date=14.11.2002&article=4532&sort=-date&page=1&limit=50&nd=103&volid=1002002046000>
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»: в ред. от 26.07.2019 // СЗ РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&date=27.07.2010&article=4162&sort=-date&page=1&limit=50&nd=8&volid=1002010031000>
4. Денисенко, В. В. Медиация и наказание: история и современность // Юридический вестник Самарского университета. — 2020. — Т. 6, № 2. — С. 7–12. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43674161>. — DOI 10.18287/2542-047X-2020-6-2-7-12. — EDN JMQUTB.
5. Казменкин, Е. С. История развития института медиации // Вестник Академии управления и производства. — 2025. — № 3. — С. 445–449. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82905212>. — EDN HJWIVL.
6. Кодекс административного судопроизводства РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ: в ред. от 11.02.2026 // СЗ РФ. — 2015. — № 10. — Ст. 1391. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&date=08.03.2015&article=1391&sort=-date&page=1&limit=50&nd=2&volid=1002015010000>
7. Кулешов, Г. Н. История возникновения института медиации // Частное и публичное право. Сборник научных трудов преподавателей и молодых ученых юридического факультета российского государственного социального университета. — Москва: Саратовский источник, 2019. — С. 75–81. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37140765>. — EDN VWYBSS.
8. Медведева, А. П. История возникновения и развития медиации в РФ и зарубежных странах // Инициативы молодых — науке и производству. Сборник статей VII-й всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и студентов. — Пенза: ПГАУ, 2024. — С. 694–697. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=69093109>. — EDN COMQII.
9. Пантелеева, А. В. История медиации как института отечественного процессуального права // Научный аспект. — 2024. — Т. 10, № 2. — С. 1165–1169. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=65312119>. — EDN PESIFN.
10. Торчкова, И. А. Медиация как альтернативный способ урегулирования споров: история возникновения и тенденции развития в современной России / И. А. Торчкова, Е. О. Ананьева // Аграрное и земельное право. — 2023. — № 10 (226). — С. 137–139. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54774794>. — DOI 10.47643/1815-1329_2023_10_137. — EDN URRKID.

Понятие и функции государственной пошлины в гражданском процессе

Мосеева Виктория Константиновна, студент магистратуры
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

Рассматривается и анализируется сущность института государственной пошлины в гражданском процессе через призму налогового законодательства. Представляются подходы к определению указанного понятия. Выявляется ряд основных функций исследуемого института, а также затрагиваются тенденции их развития в современном гражданском процессуальном законодательстве.

На сегодняшний день в гражданском процессуальном законодательстве отсутствует норма-дефиниция, определяющая сущностные характеристики государ-

ственной пошлины. Законодатель оперирует указанным термином лишь в контексте отнесения его к видам судебных расходов, которые несут лица в рамках граждан-

ского процесса. Так, в соответствии со ст. 88 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) «Судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела» [1]. По нашему мнению, законодатель намеренно оставляет гражданское процессуальное законодательство без дефиниции исследуемого института, оставляя раскрытие его сущности профилирующей отрасли права. В силу того, что государственная пошлина является инструментом материального обеспечения государственных и иных органов, а следовательно, ее уплата носит императивный характер, законодатель трактует ее в рамках подотрасли финансового права, а именно, в налоговом праве.

Так, в соответствии со ст. 333.16 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) «государственная пошлина — сбор, взимаемый с лиц, при их обращении в государственные органы, органы местного самоуправления, органы публичной власти федеральной территории «Сириус», иные органы и (или) к должностным лицам, которые уполномочены в соответствии с законодательными актами Российской Федерации, законодательными актами субъектов Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, представительного органа федеральной территории «Сириус», за совершением в отношении этих лиц юридически значимых действий» [2].

Как видится автору исследования, указанное определение качественно не характеризует исследуемый институт, а лишь дублирует положения п. 2 ст. 8 НК РФ, который определяет сущность сбора как обязательного взноса, взимаемого с организаций и физических лиц за совершение государственными и иными органами в отношении указанных лиц юридически значимых действий.

Позиция законодателя по данному вопросу является, по нашему мнению, дискуссионной. С одной стороны, мы согласны с тем, что государственную пошлину нельзя рассматривать в отрыве от родового понятия сбора. С другой стороны, иные виды сборов, предусмотренные налоговым законодательством, не имеют самостоятельной дефиниции. Таким образом, по мнению автора, законодатель подчеркивает, что данный вид сбора имеет характерные, присущие только данному институту, признаки. Как следствие, не ясно почему специфические признаки такого вида сбора не раскрыты в его легальной дефиниции.

По нашему мнению, существенные признаки и механизм функционирования государственной пошлины наиболее полно раскрываются в гражданском процессе, при отправлении правосудия. Наиболее емко определяет исследуемый институт в рамках гражданского процесса Т. В. Егорова: «государственная пошлина — сбор, взимаемый с лица при его обращении в суд в порядке и размерах, установленных налоговым законодательством, и являющийся обязательным условием для совершения судом действий, предусмотренных ГПК РФ, результатом совершения которых является выдача юридически значимого документа» [3]. Мы полностью согласны с ука-

занным определением, и считаем, что данное определение раскрывает не только сущность исследуемого явления, но и затрагивает механизм его функционирования.

Помимо прочего следует заметить, что в данном определении можно заключены цели, которые преследует реализация института государственной пошлины. Так, автор усматривает, что тезис о том, что граждане, организации обращаются в судебный орган по своей воле, добровольно уплачивают государственную пошлину, характеризует превентивную функцию государственной пошлины.

Помимо превентивной функции в доктрине выделяют также фискальную (компенсационную) и социальную функции государственной пошлины [4].

Фискальная (компенсационная) функция государственной пошлины заключается в аккумулировании соответствующими бюджетами средств, уплаченных гражданами, организациями за производство отдельного процессуального действия, например, принятия к производству суда искового заявления, принятия судом заявления о принятии мер по обеспечению иска. Данная функция обеспечивает поступление денежных средств, необходимых для обеспечения деятельности и функционирования системы судебных органов. Этот довод исходит из того, что осуществление правосудия предполагает затраты человеческого, технического и иного ресурса.

Фискальная функция присуща государственной пошлине в силу того, что она является экономическим инструментом финансового права, для которого фискальная функция является основополагающей в системе ее функций [5].

Превентивная функция исследуемого института исходит из того, что граждане, организации, обращаясь в судебный орган по собственной воле, уплачивают государственную пошлину за принятия заранее подготовленного и обоснованного искового заявления. Таким образом, указанная функция направлена на принятие к производству судов требований обоснованных, поскольку не будь гражданин, организация уверены в том, что их требования законны и обоснованы, исковое заявление не подавалось бы таковыми. Проявление социальной функции можно проследить на примере доплаты государственной пошлины при увеличении размера исковых требований. Так, пп. 10 п. 1 ст. 333.20 НК РФ устанавливает правила доплаты государственной пошлины при увеличении иска. Таким образом, готовность истца доплатить государственную пошлину может свидетельствовать о правомерности его намерений в судебном разбирательстве.

Помимо прочего, как справедливо отмечает В. В. Момотов: «государственная пошлина стимулирует потенциального ответчика добровольно исполнить требования истца» [6]. Не можем не согласиться с В. В. Момотовым, поскольку при признании иска, заключении мирового соглашения, добровольного удовлетворения исковых требований после подачи иска государственная пошлина может быть либо зачтена, либо возвращена, либо распределена

между сторонами пропорционально, тогда как в случае удовлетворения иска сторона, в пользу которой не состоялось решение, должна будет возместить размер государственной пошлины.

Социальная функция государственной пошлины направлена на реализацию конституционного положения о том, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [7]. Данный институт, в частности, закреплен ст. 90 ГПК РФ, которая определяет порядок освобождения от уплаты государственной пошлины, уменьшения ее размера, предоставления отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины. Таким образом, законодатель закрепляет несколько альтернативных форм, которые гарантируют возможность социально незащищенным слоям населения обратиться в судебный орган за защитой нарушенного права, установлением юридического факта.

На сегодняшний день, социальная функция государственной пошлины получила активное развитие. Государство постоянно расширяет перечень категорий граждан, которые освобождены от уплаты государственной пошлины при обращении в судебные органы. Так, в соответствии с последней редакцией ст. 333. 36 НК РФ от 28 ноября 2025 года освобождены от уплаты государственной пошлины, при подаче исковых заявлений по некоторым категориям дел особого производства, волонтеры, осуществляющие свою деятельность на территориях отдельных субъектов Российской Федерации.

Однако, развитие социальной функции государственной пошлины не препятствует развитию иных функций исследуемого явления. Параллельное развитие

указанных функций свидетельствует о всестороннем развитии исследуемого института.

Так, автору видится невозможным не упомянуть о научной дискуссии, которую вызвали изменения, внесенные Федеральным законом от 08 августа 2024 года № 259-ФЗ в статьи 333.19–333.21 НК РФ в части увеличения размеров государственных пошлин по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, арбитражными судами и мировыми судьями [8].

Ряд исследователей характеризовали указанные изменения негативно. По их мнению, для совершенствования фискальной природы пошлин и развития регулирующего начала в деятельности судов необходимо изменить структуру налоговых доходов бюджетов. Одновременно с этим исследователи связывали указанные изменения с ограничением доступа к правосудию [9]. В отличных же исследованиях повышение государственной пошлины рассматривалось как закономерное экономическое и социальное развитие, возможность снизить нагрузку на судебную систему [10]. Мы полностью разделяем последнюю точку зрения, и считаем, что оценить эффект соответствующих законодательных изменений возможно будет лишь спустя продолжительное время.

Таким образом, наше исследование позволило определить существенные признаки и характерные черты государственной пошлины в рамках гражданского процесса. Помимо прочего, были рассмотрены основные функции государственной пошлины, а также процесс поступательного развития указанных функций.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2000. — № 32. — Ст. 3340
3. Егорова Т. В. Место государственной пошлины в системе налогов и сборов Российской Федерации // Вестник ТГУ. 2010. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-gosudarstvennoy-poshliny-v-sisteme-nalogov-i-sborov-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 11.12.2025).
4. Авдонин, В. Д. Понятие и функции государственной пошлины в гражданском и арбитражном процессе / В. Д. Авдонин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 41 (488). — С. 138–140. — URL: <https://moluch.ru/archive/488/106680> (дата обращения: 11.12.2025)
5. Балахничева М. М., Саврадым В. М. Концептуальные основы структурирования фискальной системы государства // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4. Ч. 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/52080> (дата обращения: 11.12.2025).
6. Момотов В. В. Экономический анализ института судебных расходов как фактора эффективности правосудия // Правоведение. 2024. Т.68, № 3. С.319–331. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2024.301>
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
8. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» от 08.08.2024 N 259-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2024. — № 33. — Ст. 4955
9. Мазеин А. В., Белов Д. Я., Вильданова Д. А. Проблемы реализации фискальной и регулирующей функции государственных пошлин по делам, рассматриваемым судами, в контексте повышения их размеров // Право и государ-

ство: теория и практика. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-realizatsii-fiskalnoy-i-reguliruyushey-funktsii-gosudarstvennyh-poshlin-po-delam-rassmatrivaemym-sudami-v-kontekste> (дата обращения: 11.12.2025).

10. Журавлева М. Д. Увеличение государственной пошлины: экономическая необходимость или механизм регулирования нагрузки судебной деятельности? // Социальные нормы и практики. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uvelichenie-gosudarstvennoy-poshliny-ekonomicheskaya-neobhodimost-ili-mehanizm-regulirovaniya-nagruzki-sudebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 11.12.2025).

Эволюция системы государственного учета недвижимости в дореволюционной России

Мурашова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье проводится анализ эволюции системы государственного учета недвижимости в дореволюционной России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания исторических корней современной системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Рассматриваются этапы становления учетной системы: от писцовых описаний и вотчинных книг XV–XVII веков через петровские реформы и межевую систему XVIII века до вотчинно-крепостного порядка и создания системы нотариальных архивов в XIX — начале XX века. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации историко-правового материала и выявлении логики развития государственного учета недвижимости как института, отражающего экономические и политические потребности государства. По результатам исследования определены основные тенденции эволюции: переход от фискально-податного учета к правоустанавливающей регистрации, усиление публично-правового начала и постепенная формализация процедур. Практические выводы можно использовать при анализе современных проблем регистрации прав и разработке предложений по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: государственная регистрация прав, недвижимое имущество, писцовые книги, вотчинные книги, межевание, крепостной порядок.

The evolution of the state real estate accounting system in prerevolutionary Russia

The article analyzes the evolution of the state real estate accounting system in pre-revolutionary Russia. The relevance of the research is due to the need to understand the historical roots of the modern system of state registration of rights to real estate. The stages of the formation of the accounting system are considered: from scribe descriptions and patrimonial books of the XV–XVII centuries through Peter's reforms and the boundary system of the XVIII century to the patrimonial-serf order and the creation of a system of notarial archives in the XIX — early XX century. The theoretical significance of the work lies in the systematization of historical and legal material and in identifying the logic behind the development of state real estate registration as an institution reflecting the economic and political needs of the state. Based on the research results, the main trends in evolution have been identified: the transition from fiscal and tax accounting to the registration of rights, the strengthening of the publiclaw component, and the gradual formalization of procedures. The practical conclusions can be used in analyzing current problems related to the registration of rights and in developing proposals for improving legislation.

Keywords: state registration of rights, real estate, cadastral books, patrimonial books, land surveying, serfdom system.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что реформирование системы регистрации прав на недвижимость, активно происходящее в последние десятилетия, требует учета исторического опыта. Многие проблемы, с которыми сталкивается современный законодатель, решались в дореволюционной России — вопросы соотношения публично-правового и частноправового начал,

определение оптимальной степени формализации процедур, обеспечение достоверности сведений.

Целью статьи является анализ эволюции системы государственного учета недвижимости в дореволюционной России, выявление ключевых этапов и тенденций ее развития.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: выявить и охарактеризовать основные исторические этапы становления системы учета недви-

жимости; определить основные тенденции эволюции института и их значение для понимания современной системы регистрации.

1. Основные этапы эволюции системы государственного учета недвижимости

Эволюция системы государственного учета недвижимости в дореволюционной России представляет собой длительный процесс, отражающий последовательное усложнение экономических отношений и совершенствование государственного аппарата. Этот процесс прошел несколько качественно различных этапов, каждый из которых характеризовался специфическими формами фиксации прав и механизмами подтверждения законности владения землей и иными объектами недвижимости.

Первоначальный этап становления учетной системы относится к периоду XV–XVII веков и связан с формированием централизованного Московского государства. «Основной формой учета в этот период становятся писцовые и переписные книги, которые выполняли преимущественно фискально-податные функции» [1, с. 122]. Писцовые описания земель, проводившиеся специальными комиссиями, фиксировали состав земельных угодий, их принадлежность и размеры.

Параллельно с писцовым учетом развивались вотчинные книги и иные актовые документы, в которых фиксировались сделки с землей и права на нее. Однако разрозненность этих форм учета, отсутствие единой системы и слабость государственного контроля создавали благоприятную почву для злоупотреблений и земельных споров. Как отмечают А. В. Зуев, М. П. Бородин, С. Н. Рубцов, В. А. Беседина, «в этот период предпринимались попытки упорядочить учет и создать более надежные механизмы подтверждения прав» [4, с. 248].

Качественный сдвиг в развитии системы учета происходит в эпоху петровских реформ и последующего периода. Указ о единонаследии 1714 года и последующие законодательные акты заложили основы единого правового режима недвижимости, унифицировав понятие «вотчины» и «поместья» в категорию «недвижимое имение». Введение подушной подати потребовало проведения ревизий, которые обеспечивали определенную систематизацию сведений о населении и имуществе.

Важным этапом в истории рассматриваемого института стало развитие межевой системы в XVIII–XIX веках. Генеральное межевание было призвано установить точные границы земельных владений и закрепить их юридически. В ходе межевания создавались межевые книги и планы, фиксировавшие результаты разграничения земель. Специальные межевые конторы и землемеры осуществляли техническую работу, а государство контролировало процесс установления границ. «Межевая система решала преимущественно задачу пространственного определения объектов» [3, с. 187].

Особый этап в развитии учетной системы связан с существованием вотчинно-крепостного порядка, который господствовал в XVIII — первой половине XIX века. В этот период основным способом фиксации прав на недвижимость становится совершение крепостных актов, которые составлялись в присутственных местах — палатах гражданского суда и уездных судах. Крепостной порядок предполагал обязательное участие государственных органов в оформлении сделок с недвижимостью. Однако процедура была крайне бюрократизированной, требовала значительных временных и материальных затрат.

Крепостной порядок не обеспечивал надлежащей систематизации сведений о правах на недвижимость. Как отмечает Н. Г. Мигушева, «к середине XIX века стала очевидной необходимость реформирования системы укрепления прав на недвижимость» [5, с. 40].

Вторая половина XIX века ознаменовалась судебной реформой 1864 года и последующими преобразованиями, которые затронули и сферу учета недвижимости. Произошло учреждение института нотариата, создание нотариальных архивов, в которых концентрировались документы о сделках с недвижимостью.

Развитие системы учета недвижимости в конце XIX — начале XX века продолжилось в направлении усиления публично-правового начала и унификации процедур. Проекты создания единой системы регистрации прав на недвижимость, обсуждавшиеся в этот период, предусматривали создание вотчинных книг, в которых должны были фиксироваться все права на земельные участки и иные объекты недвижимости. Идея вотчинной системы, заимствованная из германского права, предполагала, что запись в вотчинной книге приобретает правообразующее значение, а сама книга становится основным доказательством наличия и содержания прав. Однако реализация этих проектов была прервана революционными событиями 1917 года.

2. Тенденции эволюции системы государственного учета недвижимости

Эволюцию системы государственного учета недвижимости в дореволюционной России позволяют характеризовать несколько тенденций:

Первая тенденция состоит в постепенном переходе от фискально-податного учета к правоустанавливающей регистрации. На ранних этапах существования учетной системы, в XV–XVII веках, основной целью составления писцовых и переписных книг было обеспечение сбора налогов и распределения повинностей. По мере развития гражданского оборота и укрепления института частной собственности акцент постепенно смещался в сторону фиксации прав и обеспечения их защиты» [2, с. 83]. К началу XX века идея создания системы, в которой запись о праве приобретает правообразующее значение, получила широкое признание и была близка к реализации в проектах вотчинной реформы.

Вторая тенденция заключается в усилении публично-правового начала в регулировании отношений, связанных с недвижимостью. Государство на протяжении рассматриваемого периода последовательно усиливало контроль над оборотом недвижимости и фиксацией прав на нее. Введение крепостного порядка, создание межевой системы, учреждение нотариата предполагали активное участие государственных органов в оформлении и подтверждении прав на недвижимость. Публично-правовое начало проявлялось в установлении обязательных процедур и создании системы органов, ответственных за ведение учетной документации.

Третья тенденция связана с постепенной формализацией и усложнением процедур. На ранних этапах учет велся в достаточно простых формах — записи в книгах, составление актов. Со временем процедуры становились детализированными и формализованными. «Развитие законодательства о недвижимости сопровождалось установлением строгих требований к форме сделок, порядку их совершения и регистрации» [6, с. 104].

Четвертая тенденция отражает поиск баланса между публично-правовыми и частноправовыми интересами. На протяжении всей истории рассматриваемого института государство стремилось обеспечить, с одной стороны, эффективный контроль над оборотом недвижимости в фискальных и политических целях, а с другой — создать условия для нормального функционирования гражданского оборота и защиты прав собственников. «Соотношение этих начал менялось на разных этапах: в периоды реформ акцент смещался в сторону частноправовых интересов, в периоды консервации — в сторону публичного контроля» [7, с. 21]. К началу XX века в проектах реформы регистрации прав на недвижимость отчетливо проявлялось стремление к достижению сбалансированной модели.

Пятая тенденция заключается в институциональном развитии и специализации органов, осуществляющих

учет недвижимости. От разрозненных комиссий и приказов, занимавшихся писцовыми описаниями, через систему крепостных учреждений и межевых контор к нотариату и проектам специализированных регистрационных органов — прослеживается четкая линия на создание институтов, обладающих специальной компетенцией в сфере учета недвижимости.

Вывод

Система государственного учета недвижимости прошла длительный путь развития от примитивных фискальных описаний XV–XVII веков до сложных проектов вотчинной реформы начала XX века. Каждый этап эволюции отражал потребности экономического и политического развития страны и сопровождался совершенствованием правовых механизмов и институциональных форм. Основные тенденции этого процесса — переход от фискального учета к правоустанавливающей регистрации, усиление публично-правового начала, формализация процедур и институциональное развитие — определили общую логику эволюции института.

К началу XX века российская система учета недвижимости вплотную подошла к созданию единой публичной системы регистрации прав, основанной на вотчинном принципе. Проекты реформы, разрабатывавшиеся в этот период, предусматривали создание вотчинных книг, в которых фиксировались бы все права на земельные участки, а запись приобретала бы правообразующее значение. Однако реализация этих проектов не была завершена в связи с революционными событиями 1917 года. Прерванная линия развития была в определенной степени возобновлена лишь в конце XX века в современной реформе системы государственной регистрации прав на недвижимость.

Литература:

1. Блинова М. А. Становление и развитие государственной регистрации прав на недвижимое имущество в дореволюционной России // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 3. С. 119–128.
2. Борисенок О. С. Становление и развитие института государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2026. № 2 (155). С. 80–86.
3. Жолобов И. Ю. Тенденции развития законодательства о государственном кадастровом учете и регистрации прав на недвижимость // Цифровые технологии в управлении земельными ресурсами и недвижимостью: современные инструменты и региональные модели. Москва, 2026. С. 183–190.
4. Зуев А. В., Бородин М. П., Рубцов С. Н., Беседина В. А. Становление и развитие системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в России // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 9–1. С. 242–251.
5. Мигушева Н. Г. Орган государственной регистрации недвижимости: ретроспектива и современность // Вестник магистратуры. 2022. № 8 (131). С. 39–41.
6. Пустовалова И. Н., Баркина Д. Д. Социальная значимость государственной регистрации недвижимости // Развитие науки и технологий в современной России (шифр — ВКРН). Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 102–107.
7. Харченко А. В. Становление и современное развитие института государственной регистрации прав на недвижимость в России // Хозяйство и право. 2022. № 6 (545). С. 19–27.

Доктринальные подходы к пониманию правовой природы государственной регистрации недвижимости

Мурашова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Настоящая статья носит теоретический (доктринальный) характер. В ней рассматривается роль государственного регистратора в системе защиты прав на недвижимое имущество. Актуальность исследования обусловлена значением регистрационной системы как фактора стабильности гражданского оборота недвижимости и теоретическим интересом к соотношению публично-правовых функций регистратора и интересов правообладателей. Анализируются правоустанавливающая и правозащитная функции регистрационной системы, а также их связь со статусом и ответственностью государственного регистратора. Рассматриваются теоретические аспекты деятельности регистратора, включая основания для приостановления и отказа в государственной регистрации, вопросы юридической ответственности, в том числе при использовании цифровых помощников. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации научных подходов к пониманию роли регистратора и выявлении доктринальных тенденций развития института. По результатам исследования сформулированы выводы о содержании правоустанавливающей и правозащитной функций регистрационной системы, о доктринальных подходах к ответственности регистратора и о теоретических аспектах цифровизации регистрационных процедур.

Ключевые слова: государственный регистратор, регистрация прав на недвижимость, защита прав, приостановление регистрации, отказ в регистрации, юридическая ответственность, цифровизация, досудебное обжалование.

Doctrinal approaches to understanding the legal nature of state registration of real estate

This article is of a theoretical (doctrinal) nature. It examines the role of the state registrar in the system of protection of rights to real estate. The relevance of the study is due to the significance of the registration system as a factor of stability of civil real estate turnover and theoretical interest in the correlation between the public law functions of the registrar and the interests of property rights holders. The law establishing and law protection functions of the registration system are analysed, as well as their connection with the status and responsibility of the state registrar. The theoretical aspects of the registrar's activities are examined, including the grounds for suspending and refusing state registration, as well as issues of legal liability, including when using digital assistants. The theoretical significance of the work lies in systematizing scientific approaches to understanding the role of the registrar and identifying doctrinal trends in the development of the institution. Based on the research results, conclusions are formulated regarding the content of the law-establishing and law-protection functions of the registration system, doctrinal approaches to the registrar's liability, and theoretical aspects of the digitalization of registration procedures.

Keywords: state registrar, registration of real estate rights, protection of rights, suspension of registration, refusal to register, legal liability, digitalization, pre-trial appeal.

Введение

Актуальность исследования роли государственного регистратора обусловлена несколькими факторами. Во-первых, регистрационная система занимает центральное место в механизме регистрации недвижимости. Во-вторых, внедрение автоматизированных систем и цифровых помощников ставит теоретические вопросы о пределах автоматизации и сохранении человеческого контроля в процессе принятия юридически значимых решений. В-третьих, сохраняются теоретические дискуссии о природе ответственности регистратора перед правообладателями и участниками оборота, а также о критериях оценки законности его действий.

Целью статьи является анализ роли государственного регистратора в системе защиты прав на недвижимое имущество, выявление теоретических аспектов деятельности и определение доктринальных подходов к институту.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: проанализировать функции регистрационной системы и место регистратора в их реализации; рассмотреть доктринальные вопросы деятельности регистратора, связанные с приостановлением и отказом в регистрации; систематизировать теоретические подходы к институту государственного регистратора.

1. Функции регистрационной системы и роль государственного регистратора

Понимание роли государственного регистратора невозможно без анализа функций, которые выполняет регистрационная система. В доктрине выделяются две основные функции регистрации прав на недвижимость: правоустанавливающая и правозащитная. М. Б. Жужалов анализирует содержание этих функций и их след-

ствия для понимания природы регистрационной деятельности [4, с. 129].

Правоустанавливающая функция заключается в том, что акт государственной регистрации является юридическим фактом, с которым закон связывает возникновение, изменение или прекращение прав на недвижимое имущество. Согласно п. 2 ст. 8.1 и ст. 131 ГК РФ, а также ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон № 218-ФЗ), право собственности и другие вещные права на недвижимость возникают с момента государственной регистрации, если иное не установлено законом.

Правозащитная функция регистрационной системы состоит в обеспечении защиты прав и законных интересов правообладателей и участников гражданского оборота. В литературе публичная достоверность сведений Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) рассматривается как фактор, способствующий укреплению доверия к зарегистрированным правам (ст. 8.1 ГК РФ). Регистрационная система также обеспечивает возможность проверки правовой чистоты объекта недвижимости перед совершением сделки.

Государственный регистратор является центральной фигурой, через деятельность которой реализуются обе функции регистрационной системы. Именно регистратор проводит правовую экспертизу документов, представленных для регистрации, проверяет их соответствие требованиям законодательства, устанавливает наличие или отсутствие оснований для приостановления или отказа в регистрации.

Правовая экспертиза, которую проводит регистратор, предполагает оценку юридической силы документов, проверку наличия необходимых согласий и разрешений, выявление возможных противоречий и обременений. Регистратор действует в условиях правовой неопределенности, когда представленные документы могут не в полной мере соответствовать требованиям закона или содержать признаки недостоверности [5, с. 22].

Правоустанавливающая функция предполагает, что регистратор наделен достаточно широкими полномочиями по оценке законности сделки. Правозащитная функция требует, чтобы регистратор обеспечивал необходимый уровень защиты прав правообладателей. Соотношение этих функций рассматривается в доктрине как одна из теоретических основ института государственной регистрации.

2. Доктринальные аспекты деятельности государственного регистратора

Деятельность государственного регистратора сопряжена с рядом доктринальных аспектов, которые требуют внимательного анализа. Одним из наиболее значимых является теоретический вопрос оснований и порядка приостановления государственной регистрации. В соответствии со ст. 26 Закона № 218-ФЗ решение о приостановлении

принимается регистратором при возникновении обоснованных сомнений в законности сделки или подлинности документов, а также при необходимости получения дополнительных сведений от заявителя или иных органов.

Ю. И. Абукина анализирует досудебный порядок обжалования решения о приостановлении государственной регистрации [1]. В доктрине рассматривается дискуссионность отдельных формулировок закона, что создает теоретическую предпосылку для расширительного толкования полномочий регистратора. В теоретических работах исследуется, что в отдельных случаях это приводит к возникновению издержек заявителей, связанных с обжалованием решений и ожиданием завершения процедуры.

Основания для отказа в государственной регистрации предусмотрены ст. 27 Закона № 218-ФЗ. Е. В. Лебедев и М. И. Сулейманова исследуют основания для отказа и проблемы, возникающие в правоприменительной практике [5; 6]. Отказ в регистрации влечет серьезные последствия для заявителя. Вопрос о законности отказа в доктрине не всегда является однозначным, а возможности его обжалования имеют свои особенности. Авторы анализируют основания для отказа и подходы к ответственности регистратора за принятие необоснованных решений.

Правовая экспертиза, которую проводит регистратор, предполагает оценку документов на предмет их соответствия закону, однако во многих случаях эта оценка не может быть формализована и требует профессионального суждения. Регистратор должен решить, является ли представленное доказательство достаточным, нет ли признаков подделки или обмана, соответствует ли сделка требованиям добросовестности. В условиях неопределенности в доктрине выделяется теоретический риск ошибок, которые могут иметь серьезные последствия для заявителей и регистратора.

Цифровизация регистрационных процедур, с одной стороны, способствует повышению эффективности и снижению издержек, а с другой — ставит новые теоретические вопросы. Ю. О. Большакова обращает внимание на то, что технологическая оболочка может создавать иллюзию защищенности [2]. Автоматизация процессов не устраняет необходимости правовой экспертизы, но меняет ее характер и условия проведения.

Н. А. Грицик анализирует особенности юридической ответственности государственного регистратора при использовании цифрового помощника ЕВА [3]. Автор поднимает вопрос о том, кто несет ответственность за ошибки, допущенные автоматизированной системой: регистратор, разработчик системы или орган регистрации в целом. Ответ на этот вопрос имеет теоретическое и практическое значение, потому что определяет механизмы защиты прав лиц, пострадавших от неправомерных действий. В доктрине отмечается дискуссионность регламентации ответственности за ошибки цифровых помощников.

3. Теоретические подходы к институту государственного регистратора

В доктрине сформировались различные теоретические подходы к институту государственного регистратора. Рассмотрим основные из них.

Первый подход связан с анализом определенности правового регулирования деятельности регистратора. В этом подходе исследуются основания для приостановления и отказа в регистрации, а также теоретические модели их нормативного закрепления. Формулировки закона рассматриваются в доктрине как фактор, влияющий на определенность требований, предъявляемых к документам.

Второй подход предполагает анализ механизмов досудебного обжалования решений регистратора. Ю. И. Абукина исследует досудебный порядок обжалования [1]. В доктрине анализируются процедуры, позволяющие заявителям оспаривать решения о приостановлении и отказе. Рассматриваются апелляционные комиссии, действующие в соответствии со ст. 26.1 Закона № 218-ФЗ.

Третий подход касается теоретических аспектов ответственности регистратора. Н. А. Грицик анализирует дифференциацию ответственности в зависимости от того, действовал ли регистратор добросовестно и соответствовала ли используемая система установленным требованиям [3, с. 11]. В доктрине исследуются гарантии возмещения вреда, причиненного неправомерными действиями. Соответствующие механизмы закреплены в ст. 66–68 Закона № 218-ФЗ и ст. 1069 ГК РФ.

Четвертый подход связан с анализом цифровых технологий и человеческого контроля. В доктрине рассматриваются риски, связанные с технологической оболочкой

[2, с. 23]. Исследуется вопрос о том, чтобы регистратор сохранял возможность содержательной проверки документов и принятия обоснованных решений, а цифровые помощники использовались как вспомогательное средство.

Пятый подход предполагает анализ прозрачности деятельности регистратора. В доктрине рассматривается доступ заявителей к информации о ходе рассмотрения их документов, основаниях для приостановления или отказа, а также о возможностях обжалования. Прозрачность анализируется как фактор, влияющий на доверие к регистрационной системе и на отношения между регистратором и участниками оборота.

Вывод

Регистратор при реализации деятельности реализует правозащитная и правоустанавливающая функции. От качества его работы зависит стабильность гражданского оборота недвижимости и защищенность прав правообладателей. В доктрине рассматриваются вопросы приостановления и отказа в регистрации, пределов усмотрения регистратора, ответственности за неправомерные действия, использования цифровых методов.

Основные теоретические подходы к институту государственного регистратора включают: анализ определенности правового регулирования, анализ механизмов досудебного обжалования, анализ оснований и пределов ответственности, анализ цифровых технологий и человеческого контроля, анализ прозрачности деятельности. Указанные подходы отражают доктринальные тенденции развития института государственной регистрации.

Литература:

1. Абукина Ю. И. Досудебный порядок обжалования решения о приостановлении госрегистрации прав и кадастрового учета // Правовая реформа. 2024. № 2. С. 7–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=66274566> (дата обращения: 09.10.2026).
2. Большакова Ю. О. The digital veil госрегистрации прав на недвижимое имущество // Актуальные исследования. 2024. № 13–2 (195). С. 20–24.
3. Грицик Н. А. Особенности юридической ответственности государственного регистратора прав при использовании цифрового помощника ЕВА // Проблемы государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на недвижимое имущество: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 6–13.
4. Жужалов М. Б. Две функции регистрационной системы и их следствия // Правоведение. 2022. Т. 66. № 2. С. 127–144.
5. Лебедь Е. В. Отказ в государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: проблемы теории и практики // Проблемы государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Иркутск, 2025. С. 20–26.
6. Сулейманова М. И. Отказ от государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: проблемы теории и практики // Закон и право. 2024. № 7. С. 138–141.

Смягчение наказания по уголовному праву России

Никифорова Ксения Сергеевна, студент магистратуры
Северо-Западный институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета (г. Мурманск)

В статье исследуется институт смягчения наказания как ключевой механизм реализации принципов гуманизма, справедливости и индивидуализации уголовной ответственности. Данная статья посвящена комплексному анализу института смягчения наказания в российском уголовном праве. В центре внимания — правовые основания, механизмы реализации и актуальные проблемы применения норм, регулирующих снижение строгости уголовного наказания.

Ключевые слова: смягчающие обстоятельства, личность виновного, стечение обстоятельств, явка с повинной, справедливость наказания.

Mitigation of punishment under Russian criminal law

Nikiforova Kseniya Sergeevna, master's degree student
Northwestern Institute (branch) of Moscow University for the Humanities and Economics (Murmansk)

This article examines the institution of leniency as a key mechanism for implementing the principles of humanism, justice, and individualization of criminal liability. This article provides a comprehensive analysis of the institution of leniency in Russian criminal law. It focuses on the legal basis, implementation mechanisms, and current issues in the application of regulations governing the mitigation of criminal penalties.

Keywords: mitigating circumstances, the identity of the perpetrator, the processing of circumstances, self-incrimination, the fairness of punishment.

Институт смягчения уголовного наказания представляет собой важнейший механизм реализации принципов гуманизма, справедливости и индивидуализации ответственности в уголовном праве. Его предназначение — обеспечить баланс между необходимостью карательного воздействия и учётом конкретных обстоятельств дела.

Представляется, что наиболее важное значение смягчающие обстоятельства имеют для индивидуализации наказания, поскольку применяются, в отличие от конструктивных признаков привилегированных составов преступлений, не только в случае прямого указания уголовного закона на наличие таковых в статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), но и в случаях возникновения таких обстоятельств как во время совершения преступления, так и после его совершения. По этой причине в данном учебном пособии будут проанализированы обстоятельства, смягчающие наказание, и особенности их применения в уголовном праве России.

Наказание является одной из форм реализации уголовной ответственности. По этой причине его назначение представляет собой важный этап реализации уголовной ответственности. На современном этапе развития общества уголовное наказание остается одним из необходимых институтов уголовного права, действенным средством правового реагирования в отношении лиц, совершивших преступления. С учетом продолжающейся в нашей стране в течение длительного времени гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики особое значение судами при вынесении приговоров при-

дается установлению признаков обстоятельств, смягчающих наказание, и применению этих обстоятельств.

Перечисленные в ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельства признаются смягчающими в силу прямого указания закона. Наличие смягчающих обстоятельств, не влияя на квалификацию деяния, снижают степень общественной опасности преступления и личности виновного и дают основание суду назначить менее строгое наказание. Смягчение наказания может происходить в рамках одного вида наказания или же в избрании другого, более мягкого вида наказания при альтернативной санкции закона.

В определенных случаях смягчающие наказание обстоятельства могут явиться основанием для назначения более мягкого наказания, чем это предусмотрено законом, на основании ст. 64 УК РФ либо условного осуждения на основании ст. 73 УК РФ.

Смягчающие обстоятельства не автоматически учитываются судом и отражаются в приговоре, а должны уставляться в судебном заседании и признаваться таковыми в суде и только после исследования в судебном заседании всех доказательств в совокупности. Поэтому даже в тех случаях, когда то, или иное обстоятельство указано в соответствующем перечне, оно может быть и не признано смягчающим с учетом обстоятельств дела и основанием решения в приговоре [4].

Например, по вступившему в законную силу приговору Приволжского окружного военного суда от 13 июня 2018 г. У. осужден по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ и приговорен к лишению свободы на срок 5 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима за приготовление к участию на территории иностран-

ного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного, приговор изменила, смягчила назначенное У. наказание до 4 лет 10 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, приведя в обоснование следующие доводы. Как усматривается из материалов дела, в судебном заседании осужденный У. свою вину в совершении инкриминируемого ему деяния признал полностью и дал показания, положенные судом в основу приговора, которые в совокупности с иными доказательствами послужили основанием для вывода о виновности У. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ. При назначении наказания У. в виде лишения свободы окружной военный суд указал, что учитывает положительные данные, характеризующие личность У., молодой возраст осужденного, влияние назначенного наказания на его исправление и условия жизни семьи. Также в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ суд признал обстоятельством, смягчающим наказание У., его активное способствование раскрытию и расследованию преступления, в связи с чем пришел к выводу о необходимости применения положений ч. 2 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ.

Вместе с тем, не найдя оснований для применения к У. положений ч. 6 ст. 15, ст. 64 и ст. 73 УК РФ и не установив отягчающих наказание обстоятельств, суд назначил наказание У. в виде лишения свободы на срок 5 лет в исправительной колонии строгого режима. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств максимальный срок наиболее строгого вида наказания, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 208 УК РФ, составляет 5 лет лишения свободы. Следовательно, при наличии смягчающих наказание обстоятельств, положительных данных о личности и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств суд назначил осужденному У. за совершенное им преступление максимальное наказание. Данное обстоятельство свидетельствует о фактическом оставлении судом без учета положительных данных о личности У. и занятой им позиции по делу, в связи с чем назначенное ему наказание по своему размеру является несправедливым вследствие чрезмерной суровости [5].

По нашему мнению, не все обстоятельства, смягчающие наказание, перечисленные в ч. 1 ст. 61 УК РФ, относятся к характеристике преступного деяния или личности виновного. Такие смягчающие наказание обстоятельства, как явка с повинной; активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления; оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления; добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате

преступления, иные действия, направленные на загладивание вреда, причиненного потерпевшему, не относятся, по нашему мнению, ни к совершенному деянию, поскольку возникают после совершения преступления, ни к личности виновного, поскольку для законодателя, в соответствии со ст. 61 УК РФ, не имеют значения мотивы совершения таких действий. Например, виновный может оказать активное способствование розыску имущества, добытого в результате преступления, осознавая бесперспективность противодействия правоохранительным органам и стремясь к смягчению наказания для себя. Представляется, что смягчающие наказание обстоятельства, предусмотренные ст. 61 УК РФ, следует разделить на группы, характеризующиеся различными условиями отнесения обстоятельств к смягчающим.

1. Обстоятельства, смягчающие наказание, связанные с личностью виновного:

- несовершеннолетие виновного (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- беременность (п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- наличие малолетних детей у виновного (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления по мотиву сострадания (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

2. Обстоятельства, смягчающие наказание, связанные с характеристикой совершенного деяния:

- совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления в результате физического принуждения (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления в результате психического принуждения (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления в силу материальной зависимости (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления в силу служебной зависимости (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления в силу иной зависимости (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления при нарушении условий правомерности задержания лица, совершившего преступление (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления при нарушении условий правомерности крайней необходимости (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления при нарушении условий правомерности обоснованного риска (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ);
- совершение преступления при нарушении условий правомерности исполнения приказа или распоряжения (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

— противоправность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

— аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

3. Обстоятельства, смягчающие наказание, связанные с возмещением или иным заглаживанием вреда, причиненного потерпевшему:

— оказание медицинской помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

— оказание иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

— добровольное возмещение имущественного ущерба, причиненного в результате преступления (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

— добровольное возмещение морального вреда, причиненного в результате преступления (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

— иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

4. Обстоятельства, смягчающие наказание, связанные с деятельностью виновного по оказанию содействия в достижении задач правосудия:

— явка с повинной (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

— активное способствование раскрытию и расследованию преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

— активное способствование изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ);

— активное способствование розыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) [1].

Наличие малолетних детей у виновного (п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ) признается еще одним обстоятельством, смягчающим наказание, как в отношении женщины, так и в отношении мужчины. Малолетним признается ребенок, не достигший четырнадцатилетнего возраста. Само по себе наличие малолетнего ребенка у виновного может учитываться только на момент назначения наказания. В то же время наличие малолетнего ребенка у женщины в период отбывания ею наказания может являться обстоятельством, предоставляющим отсрочку исполнения наказания.

Это смягчающее обстоятельство конкретизирует положение в ст. 60 УК РФ, об учете влияния наказания на условия жизни семьи осужденного.

Пленум Верховного суда РФ в постановлении от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания», дает нам следующее разъяснение: «Наличие малолетних детей у виновного не может рассцениваться как смягчающее обстоятельство, если осужденный совершил преступление в отношении своего ребенка, либо лишен родительских прав» Это означает то, что факт наличия малолетнего ребёнка не может быть квалифицирован в качестве смягчающего обстоятельства при совершении преступления, если диспозиция уголовно наказуемого деяния непосредственно затрагивает права и законные интересы этого ребёнка как потерпевшего [3].

Отметим, что назначение наказания является одной из важнейших стадий судебного процесса. Суд, вынося обвинительный приговор, должен избрать конкретную меру уголовно-правового воздействия в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления.

Справедливо назначенное наказание способствует достижению целей наказания, обеспечивает эффективное исправление осужденного и оказывает предупредительное воздействие на иных лиц, склонных к совершению преступлений. Пока наказание остается одним из наиболее важных средств в борьбе с преступностью, оно должно применяться разумно и в тех пределах, в каких это необходимо для выполнения его задач и целей. Назначение судом чрезвычайно мягкой меры наказания снижает общее и частно-предупредительное воздействие этой меры, так как порождает у виновного чувство безответственности, сознание возможности искупления небольшими страданиями вины даже при совершении им тяжкого или особо тяжкого преступления [2].

В то же время чрезмерно суровая мера наказания воспринимается виновным как несправедливая, вызывает чувство протеста, недоверие к органам и лицам, исполняющим наказания.

Все это в совокупности во многом зависит от тех правил назначения наказания, которые сформулированы в действующем уголовном законодательстве, а также от точности и обоснованности их практической реализации.

Литература:

1. Барышева К. А. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. А. Барышева, Ю. В. Грачёва, Г. А. Есаков, А. К. Князькина, А. Н. Лясколо, С. А. Маркунцов, В. В. Палий, А. А. Энгельгардт. — Москва : Проспект, 2019. — 752 с. — Текст : электронный.
2. Зарубин А. В. Смягчающие обстоятельства в уголовном праве России : учебное пособие. — СанктПетербург : СанктПетербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. — 83, [1] с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 года № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (с изменениями, внесёнными постановлениями Пленума от 3 апреля 2008 года № 5, от 29 октября 2009 года № 21, от 2 апреля 2013 года № 6 и от 3 декабря 2013 года № 33).

4. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : [Текст] : федер. закон : [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.] // Собр. законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) [Определение № 223УД216] ; утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 ноября 2021 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. — URL: <https://vsrf.ru/>

Искусственный интеллект как особый технологический объект правового регулирования в системе российского образования

Пискун Оксана Ивановна, студент магистратуры

Научный руководитель: Паршина Виктория Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Херсонский технический университет (г. Генгическ)

В статье рассматривается вопрос об определении искусственного интеллекта как особого технологического объекта правового регулирования в системе российского образования. На основе анализа российского законодательства, документов стратегического планирования, национальных стандартов и современной научной литературы выявлено несоответствие между фактическим распространением технологий искусственного интеллекта в образовательной деятельности и степенью их специальной правовой индивидуализации в отраслевом законодательстве.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образование, образовательные отношения, образовательное право, цифровизация образования, правовое регулирование, генеративный искусственный интеллект, средства обучения, образовательные технологии, нормативная асимметрия, правовая индивидуализация.

Введение

Искусственный интеллект становится одним из значимых факторов цифровой трансформации образования. Если первоначально цифровизация образования была преимущественно связана с переводом информации в электронную форму, развитием дистанционного обучения и использованием электронных образовательных ресурсов, то современные технологии искусственного интеллекта позволяют решать существенно более широкий круг задач. Они используются для создания текстового, графического содержания, для анализа информации и образовательных данных, выявления закономерностей, прогнозирования результатов обучения, персонализации образовательного процесса, формирования рекомендаций.

Расширение сферы применения искусственного интеллекта изменяет характер его присутствия в образовательных отношениях, так как результаты взаимодействия участников учебного процесса с ИИ способны влиять как на содержание обучения, так и на логику принятия решений.

Вместе с тем действующее образовательное законодательство формировалось преимущественно применительно к электронным, информационным и техническим средствам обучения. Возникает вопрос о том, может ли искусственный интеллект рассматриваться исключительно в рамках существующих правовых категорий либо особенности его функционирования обуславливают необходимость специальной правовой индивидуализации в отраслевом законодательстве.

Цель исследования заключается в обосновании особого положения искусственного интеллекта среди технологий, используемых в образовательной деятельности, выявлении особенностей, препятствующих его полному отождествлению с традиционными техническими средствами, и определении необходимости его специальной правовой индивидуализации в образовательном законодательстве.

1. Искусственный интеллект в системе российского образования

Искусственный интеллект (ИИ) активно внедряется в образование, меняя подходы к обучению и работе педагогов.

Распространение технологий искусственного интеллекта среди участников образовательных отношений подтверждается результатами социологических исследований. Так, исследование сервиса «Анкетолог», проведенное в 2025 году, показало, что 62 % российских школьников используют нейросети. Наиболее распространенными целями использования ИИ являются помощь в учебной деятельности (63 %), поиск информации (45 %) и создание текстов и проектов (31 %) [16]. По данным исследования АНО «Диалог Регионы», проведенному в 2026 году, уже 94 % опрошенных детей 10–17 лет пользуются нейросетями или чатами с ИИ. При этом 64 % отметили, что некоторые вопросы им проще задать ИИ, чем взрослому [18].

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 43 % россиян указали, что их дети уже используют искусственный интеллект при подготовке учебных заданий, а еще 30 % допускают применение ИИ по отдельным предметам. При этом 46 % респондентов выступают против использования ИИ школьниками при выполнении домашних заданий, что свидетельствует о наличии дискуссии среди родителей относительно допустимых границ применения подобных технологий [17].

Об использовании ИИ в образовательной практике свидетельствуют и официальные данные: в 2026/2027 учебном году в школах продолжается изучение искусственного интеллекта в рамках информатики. Минпросвещения России также запустило федеральную программу повышения квалификации «Искусственный интеллект в работе учителя», участниками которой должны стать 250 тысяч педагогов [20].

Перспективы развития и использования технологий искусственного интеллекта обозначены в документах государственного стратегического планирования. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124), предусмотрено развитие кадрового потенциала и компетенций в области разработки и использования технологий искусственного интеллекта. В документе искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [2].

Развитие технологий искусственного интеллекта в сфере высшего образования предусмотрено Стратегическим направлением в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года, утвержденным распоряжением Правительства РФ от 5 июля 2025 г. № 1805-р. Документ среди показателей цифровой трансформации рассматривает использование ИИ при реализации образовательных программ [3].

Таким образом, на уровне государственного стратегического планирования искусственный интеллект уже рассматривается как самостоятельное направление технологического развития.

Правовую индивидуализацию ИИ можно проследить и на уровне национальной стандартизации. ГОСТ Р 59895–2021 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Стандарт определяет искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум,

с результатами интеллектуальной деятельности человека» [4].

ГОСТ Р 59895–2021 относит к технологиям ИИ, в частности, компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта [5].

Система национальной стандартизации включает и более специализированные документы. Так ГОСТ Р 59896–2021 посвящен образовательным продуктам с алгоритмами искусственного интеллекта для адаптивного обучения, а ГОСТ Р 59897–2021 устанавливает требования к данным для систем искусственного интеллекта в образовании, включая их сбор, хранение, обработку, передачу и защиту [6]. ГОСТ Р 70947–2023, введенный в действие с 1 января 2024 г., устанавливает положения и методику проведения испытаний систем искусственного интеллекта, применяемых в управлении успеваемостью обучающихся по программам среднего профессионального образования [7].

Следовательно, на уровне национальной стандартизации искусственный интеллект так же выделен как самостоятельная технологическая категория применительно к образовательной деятельности.

2. Проблема правовой индивидуализации искусственного интеллекта в образовательном законодательстве

Основным отраслевым нормативным правовым актом, регулирующим образовательные отношения, является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Действующее законодательство создает общую основу для применения современных информационных технологий в образовании. Так, статья 16 Федерального закона № 273-ФЗ регулирует реализацию образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий [1].

Кроме того, пункт 26 статьи 2 Федерального закона № 273-ФЗ определяет средства обучения и воспитания как перечень материальных и информационно-технических средств: «приборы, оборудование, включая спортивное оборудование и инвентарь, инструменты (в том числе музыкальные), учебно-наглядные пособия, компьютеры, информационно-телекоммуникационные сети, аппаратно-программные и аудиовизуальные средства, печатные и электронные образовательные и информационные ресурсы и иные материальные объекты, необходимые для организации образовательной деятельности» [1].

Таким образом, искусственный интеллект как самостоятельная технологическая категория в Федеральном законе № 273-ФЗ не выделен.

Следовательно, возникает несоответствие между различными уровнями регулирования. С одной стороны, государственные стратегические документы предусма-

тривают развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта в образовании, а система национальной стандартизации уже содержит отдельную группу документов, непосредственно посвященных ИИ в образовательной деятельности. С другой стороны, — базовый отраслевой закон не содержит сопоставимой правовой индивидуализации данной технологии. Такое состояние предлагается обозначить понятием «нормативная асимметрия регулирования искусственного интеллекта в образовании».

Под нормативной асимметрией в настоящем исследовании понимается несоответствие между фактическим применением технологий искусственного интеллекта, нормами их стратегического и технического регулирования и степенью специальной регламентации в отраслевом законодательстве.

Данное обстоятельство само по себе не означает невозможности использования ИИ в образовательной деятельности. Отдельные системы искусственного интеллекта могут охватываться более широкими категориями программных, аппаратно-программных и информационных средств, указанных в законодательстве.

Проблема состоит в другом: сохраняющийся в Законе об образовании подход, предполагающий сведение ИИ исключительно к обычному техническому средству, не в полной мере отражает особенности современных интеллектуальных систем и его влияния на образовательные отношения.

3. Особенности искусственного интеллекта как технологии, применяемой в образовании

Как отмечает И. А. Филипова, «искусственная интеллектуальная система отличается от простой информационной системы объемом используемых данных и знаний, способностью создавать новые знания, идеи и технологии, а также степенью формальной неопределенности получаемых результатов» [8, с. 11].

При этом критерием выделения искусственного интеллекта среди иных технологий, применяемых в образовании, выступает не только техническая сложность соответствующих систем. Существенное значение имеет характер выполняемых ими функций, а также потенциальная способность результатов взаимодействия с ИИ оказывать влияние на деятельность участников образовательных отношений, а в отдельных случаях — на реализацию их прав и законных интересов.

Интеграция технологий ИИ в образовательный процесс остается предметом активного изучения научно-педагогического сообщества. Так, Е. А. Кошкина, Н. В. Бордовская, Д. С. Гнедых и соавторы, рассматривая специфику взаимодействия обучающегося с генеративным ИИ, выделяют такие направления его применения, как персонализация образовательного процесса, работа с образовательными результатами, проектирование учебных курсов и создание образовательного со-

держания. Исследователи также обращают внимание на то, что если «до недавнего времени накопление, передача, совместное создание и использование знаний основывалось на прямом взаимодействии между людьми, то с появлением генеративного искусственного интеллекта данные процессы выходят за рамки такого взаимодействия, так как обмен информацией происходит уже без участия другого человека, что способствует развитию нового вида сотрудничества человека с интеллектуальной системой» [13].

В свою очередь, Р. Б. Куприянов и Д. Ю. Звонарев рассматривают возможности применения интеллектуального анализа образовательных данных для прогнозирования результатов, обучающихся [12].

Таким образом, сфера применения ИИ в образовании достаточно широка. Искусственный интеллект может выступать предметом изучения, использоваться обучающимися и педагогическими работниками в качестве инструмента образовательной деятельности, так и обеспечивать персонализацию обучения, применяться для анализа образовательных данных, прогнозирования и формирования рекомендаций.

Анализ направлений применения ИИ в сфере образования позволяет выделить четыре функциональные особенности искусственного интеллекта, имеющие значение для определения его места среди иных технологий, используемых в образовании.

Первая особенность — способность к интеллектуальной обработке данных и формированию результатов на их основе. В отличие от многих традиционных технических средств, используемых преимущественно для выполнения заранее определенных пользователем операций, системы ИИ способны анализировать значительные массивы данных, выявлять закономерности и формировать на их основе классификации, прогнозы, рекомендации и иные результаты, содержание которых не определяется пользователем заранее в окончательном виде. Для отдельных разновидностей ИИ характерна также способность к созданию нового содержания.

При этом способность к генерации нового содержания не является универсальным признаком всех систем искусственного интеллекта, а характеризует прежде всего генеративный искусственный интеллект. В связи с этим целесообразно разграничивать искусственный интеллект как общую технологическую категорию и генеративный искусственный интеллект как одну из его разновидностей.

Соответствующий подход представлен и в российской научной литературе. Так, Т. А. Бороненко и В. С. Федотова рассматривают генеративный искусственный интеллект (ГИИ) как разновидность искусственного интеллекта. Авторы отмечают, что ГИИ использует методы глубокого обучения для выявления закономерностей в больших объемах данных, что позволяет генерировать новые результаты в виде текста, изображений, аудио- и видеоматериалов [14]. В юридической литературе вопросы опре-

деления генеративного искусственного интеллекта и его соотношения с общей категорией искусственного интеллекта также рассматриваются в контексте формирования специального правового регулирования соответствующих технологий [15].

Вторая функциональная особенность — адаптивность и возможность персонализации взаимодействия. Результат функционирования системы ИИ может изменяться в зависимости от поступающих данных, характеристик пользователя и контекста взаимодействия. В образовательной деятельности данное свойство создает возможности для адаптации учебного содержания и обратной связи с учетом потребностей конкретного обучающегося.

Третья особенность — возможность использования результатов функционирования ИИ для прогнозирования и поддержки принятия решений. Система способна не только предоставлять пользователю информацию, но и анализировать имеющиеся данные, выявлять закономерности и формировать на их основе прогнозы и рекомендации. В сфере образования соответствующие результаты могут использоваться, в частности, при анализе образовательных достижений, выявлении трудностей в обучении и выборе дальнейших образовательных действий.

Четвертая особенность — вероятностный характер и ограниченная объяснимость отдельных результатов. Результат функционирования системы искусственного интеллекта не во всех случаях является полностью предсказуемым для пользователя, а механизм формирования конкретного вывода может обладать ограниченной прозрачностью. Э. В. Талапина называет данную проблему феноменом «черного ящика» и рассматривает прозрачность алгоритмов как одно из юридически значимых условий обеспечения подотчетности при использовании ИИ [10].

Совокупность перечисленных функциональных особенностей позволяет выделить искусственный интеллект в самостоятельную технологическую категорию среди иных информационных и технических средств, применяемых в образовании. Вместе с тем определяющее значение для его индивидуализации имеет не наличие отдельных технических свойств, а потенциальное юридическое значение результатов функционирования ИИ.

4. Искусственный интеллект как особый технологический объект правового регулирования образовательных отношений

Правовая природа искусственного интеллекта остается предметом научной дискуссии. Одним из обсуждаемых вопросов является возможность признания ИИ субъектом права. Однако способность алгоритмической системы выполнять интеллектуально сложные операции сама по себе не свидетельствует о возникновении у нее самостоятельной правосубъектности. Ис-

кусственный интеллект не становится участником образовательных отношений в том же смысле, что обучающийся, педагогический работник или образовательная организация, и не приобретает самостоятельных прав и обязанностей, предусмотренных образовательным законодательством.

Особенность искусственного интеллекта как объекта регулирования состоит в том, что, оставаясь технологическим средством, ИИ способен формировать результаты, которые используются человеком в образовательной деятельности и потенциально могут влиять на положение участников образовательных отношений, что имеет юридическое значение и дает основания для специальной правовой индивидуализации искусственного интеллекта и определения для него отдельного места в системе правового регулирования.

Данный вывод соотносится с позицией российских исследователей. Л. А. Емелина и С. А. Яворский обращают внимание на недостаточность регулирования применения ИИ в образовательном законодательстве и необходимость развития соответствующей нормативной основы [9].

Д. С. Данилова, Ю. В. Гусейнова, С. А. Козин и А. А. Борисов также рассматривают нормативное регулирование как необходимый элемент внедрения технологий искусственного интеллекта в российское высшее образование [10].

В связи с этим предлагается рассматривать искусственный интеллект как особый технологический объект правового регулирования образовательных отношений.

Под таким объектом следует понимать технологии и основанные на них системы, применение которых в образовательной деятельности в силу особенностей обработки данных, формирования нового содержания и результатов способно оказывать непосредственное или опосредованное влияние на реализацию прав и законных интересов участников образовательных отношений.

Предлагаемый подход не требует признания искусственного интеллекта самостоятельным субъектом права. Напротив, ИИ сохраняет характер технологического инструмента, а права, обязанности и ответственность, связанные с его использованием, должны относиться к соответствующим физическим и юридическим лицам.

С учетом изложенного представляется целесообразным осуществить специальную правовую индивидуализацию искусственного интеллекта в Федеральном законе № 273-ФЗ, прямо закрепив возможность применения систем искусственного интеллекта при осуществлении образовательной деятельности и определив их место среди используемых образовательных технологий и средств с учетом специфики их функционирования.

Такое закрепление позволит устранить выявленную нормативную асимметрию между стратегическим и техническим регулированием ИИ, с одной стороны, и базовым образовательным законодательством — с другой, не создавая при этом искусственной конструкции самостоятельной правосубъектности интеллектуальной системы.

Литература:

1. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273
2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490; вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124
3. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-Р
4. ГОСТ Р 59895–2021. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология.
5. ГОСТ Р 59896–2021. Образовательные продукты с алгоритмами искусственного интеллекта для адаптивного обучения в общем образовании. Требования к учебно-методическим материалам.
6. ГОСТ Р 59897–2021. Данные для систем искусственного интеллекта в образовании. Требования к сбору, хранению, обработке, передаче и защите данных.
7. ГОСТ Р 70947–2023. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема управления успеваемостью обучающихся по программам среднего профессионального образования. Общие положения и методика испытаний.
8. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. — 3-е изд., обновл. и доп. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2025. — 321 с.
9. Емелина Л. А., Яворский С. А. Правовой статус искусственного интеллекта в системе российского образования // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». — 2025. — № 1 (57). — С. 68–76. — URL: https://law-bulletin.mgpu.ru/2025/04/03/pravovoj-status-iskusstvennogo-intellekta-v-sisteme-rossijskogo-obrazovaniya/?utm_source=chatgpt.com
10. Данилова Д. С., Гусейнова Ю. В., Козин С. А., Борисов А. А. Правовые аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта в систему высшего образования Российской Федерации // Образование и право. — 2025. — № 1. — С. 437–446.
11. Талапина Э. В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2025. — Т. 18, № 3. — С. 4–27.
12. Куприянов Р. Б., Звонарев Д. Ю. Разработка модели прогнозирования образовательных результатов обучающихся для университетов // Искусственный интеллект и принятие решений. — 2021. — № 2. — С. 11–20.
13. Кошкина Е. А., Бордовская Н. В., Гнедых Д. С., Хромова М. А., Демьянчук Р. В., Исакова М. П., Балышев П. А. Генеративный искусственный интеллект в высшем образовании: обзор теоретических подходов и практик применения // Высшее образование в России. — 2025. — Т. 34, № 6. — С. 36–57.
14. Бороненко Т. А., Федотова В. С. Генеративный искусственный интеллект в образовании: новые задачи и компетенции педагога // Мир науки, культуры, образования. — 2025. — № 2 (111). — С. 228–233. — URL: https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-2111-228-233?utm_source=chatgpt.com
15. Романов В. И. Правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Российской Федерации // Российский научный вестник. Научно-правовой журнал. — 2025. — URL: https://r.law-books.ru/article/pravovoe-regulirovanie-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta-v-rossiyskoy-federatsii/?utm_source=chatgpt.com
16. 62 % российских школьников используют нейросети // Анкетолог: Институт общественного мнения. — 2025. — 1 сент. — URL: https://iom.anketolog.ru/2025/08/28/shkolniki-ispolzuyut-nejroseti?utm_source=chatgpt.com
17. Искусственный интеллект в школе: добро или зло? // ВЦИОМ: аналитический обзор. — 2025. — 21 апр. — URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-shkole-dobro-ili-zlo?utm_source=chatgpt.com
18. ИИ в помощь: как школьники осваивают нейросети // Российская газета. — 2026. — 1 сент. — URL: https://rg.ru/2026/09/01/bolshinstvo-shkolnikov-ispolzuiut-nejroseti-kak-pomoshchnikov-v-uchebe.html?utm_source=chatgpt.com
19. Каждый третий родитель не знает об использовании ИИ своим ребенком // Ведомости. — 2026. — 22 сент. — URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/09/22/1230670-roditel-ne-znaet-ob-ispolzovanii-ii-rebenkom?utm_source=chatgpt.com
20. Минпросвещения России определило правила использования ИИ в школе // Министерство просвещения Российской Федерации: официальный сайт. — 2026. — 26 сент. — URL: https://edu.gov.ru/press/12094/minprosvescheniya-rossii-opredelilo-pravila-ispolzovaniya-ii-v-shkole/?utm_source=chatgpt.com

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (644) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 21.10.2026. Дата выхода в свет: 28.10.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.